

biss

Belarusian Institute
for Strategic Studies

Исследование

К Новой Беларуси: факторы трансформаций

В исследовании принимали участие:
Пётр Рудковский, Сергей Кривецкий,
Николас Бутылин, Андрей Тарасевич, Якуб Дынько,
Вадим Можейко, Тадео Хулиан Васкес
Координатор исследования – Пётр Рудковский

*Дваццаць шэсць год тыранія ўрастала
ў народнае цела. У кожную яго костку,
у кожны капіляр. А вы хочаце вырваць яе
за пару дзён і нават не стаціцца?
Так не будзе.*

Андрэй Скурко*, 18 жніўня 2020

*Андрей Скурко – белорусский интеллектуал, журналист и писатель. С 2006 по 2017 год – главный редактор газеты «Наша Ніва». 8 июля 2021 года Андрей был задержан и помещен в СИЗО. 12 июля признан политическим заключенным.

Кроме Андрея, в Беларуси лишены свободы по политическим мотивам еще 652 человека, и эта цифра растет...

Основные тезисы

- Процедурная (электоральная) легитимация после 2020 года – это одно из самых уязвимых мест белорусского режима.
- У белорусского режима остаются некоторые козыри в сфере идеологической легитимации. Защита «традиционных ценностей», дружба с Россией и культивация советского наследия – эти три важные для общества сферы по-прежнему монополизированы Лукашенко.
- В случае преодоления автократии у белорусов есть высокие шансы успешного запуска демократических институтов. Вот основные позитивные факторы: ослабление патерналистских настроений в пользу индивидуальной ответственности, рост веры в собственные силы, рост образованности населения, опыт самоорганизации и горизонтального взаимодействия, усиление среднего класса, отсутствие в обществе острых конфликтов.
- Есть как минимум два фактора, которые негативно влияют как на шансы преодоления автократии, так и шансы построения демократии: слабая национальная идентичность и преимущественно российская социализация белорусских чиновников.
- Кремль продолжит тактику публичной поддержки режима Лукашенко в сочетании с продвижением конституционной реформы в течение 2022 года. Кремль рассчитывает на появление мощной пророссийской политической силы в Беларуси, которая либо будет осуществлять власть в новом авторитарном формате, либо, по крайней мере, будет конкурировать с другими в рамках полудемократического формата.
- Характерной чертой белорусской ситуации является низкий уровень проавторитарной мобилизации. Сторонники власти активизировались в 2020 году, но эта активность все же не сравнима с мобилизацией сторонников режима в Турции в 2013 году или в Польше в 1980-81 годах. Этот момент будет играть важную роль на следующих этапах.
- Опыт консолидации протестного движения в 2020 году оказал (и продолжает оказывать) существенное влияние на сторонников режима. Для них поддержка режима перестает быть опцией «по умолчанию» и они начинают всерьез задумываться над выгодами и затратами от такой поддержки.

Содержание

Основные тезисы.....	2
Список графиков, таблиц и рисунков.....	5
Графики.....	5
Таблицы.....	6
Рисунки.....	6
Список сокращений.....	7
Введение.....	8
Базовые предпосылки и методология.....	10
Часть первая.....	11
Архитектура пошатнувшегося авторитаризма.....	11
Беларусь на фоне других автократий.....	11
Модель Гершевского.....	14
Авторитаризм.....	14
Легитимация.....	16
Общие закономерности.....	16
Избирательный процесс – ахиллесова пята современных автократий.....	17
Метаморфозы легитимации режима Лукашенко.....	18
До 2020 года: процедуры, экономика и идеология.....	18
Выборы.....	18
2020 год: разрушение остатков процедурной легитимации.....	20
Экономическая стагнация, ковид и проблемы с социальным контрактом.....	22
Идеологические зигзаги.....	24
Потенциал диффузивной поддержки.....	26
Консолидация протестной части общества и ослабление эффекта колеи.....	27
Репрессии.....	28
Общие закономерности.....	28
Краткосрочный эффект репрессий 2020-2021 в Беларуси.....	29
Кооптация элит.....	31
Общие закономерности.....	31
Белорусские элиты: проблема не в лояльности, а в ее устойчивости.....	33
Партия власти.....	38
Общие закономерности.....	38
Беларусь: отсутствие партии власти – фактор риска.....	39
Международный контекст.....	41
Общие закономерности.....	41
Беларусь: борьба за демократию без внешних стимулов.....	43
Типичные обстоятельства коллапса автократий.....	44
Статистика послевоенного периода.....	44
Белорусский режим: в каких обстоятельствах может произойти коллапс?.....	44
Заключение первой части.....	46
Часть вторая.....	47
Две трансформации.....	47
Ценностные предпосылки.....	47
Распространенность ценностей открытого общества.....	48
Описание фактора.....	48
Беларусь: ценностный сдвиг в направлении открытого общества.....	50

Национальная идентичность.....	52
Описание фактора	52
Противоречивая нац-идентичность белорусов	53
Образованность населения	57
Описание фактора	57
Образованность населения Беларуси на подъеме.....	58
Наличие опыта кооперации и диалога.....	59
Описание фактора	59
Этос кооперации в Беларуси возрастает	60
Синописис ценностных факторов	61
Структурные предпосылки	62
Сильный средний класс	62
Описание фактора	62
Беларусь второй декады: «обуржуившиеся» – не только банкиры.....	63
Социо-экономическое неравенство	63
Описание фактора	63
Беларусь: контрасты небольшие, а толерантность к ним возрастает.....	64
Устойчивость государства	65
Описание фактора	65
Сильная государственность Беларуси	66
Синописис структурных факторов.....	67
Тактические предпосылки	68
Продемократическая мобилизация общества	68
Описание фактора	68
Протесты-2020 в Беларуси: опыт мобилизации с долгосрочным эффектом.....	69
Ненасильственная vs насильственная борьба	71
Электоральный бойкот	73
Беларусь: опыт спонтанного действия	74
Синописис тактических факторов	75
Международные факторы.....	76
Международная идентичность и социализация чиновников	76
Описание фактора	76
Пророссийский бэкграунд белорусских чиновников	77
Глобализация, международные санкции или поддержка	79
Описание фактора	79
Отсроченный эффект послевыборных санкций.....	80
Синописис международных факторов.....	81
Два вероятных сценария поведения России по отношению к Беларуси.....	82
Сценарий А:	82
Сценарий Б:.....	82
Лотерейные факторы	84
Шоки и кризисы.....	84
Смерть автократа	84
Ошибки автократа и ситуативные триггеры.....	85
Пояснения к графику 31:.....	87
Черные лебеди белорусского режима	89
Синописис лотерейных факторов	91
Закключение	92
Научная литература и аналитические отчеты	95

Список графиков, таблиц и рисунков

Графики

1. Соотношение политических систем в 2020 году (167 стран) (EIU).....	11
2. Рейтинг автократий по жесткости/мягкости (EIU).....	12
3. Степень персонализации власти в авторитарных странах, 2020 (V-Dem).....	13
4. Индекс электорального процесса и плюрализма в Беларуси за 2006–2020 годы (EIU)	19
5. Распределение голосов в обнародованных/необнародованных протоколах («Голос», «Зубр», «Честные люди»)	21
6. Рост ВВП в Беларуси, России, Польше и Украине (Всемирный банк).....	22
7. Уровень начисленных среднемесячных заработных плат (Белстат).....	23
8. Достижение целей социально-экономического развития (Белстат).....	23
9. «Политическая система, где имеется сильный лидер – насколько она хороша для Вашей страны?» (WVS/EVS)	26
10. «Политическая система, где страной руководит армия – насколько она хороша для Вашей страны?» (WVS/EVS)	26
11. «Политическая система, где основные решения принимают эксперты – насколько она хороша для Вашей страны?» (WVS/EVS).....	27
12. Значение правящей партии на фоне персонализации автократии (V-Dem)	40
13. Патернализм vs индивидуализм (WVS/EVS)	50
14. Субъектность индивида (WVS/EVS).....	50
15. «Насколько демократия подходит для Вашей страны (Беларуси)»? (WVS/EVS)	51
16. «На какую историческую традицию Беларусь должна опираться в первую очередь?» (OSW)	56
17. Корреляция между уровнем образования и уровнем демократии (Polity IV, UNESCO, Barro & Lee, Aleman & Kim)	58
18. Уровень образования в Беларуси в 2007–2019 (HDI/UNDP)	58
19. Отношение к конкуренции (WVS/EVS).....	60
20. Индекс Джини в Беларуси и некоторых соседних странах (World Bank)	64
21. Толерантность к неравенству в доходах среди белорусов (WVS/EVS)	65
22. Проавторитарная мобилизация в ответ на мобилизацию сторонников демократии (V-Dem).....	70
23. Продемократическая vs проавторитарная мобилизация в Беларуси в 1990–2020 годы (V-Dem)	70
24. Эффективность мирных vs насильственных протестных кампаний (NAVCO)	71
25. Насильственные/ненасильственные кампании: частота успеха (Chenoweth, 2020).....	71
26. Мобилизационный потенциал белорусов до выборов в 2019 и 2020 (Lebanidze, 2020)	74
27. Соотношение численности чиновников с западным/российским образованием в Беларуси (Lebanidze, 2020).....	78
28. Процент чиновников с российским образованием в четырех постсоветских странах (Lebanidze, 2020)	78
29. Процент чиновников с западным образованием в четырех постсоветских странах (Lebanidze, 2020)	79

30. Соотношение демократизации: сознательной, незапланированной и «по ошибке» (Treisman, 2020).....	85
31. Случаи, когда с демократизация происходила в результате тех или иных ошибок (Treisman, 2020).....	86

Таблицы

1. Типы легитимации.....	16
2. Формы международного влияния на внутривластные трансформации	42
3. Статистика факторов падения автократий	44
4. Установки, свойственные открытому и закрытому обществу.....	49
5. % тех, кто заявили, что национальный язык (языки) очень важен (важны) для того, чтобы быть «настоящим португальцем, голландцем (...) белорусом» (PRC).....	54
6. [Национальный нарратив] «С каким из приводимых суждений вы согласны в наибольшей степени?» (НовАК, Satio, CH)	55
7. «Каковы истоки белорусской государственности?» (НовАК, BAW)	55
8.1. Ценностные факторы влияющие на (а) преодоление автократии;	
(б) переход к демократии	61
8.2. Беларусь: конфигурация ценностных факторов	61
9. Индекс государственной хрупкости Беларуси по сравнению с выборочными странами (2020, FSI)	66
10.1. Структурные факторы влияющие на (а) преодоление автократии;	
(б) переход к демократии	67
10.2. Беларусь: конфигурация структурных факторов.....	67
11. Топ-15 самых масштабных и продолжительных случаев продемократической мобилизации за 1970–2020	69
12.1. Тактические факторы влияющие на (а) преодоление автократии;	
(б) переход к демократии	75
12.2. Беларусь: конфигурация тактических факторов	76
13. Внешнеполитическая идентичность чиновников в Беларуси и некоторых постсоветских странах	77
14.1. Таблица 14.1. Международные факторы влияющие на (а) преодоление автократии; (б) переход к демократии.....	81
14.2. Беларусь: конфигурация международных факторов	82
15.1. Лотерейные факторы влияющие на (а) преодоление автократии;	
(б) переход к демократии	91
15.2. Беларусь: конфигурация лотерейных факторов	91

Рисунки

1. Архитектура авторитаризма (адаптация модели Гершевского)	14
2. Риски и проблемы связанные с проведением/непроведением выборов	18
3. Порочный круг репрессий	29
4. Силовики vs технократы до 2007-08. Ключевые фигуры.....	34
5. Силовики vs технократы до 2009–19. Ключевые фигуры.....	35
6. 2020–?: возобновление и институционализация доминантности силовиков	36
7. Классификация факторов, релевантных для преодоления автократии и(ли) демократизации	47
8. Модель взаимоотношений трех типов идентичности	53
9. Компенсация слабой нац-идентичности белорусов	57

Список сокращений

BAW – Belarusian Analytical Workroom (Белорусская аналитическая мастерская в Варшаве)

BTI – Bertelsmann Transformation Index (Индекс трансформации Бертельсманна)

CH – Chatham House (Королевский институт международных отношений – британский аналитический центр в области международных отношений).

EIU – The Economist Intelligence Unit (исследовательская кампания, связанная с еженедельником *The Economist*)

et al. – et alia (из латинского: и другие [соавторы])

FSI – Fragile States Index powered by the Fund for Peace (Индекс неустойчивых государств Фонда для мира)

HDI/UNDP – Human Development Index/United Nations Development Programme (Индекс человеческого развития/Программа развития ООН)

EVS – European Values Study (Европейское исследование ценностей)

NAVCO – Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (база данных «Ненасильственные и насильственные кампании и результаты»)

OSW – Ośrodek Studiów Wschodnich w Warszawie (из польского: Центр восточных исследований в Варшаве)

PRC – Pew Research Center (Исследовательский центр Пью в Вашингтоне)

V-Dem – Институт *Varieties of Democracy* при Гетеборгском университете, Швеция

WVS – World Value Survey (Всемирный обзор ценностей)

АП – Администрация президента (Республики Беларусь)

ЕАЭС – Евразийский Экономический Союз

ЕС – Европейский Союз

ИС НАН – Институт социологии Национальной академии наук (Республики Беларусь)

МАЗ – Минский автомобильный завод

СБ РБ – Совет Безопасности Республики Беларусь

ЦАР – Центральнаяафриканская Республика

ЦИК – Центральная избирательная комиссия (Республики Беларусь)

ЮАР – Южноафриканская Республика

Введение

Почему протесты 2020 года не привели к коллапсу белорусского режима? Будут ли перемены в Беларуси в ближайшем будущем? Что ждет протестное движение? Каковы шансы на демократизацию? ...и риски возникновения новой автократии после возможного ухода Лукашенко?

В течение последнего года прозвучало множество ответов на эти вопросы. Многие из этих ответов предполагают довольно простую модель социально-политической действительности, где один-два фактора наделены решающей силой в производстве системных преобразований. *Если бы 16 августа 2020 года Тихановская вернулась в Беларусь, то она бы без проблем смогла заполучить власть, а Лукашенко бы сбежал за границу. Если бы на пике протестов были захвачены административные здания, то режим обязательно бы рухнул. Если в ближайшее время белорусы выйдут на улицы в таком же количестве, что и в прошлый год, то режим не выдержит.*

Все эти умозаключения предполагают слишком простую модель действительности. В течение последних 70 лет насчитывается около 480 случаев ухода (т.е. свержения, смерти или отставки) авторитарных правителей¹. В 45% случаев уход автократа повлек за собой смену режима. Примерно в половине случаев авторитарный режим сменился демократическим². Эти процессы были обусловлены самыми разными факторами, точнее, конфигурациями факторов: от международных, через социокультурные и экономические до чисто ситуационных. Не существует одного-единственного фактора или одной-единой конфигурации факторов, которые гарантированно бы привели к системным политическим преобразованиям.

Поскольку не существует «гарантийных» факторов, нет также отрезка времени, в течение которого «должны» произойти системные изменения. В Южноафриканской Республике с момента подписания Хартии Свободы в 1955 году (условное начало скоординированной борьбы против апартеида) до проведения всеобщих демократических выборов в 1994 году прошло почти сорок лет. В Польской Народной Республике с момента зарождения «Солидарности» (1980) до Круглого Стола (1989), который положил конец коммунистической автократии, прошло девять лет. А в Тунисе с момента всплеска первых демонстраций против режима Бен Али (декабрь 2010) до выборов в Учредительное собрание (октябрь 2011), которые институционализировали переход к демократии, прошло всего лишь десять месяцев. Аналогично тому, как факторы политических трансформаций могут быть разными, так и временные рамки условного «перехода» сильно варьируются.

Основная цель этого исследования – идентифицировать факторы, которые релевантны для политической трансформации в Беларуси. Речь идет о четырех типах факторов: (а) способствующие демонтажу автократии; (б) замедляющие этот демонтаж; (в) способствующие демократизации; (г) препятствующие демократизации. Сразу обратим внимание, что демонтаж автократии не равнозначен наступлению устойчивой демократии. Свержение автократа далеко не всегда ведет к демократии, а точнее:

¹ A. Kendall-Taylor, E. Frantz (2014), 'How Autocracies Fall.' In *Political Science Faculty Publications*. Paper 69, https://vc.bridgew.edu/polisci_fac/69

² B. Geddes, J. Wright, E. Frantz (2014), 'Autocratic Breakdown and Regime Transitions: New Data,' *Perspectives on Politics*, Volume 12, Issue 2, <https://www.cambridge.org/core/journals/perspectives-on-politics/article/autocratic-breakdown-and-regime-transitions-a-new-data-set/EBDB9E5E64CF899AD50B9ACC630B593F>

в меньшинстве случаев после ухода автократа наступала демократизация. История последнего десятилетия Мьянмы, Кыргызстана и Туниса показывает, насколько противоречивым бывает «поставторитарный период» и насколько серьезен риск появления новой формы автократии. Вот почему важно различать «факторы демонтажа автократии» и «факторы демократизации».

Исследование состоит из двух частей. Первая посвящена оценке нынешнего состояния белорусской автократии. Мы использовали (слегка модифицированную) модель авторитаризма немецкого политолога Йоханнеса Гершевского, который выделяет три опоры автократии: *легитимация, репрессии и кооптация элит*. Были рассмотрены также два дополнительных фактора устойчивости/неустойчивости авторитарного режима: *партия власти и международный контекст*.

Вторая часть посвящена факторам системных изменений. Мы анализируем не просто изменения, но также их вероятное направление в средне- и долгосрочной перспективе. Как было замечено выше, свержение автократа не равнозначно демократизации. В связи с этим, анализируя факторы трансформаций, мы отдельно рассматриваем два следующих вопроса: (1) Насколько фактор Φ релевантен для демонтажа белорусской автократии? и (2) Какое влияние Φ может оказать на переход к демократии в случае падения автократии?

Прикладная цель нашего исследования – вооружить сторонников демократизации Беларуси знаниями, которые помогут им идентифицировать те сферы, на которые они в состоянии влиять. Это в свою очередь поможет участникам процесса более экономно и эффективно использовать свои силы и время. Некоторым это исследование может помочь определиться с экзистенциальным выбором – стоит ли вообще ему/ей ангажироваться в борьбу за перемены. Своевременное принятие такого решения имеет также общественное значение: никто не создает столько проблем для демократического движения, как бывший «революционер», который разочаровался в идее из-за того, что воплощение ее в жизнь оказалось более сложным, чем ему казалось. И наоборот: сознательное решение продолжать борьбу, принятое на базе реалистичной оценки ситуации, даст возможность участникам демократического движения выдержать разного рода испытания, которые неизбежны в такой ситуации.

Еще одна важная цель исследования – помочь избежать серьезных этических ошибок. Хотя этическая экспертиза не была нашей задачей, проведенный нами анализ разных вариантов действий поможет сторонникам демократии определиться с этическими рамками, внутри которых должна проходить борьба за демократическое будущее Беларуси.

Базовые предпосылки и методология

В ходе исследования мы руководствовались экспланационной моделью Карла Г. Гемпеля³, адаптированной к социополитической действительности. Адаптированная модель Гемпеля предполагает три действия:

1. Установление реального положения вещей
2. Установление релевантных закономерностей
3. Диагноз положения вещей сквозь призму закономерностей

Реальное положение вещей в Беларуси мы устанавливали на базе социологических опросов, мониторингов политического процесса, экспертных докладов, контента СМИ, статистических данных, международных индексов и т. д.

Серьезным вызовом было установление закономерностей трансформационного процесса. Работая в парадигме критического рационализма, мы исходим из того, что социополитическая реальность – это продукт действий (или бездействия) миллионов индивидуальных личностей, наделенных разумом и свободной волей. Таким образом, социально-политические процессы всегда в какой-то мере непредсказуемы.

Но нельзя сказать, что эти процессы абсолютно непредсказуемы. Когнитивные и бихевиоральные исследования выявляют множество паттернов (нестрогих закономерностей) человеческого поведения. Разум и свободная воля зачастую вносят в эти паттерны индивидуальные коррективы, но паттерны сохраняют свою релевантность. При прочих равных, человек предпочитает быструю выгоду отсроченной выгоде (гиперболическое дисконтирование); привычные критерии выбора имеют, как правило, более сильное влияние, чем критерии, требующие переосмысления системы ценностей (эффект колеи) – вот примеры таких закономерностей. Паттерны индивидуального поведения имеют свои эквиваленты на уровне социополитической жизни.

Таким образом, для установления социополитических закономерностей, релевантных для белорусского случая, мы использовали:

- Исследования жизненного цикла павших автократий. Для этого были изучены десятки работ по этой теме – от Сэмюэла Хантингтона через Адама Пшеворского до Барбары Геддес et al. – на предмет установленных закономерностей.
- Сравнение Беларуси с другими странами с авторитарным режимом на базе глобальных индексов (индекс EIU, V-Dem, VTI, World Bank и др.).
- Детальное изучение отдельных кейсов (case study), связанных с функционированием авторитарных режимов.
- Знания об общих когнитивно-поведенческих закономерностях (напр. эффект колеи, типичные способы восприятия рисков и т.д.).

³ S. Glennan (2006), 'Explanation' in Sahotra Sarkar, Jessica Pfeifer (eds), *The Philosophy of Science. An Encyclopedia*, New York: Routledge, p. 275-276; C. G. Hempel (1965), *Aspects of Scientific Explanation*, New York: The Free Press, p. 247-249.

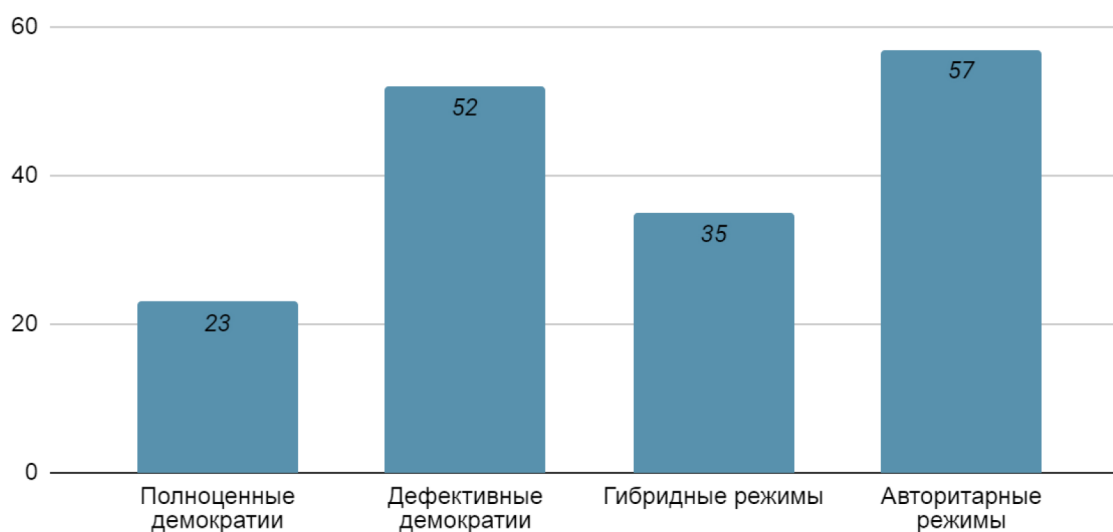
Часть первая.

Архитектура пошатнувшегося авторитаризма

Беларусь на фоне других автократий

Беларусь – одна из 57 авторитарных стран и единственная, если не считать евразийскую Россию, автократия в Европе. Из рейтинга *The Economist Intelligence Unit* (EIU) следует, что белорусская автократия – средняя по своей жесткости: на 38 пунктов она «отстает» от Северной Кореи и на 32 пункта «опережает» Мавританию и Мали (см. график 1 и 2).

График 1. Соотношение политических систем в 2020 году (167 стран).

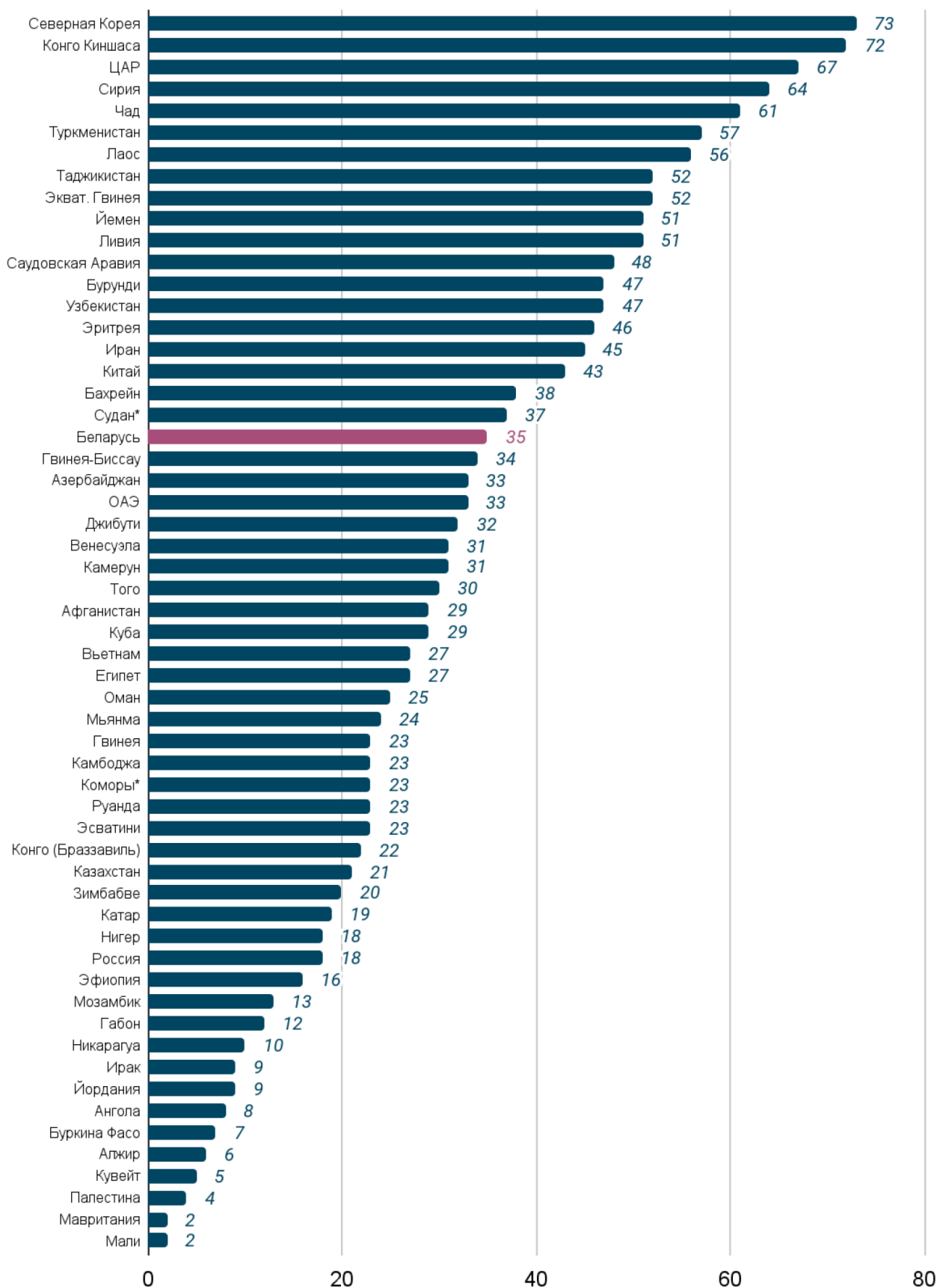
Источник: EIU

Автократии последних 70 лет – это либо военные хунты, либо партийные диктатуры, либо абсолютные монархии, которые, вместе взятые, составляют около 80% всех послевоенных авторитаризмов⁴. Белорусская автократия принадлежит к четвертой разновидности автократий – *персоналистской*, которая составляет около 20% послевоенных автократий. Персоналистская автократия, именуемая иногда президентализмом, – это системная концентрация политической власти в руках одного человека, который не желает делегировать другим субъектам право на принятие решений, кроме самых тривиальных⁵.

⁴ B. Geddes, J. Wright, E. Frantz (2018), *How dictatorships work. Power, Personalization, and Collapse*, Cambridge University Press.

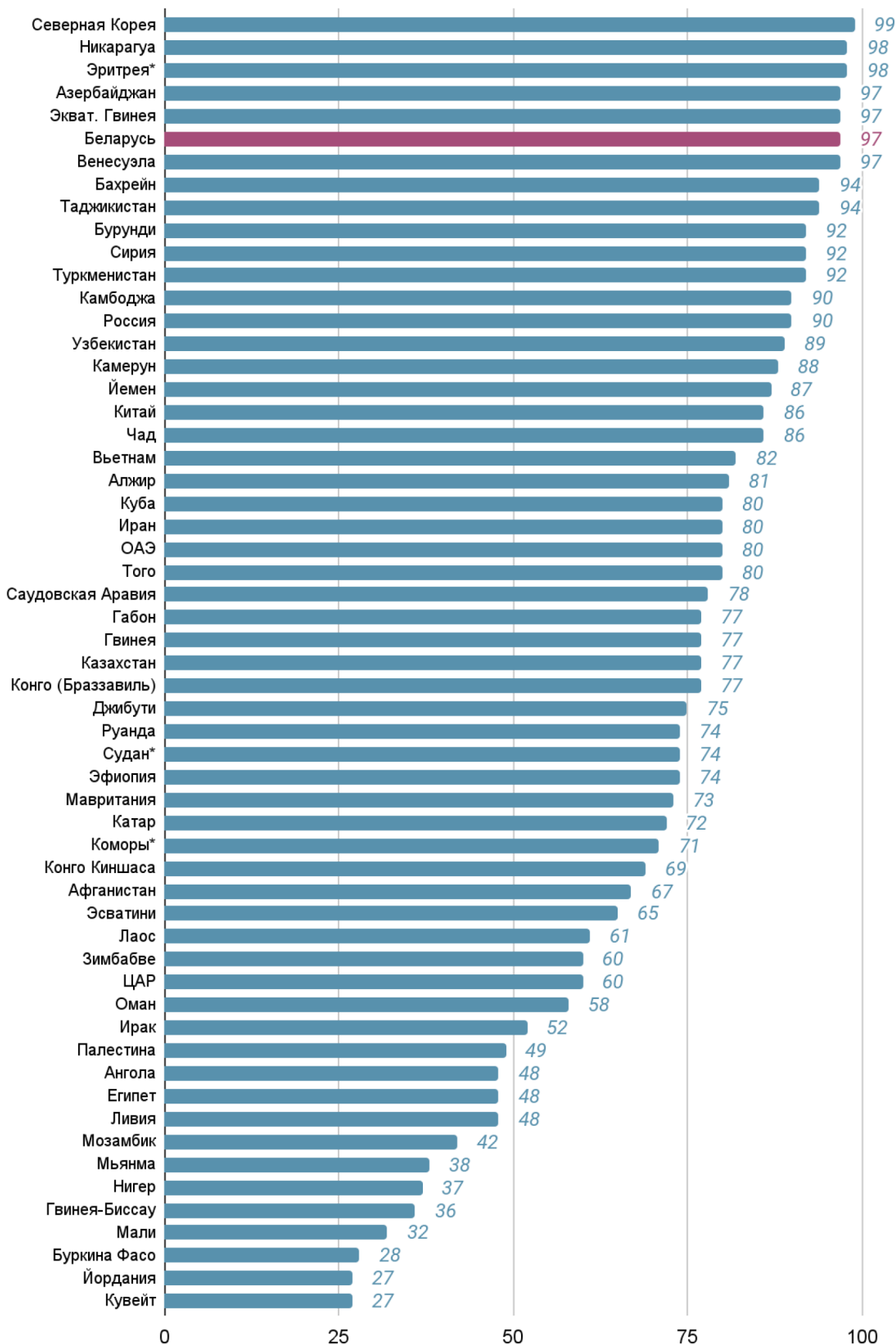
⁵ M. Bratton, N. Van de Walle (1997), *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective*, Cambridge University Press, p. 63. M. L. Mezey (2013), *Presidentialism: Power in Comparative Perspective*, Lynne Rienner Publishers.

График 2. Рейтинг автократий по жестокости/мягкости
(2020, столбальная шкала, где 100 – самая жесткая, 1 – самая мягкая).

Источник: EIU

График 3. Степень персонализации власти в авторитарных странах (2020, столбальная шкала).

Источник: V-DEM

Степень персонализации государственной власти измеряет институт *Varieties of Democracy (V-Dem)*⁶, используя шкалу от 0 до 1. Для удобства восприятия мы конвертировали в столбальную шкалу. По состоянию на начало 2021 года степень персонализации власти в Беларуси составляла 97 из 100 пунктов – это выше, чем в любой из существующих ныне абсолютных монархий (к примеру, персонализация в Саудовской Аравии составляет 77 пунктов) – см. график 3.

Еще одна отличительная черта белорусской автократии – отсутствие партии власти. Высокая степень персонализации, функционирование без партии власти, плюс расположение в Европе – все это, вместе взятое, делает белорусскую автократию довольно уникальным явлением. И заодно определяет ее сильные и уязвимые места. Теперь перейдем к более детальному анализу белорусского авторитаризма.

Модель Гершевского

Немецкий исследователь Йоханнес Гершевски выделил три фактора («столпа») авторитаризма: *легитимация*, *репрессии* и *кооптация элит*⁷. Визуально можно эту модель представить следующим образом (Рисунок 1):

Рисунок 1. Архитектура авторитаризма (адаптация модели Гершевского)

Легитимация – это совокупность обеспечиваемых правящей группой условий и сопровождающих их интерпретаций, позволяющих поддерживать в обществе убеждение, что нахождение у власти правящей группы целесообразно. В легитимации участвуют два типа акторов: *правящая группа* и *население*, где первый актер создает нужные условия и генерирует нужные интерпретации, а второй принимает или не принимает их.

⁶ Здесь и далее под лейблом V-Dem будут использоваться данные института *Varieties of Democracy*: Coppedge, Michael, John Gerring, Carl Henrik Knutsen, Staffan I. Lindberg, Jan Teorell, Nazifa Alizada, David Altman, Michael Bernhard, Agnes Cornell, M. Steven Fish, Lisa Gastaldi, Haakon Gjerløw, Adam Glynn, Allen Hicken, Garry Hindle, Nina Ilchenko, Joshua Krusell, Anna Luhrmann, Seraphine F. Maerz, Kyle L. Marquardt, Kelly McMann, Valeriya Mechkova, Juraj Medzihorsky, Pamela Paxton, Daniel Pemstein, Josefine Pernes, Johannes von R`omer, Brigitte Seim, Rachel Sigman, Svend-Erik Skaaning, Jeffrey Staton, Aksel Sundstr`om, Eitan Tzelgov, Yi-ting Wang, Tore Wig, Steven Wilson and Daniel Ziblatt (2021), "V-Dem [Country-Year/Country-Date] Dataset v11.1" Varieties of Democracy (V-Dem) Project <https://doi.org/10.23696/vdemds21>.

⁷ J. Gerschewski (2013), 'The Three Pillars of Stability', *Democratization*, Vol. 20, nr 1.

Практически никакая форма легитимации не гарантирует устойчивости авторитарного режима: всегда находятся диссиденты, оппозиционеры и бывшие члены правящей группы, которые в любой момент могут бросить вызов системе и ее основным бенефициарам. Поэтому любая автократия предполагает наличие *системы репрессий* – совокупности карательных мер, призванных повысить риски для тех, кто решится восстать против власти. Основными акторами здесь являются *правящая группа* и (*потенциальная*) *оппозиция* в широком смысле этого слова.

Серьезным вызовом для правящей группы является поддержание внутренней сплоченности и приобщение к управлению государством силовых, экономических и технократических элит. *Силовые элиты* – это вооруженные силы, обеспечивающие внутреннюю и внешнюю безопасность. *Экономические элиты* – это руководители крупных предприятий и бизнесмены, от которых зависит наличие финансовых ресурсов у правящей группы и их отсутствие у ее потенциальных оппонентов. *Технократические элиты* – это те, кто обладает профессиональным ноу-хау в жизненно важных сферах управления государством: дипломатия, экономика, информационные технологии, статистика и т.д.

Различие между «правящей группой» с одной стороны и «силовыми/экономическими/технократическими элитами» продиктовано следующими соображениями:

1. Члены правящей группы могут совмещать более чем одну функцию, например, входя в узкий круг приближенных автократа, могут быть одновременно крупными бизнесменами или профессионалами в области IT. Но практически никогда не бывает так, что правящая группа состоит из эффективных силовиков, бизнесменов, айтишников, менеджеров, дипломатов и т.д. Правящая группа вынуждена постоянно поддерживать такую систему стимулов, которая гарантирует готовность силовиков и профессионалов обслуживать жизненно важные интересы режима и разделять его участь.

2. Приобщение силовиков, бизнесменов и технократов к выполнению жизненно важных функций в государстве предполагает определенную степень постоянства. Хотя многие автократы (и Александр Лукашенко является хорошим примером) стараются не допустить длительного пребывания на одном и том же посту или в одной и той же среде представителей силового/делового/технократического блока, тем не менее они должны для этой категории людей гарантировать некоторую предсказуемость и преемственность. Это создает предпосылки для формирования – более или менее устойчивых – силовых, экономических и технократических элит.

Кроме трех «столпов» автократии, Гершевски выделяет еще «бонус комплементарности» – позитивный эффект от взаимодействия между *легитимацией*, *репрессиями* и *кооптацией*. Наличие сильной легитимации делает репрессии более эффективными: часть населения их оправдывает («*так им и надо – зачем подрывают стабильность?*»), а часть – «не замечает» («*меня все устраивает – какая мне разница, что кого-то где-то побили*»). Сильная легитимация и эффективные репрессии в свою очередь являются залогом успешной кооптации: риск дезертирства снижается, а в случае его появления дезертира можно легко и быстро нейтрализовать (посадить в тюрьму, оставить без работы, вытолкнуть за границу или лишить жизни).

Модель Гершевского (слегка модифицированную в направлении большей прозрачности) мы используем для анализа состояния белорусской политической системы в постэлекторальный период.

Легитимация

Общие закономерности

Легитимация может обеспечиваться разными способами. Со времен Макса Вебера в литературе появилось много классификаций легитимации. Не входя в терминологические и теоретические дискуссии выделим пять основных способов легитимации: *харизматическая, традиционная, процедурная, идеологическая и эффект-ориентированная* – см. Таблица 1.

Таблица 1. Типы легитимации

Тип легитимации	Пояснение (почему именно этот лидер* должен управлять страной?)
Харизматическая	Лидер обладает необычными политическими, организационными и духовными качествами. Особенной чертой харизматической легитимации является то, что склонность харизматичных лидеров решать проблемы в обход установленных правил и норм может восприниматься многими как положительный момент.
Наследственная (традиционная)	Лидер является биологическим или юридическим наследником своего предшественника с сильной легитимацией (как правило, также наследственной).
Процедурная (рационально-легалистическая)	Лидер получил высшую государственную должность посредством установленных процедур, напр. всеобщие выборы.
Идеологическая	Лидер является проводником и защитником важных для данного общества ценностей и культурных устоев. Разновидностью идеологической легитимации является признание за лидером международной или геополитической миссии (продвижение или защита ценностей за рубежом).
Эффект-ориентированная**	Лидер успешно обеспечивает безопасность, порядок и социально-экономическое развитие в стране.

* Лидер может быть как индивидуальный, так и коллективный. Здесь и далее ради удобства употребляем это слово в единственном числе.

** Дэвид Истон называет это «специфицированной поддержкой», см. D. Easton (1979), *A Systems Analysis of Political Life*, Chicago: Chicago University Press, p. 268.

Здесь стоит сделать некоторые уточнения. Во-первых, власти всегда стремятся задействовать более чем одну форму легитимации, например, наряду с харизматичной продвигают также идеологическую, процедурную и эффект-ориентированную легитимацию.

Во-вторых, в ходе легитимации ключевую роль играет не столько реальное положение вещей, сколько его *восприятие* со стороны общественности. Например, избирательные процедуры могут быть грубо нарушены, но большинство граждан при этом могут – из-за отсутствия информации, когнитивных искажений или нежелания

вникать в эти вопросы – воспринимать ситуацию как вполне удовлетворительную для процедурной легитимации.

В третьих, в процессе легитимации зачастую действует принцип компенсации и комплементарности: недостатки в отношении одного типа легитимации могут компенсироваться (воспринимаемыми) преимуществами иного типа легитимации. Действие этого принципа можно наблюдать в ряде высказываний из повседневного общения:

Допустим, он фальсифицировал выборы, но зато при нем стабильность и пенсии вовремя платят! (Недостаток процедурной легитимации компенсируется воспринимаемыми преимуществами в эффект-ориентированной легитимации.)

Да, мы переживаем не лучшие времена в экономике. Цены растут, зарплаты слабые. Но надо отдать должное: власти не разрешают однополые браки, заботятся о нашей культуре, нашем духовном наследии. (Недостаток в эффект-ориентированной легитимации компенсируется воспринимаемыми преимуществами в идеологической сфере).

Кроме пяти определенных форм легитимации можно выделить еще «легитимацию по умолчанию» – это ситуация, когда люди поддерживают власть из-за эффекта колеи, из-за страха перед неизвестностью («не знаем, что нас ждет в случае смены режима») или чувства безальтернативности. Это примерно то, что Дэйвид Истон называет «диффузивной поддержкой»⁸.

Легитимация-по-умолчанию происходит в ситуации атомизированности общества. Бывает, что сторонников перемен большинство, но они функционируют в полузамкнутых геттах, без устойчивых коммуникационных каналов. Это ситуация, которую можно описать с помощью фразы: *Их много, но они не знают об этом*. До тех пор, пока большинство существует в состоянии атомизации, режим может рассчитывать на диффузивную поддержку и эффект колеи.

Избирательный процесс – ахиллесова пята современных автократий

В период после холодной войны большинство автократов стремится легитимировать свое правление с помощью избирательных процедур. Полное соблюдение таких процедур несет в себе большие риски: люди могут проголосовать за альтернативного кандидата или электоральный успех автократа может оказаться не таким убедительным, как хотелось бы. В связи с этим в автократиях выборы практически всегда сопровождаются системными манипуляциями и фальсификациями.

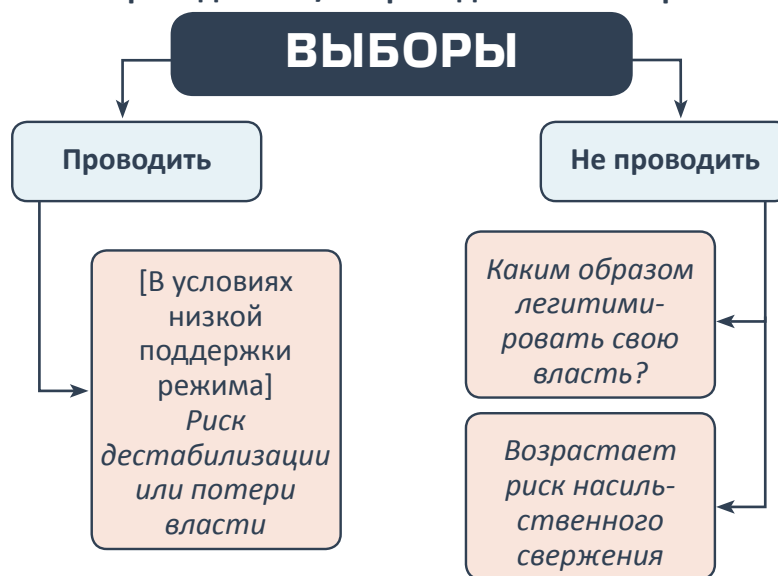
Но никакие манипуляции и фальсификации не гарантируют успеха. В период после холодной войны около 26% авторитарных режимов было свергнуто в результате того, что (имитированный) избирательный процесс в какой-то момент пошел не по сценарию и привел к коллапсу системы. Ничего удивительного, что сторонники демократи-

⁸ A Systems Analysis... p. 268.

ческих перемен зачастую делают ставку на участие в выборах, несмотря на их заведомо нечестный характер. Смена режима с помощью избирательного процесса является одним из наименее затратных (в плане человеческих жизней и здоровья) способов преодоления авторитаризма. Но такой способ предполагает, что в процесс голосования и разоблачения фальсификаций включено как минимум 50% населения⁹.

Почему многие автократы вообще проводят выборы? Отказ от проведения выборов вовсе не снижает риски для режима, а скорее наоборот, их повышает. Во-первых, в таком случае нужно искать альтернативные пути самолегитимации, а во-вторых, возрастает вероятность насильственного свержения, в частности, военного переворота¹⁰ – см. рисунок 2.

Рисунок 2. Риски и проблемы связанные с проведением/непроведением выборов

Метаморфозы легитимации режима Лукашенко

До 2020 года: процедуры, экономика и идеология

В 1994 году Александр Лукашенко получил убедительную процедурную легитимацию: на президентских выборах во втором туре при явке 70,6% за него проголосовало 80,3% от всех граждан, принявших участие в выборах. Ни внутренние, ни внешние наблюдатели не зафиксировали тогда фальсификаций в пользу Лукашенко. Процедурная легитимация дополнялась сильной харизмой: уже задолго до президентской кампании этот политик создал имидж «человека из народа», бесстрашного борца с коррупцией и произволом властей.

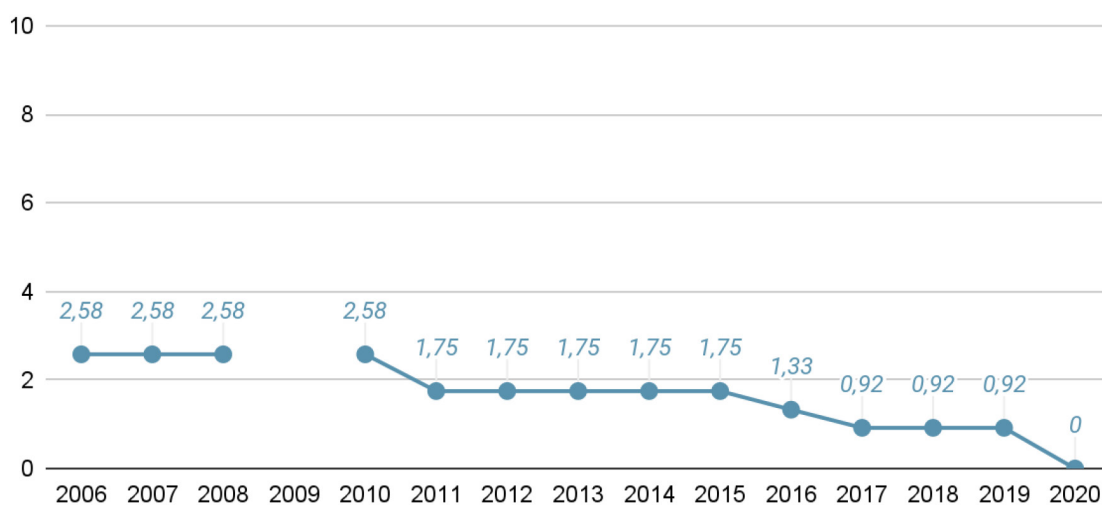
⁹ How dictatorships work, p. 180.

¹⁰ Там же.

Начиная с 1996 года, когда был проведен конституционный референдум, процедурная легитимация белорусского режима претерпела эрозию ввиду многочисленных электоральных фальсификаций. Со временем выборы превратились в полную имитацию избирательного процесса – см. график 4. Но как минимум до 2014 года проблемы с процедурной легитимацией успешно компенсировались с помощью экономического роста: с 2001 по 2008 год ВВП вырос почти в пять раз, а после непродолжительных пертурбаций в 2009-2010 годах рост опять возобновился и продолжался до 2014 года.

График 4. Индекс электорального процесса и плюрализма в Беларуси за 2006–2020 (максимальный балл = «10»)

Источник: EIU

Институционализация в 2003 году «идеологии белорусского государства» свидетельствовала о том, что режим делает особую ставку на идеологическую легитимацию. На практике этот институт, несмотря на солидную финансовую, законодательную и административную базу, так и не стал в глазах Лукашенко эффективным инструментом поддержания в обществе лояльности к режиму. В сфере идеологической легитимации бóльший эффект имела дружба с Православной церковью, апелляция к традиционным ценностям и игра в интеграцию с Российской Федерацией, но все это можно было культивировать и без введения идеологии государства в качестве отдельного института.

Харизматическая легитимация, которая по своей природе хрупкая и изменчивая, со временем теряла значение. Лукашенко по-прежнему играл роль бескомпромиссного борца за справедливость, а государственные идеологи рисовали его как неординарную личность, почти мессию, который был дарован народу Богом или Историей и смог вывести страну из хаоса. Но это уже был, скорее, элемент укрепления персоналистского характера белорусской автократии; эмоциональное восхищение лидером эта идеологема могла вызывать лишь изредка.

2020 год: разрушение остатков процедурной легитимации

Как видно из графика 4, в 2020 году «избирательный процесс и плюрализм» в Беларуси был оценен экспертами EIU на «0» баллов (из десяти возможных). Даже в Камеруне, где президент Пол Биья авторитарно правит 38 лет, избирательный процесс и плюрализм все еще находится на уровне 1,67 балла.

В течение 2020 года проблемы с электоральной легитимацией усугубились и превратились в фактор дестабилизации. Избирательная кампания 2020 года началась на фоне крайне низкого доверия к Центральной избирательной комиссии (ЦИК). Согласно социологическому опросу¹¹, проводившемуся в марте – апреле 2020 года Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси (ИС НАН), ЦИК доверяло всего лишь 11% жителей Минска¹². Даже если принять, что вне столицы степень доверия могла быть на несколько процентных пунктов выше, то все равно этот показатель очень низкий. Поскольку ЦИК является главным органом, ответственным за электоральную легитимацию государственной власти, уровень доверия к нему стоит считать верхним порогом уровня процедурной легитимации режима. «Верхним», поскольку есть еще и другие факторы, как, например, препятствия в проведении опросов или независимого наблюдения, которые дополнительно подтачивают эту форму легитимации.

В ходе упомянутого опроса ИС НАН социологи также опрашивали граждан на предмет доверия к президенту Лукашенко. Согласно опросу, действующему президенту в момент проведения опросов доверяли 24% минчан¹³. Сразу после выборов «Телеграмм в Беларуси», который доступен всем пользователям с белорусскими SIM-картами, провел свой опрос. По состоянию на 15 августа 2020, 21:03, картина получилась следующая: если вычесть количество тех, кто не из Беларуси (не имеют белорусского паспорта), а также тех, кто из Беларуси, но не принимали участия в голосовании, получилась цифра 1 416 000. Среди них 86,4% заявили, что голосовали за главного конкурента действующего президента Светлану Тихановскую, а 6,8% – что голосовали за Лукашенко.

Эти данные сильно контрастировали с официально провозглашенными результатами выборов 9 августа, согласно которым Лукашенко набрал 80,1% голосов избирателей, а Тихановская – 10,12%; а явка составила 84,05. Попытка властей обеспечить убедительную электоральную легитимацию действующего режима привела к обратному результату: делегитимации режима в сознании значительной части общества, которое к тому времени политически активизировалось.

На процедурную делегитимацию влияли также следующие моменты:

- *Аудиозаписи, свидетельствующие о фальсификациях.* Наиболее резонансным стала запись, где глава Октябрьского района Витебска Сергей Сташевский заставляет членов избирательной комиссии на избирательном участке № 25 подделать цифры в пользу Александра Лукашенко¹⁴. В интернет попали фотографии заполненных бюлле-

¹¹ О результатах опроса общественность узнала в июне. Первоначально, скорее всего, не предполагалось их обнародование.

¹² Институт социологии НАН: В апреле уровень доверия Лукашенко в Минске составлял 24%. TUT.BY, (19 июня 2020). Доступ: 20 июня 2020.

¹³ Там же.

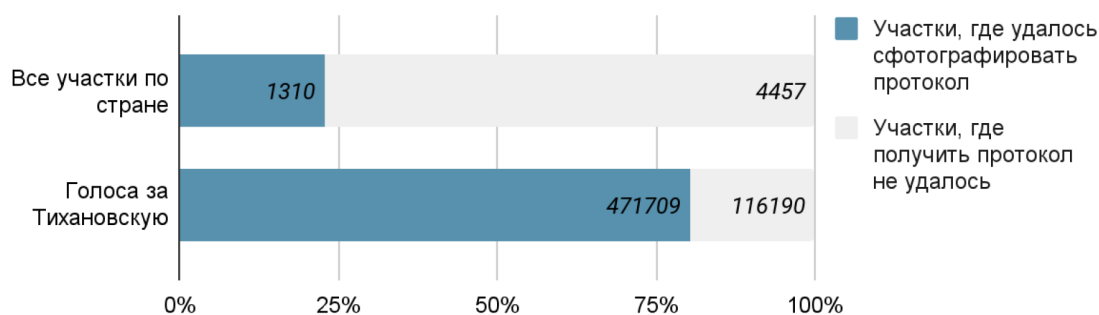
¹⁴ В Витебске глава Октябрьского района заставлял комиссию переделывать протоколы на участке, где победила Тихановская. АУДИО, *belsat.eu*, 11 августа 2020. Доступ: 30 августа 2020.

теней, обгоревших по краям – голоса в этих бюллетенях были отданы за альтернативных кандидатов¹⁵.

- *Отказ вывешивать копии протоколов подсчета голосов*, хотя это предусмотрено законодательством. Некоторые избирательные комиссии вообще не вывесили протоколы, а из избирательных участков выходили в сопровождении служащих милиции и ОМОН, иногда с чёрного хода. На многих участках протоколы вывешивались без подписей¹⁶, а в ряде случаев комиссии препятствовали фотосъемке протоколов¹⁷.

- *Статистическая аномалия*. Инициативы «Голос», «Зубр» и «Честные люди» после выборов опубликовали отчет на основе полученных данных в виде фотографий протоколов и бюллетеней проголосовавших граждан. Оказалось, что на участках, где удалось сделать фотографию протоколов, суммарное количество избирателей, проголосовавших за Тихановскую, составило 81% – см. график 5¹⁸. Кроме того, сравнение данных официальных протоколов участковых избирательных комиссий с фотографиями бюллетеней на платформе «Голос» привело к выявлению фальсификаций на минимум 400 избирательных участках из 1310.

График 5. Распределение голосов в обнародованных / необнародованных протоколах

Источник: «Голос», «Зубр», «Честные люди»

Акция «государственных» социологов. 17 августа 2020 во время акции протеста сотрудники Института социологии НАН Беларуси вывесили плакаты с заявлением о фальсификации экзитполов и с требованием огласить реальные результаты опросов¹⁹.

Противодействие властей попыткам предотвратить фальсификации. Сам факт предпринятия организованных действий по предотвращению фальсификаций оказывал сильное воздействие на восприятие электоральной легитимации действующего президента и его режима. Здравый смысл подсказывал: если у действующего президента действительно высокая поддержка, то зачем препятствовать проведению опросов, наблюдениям или альтернативному подсчету голосов?

В 2020 году властям крайне сложно было поддерживать видимость соблюдения электоральных процедур, поскольку к гражданскому мониторингу присоединились профессионалы из ИТ-сообщества. Проект «Голос» был создан по итогам «Social

¹⁵ Праваабаронцам у Берасьці прынеслі абгарэлыя бюлетэні для галасавання, *Радзё Свабода*, 15 жніўня 2020. Доступ: 30 августа 2020.

¹⁶ *Итоговый отчет о выборах президента Республики Беларусь (по данным платформ «Голос», «Зубр» и сообщества «Честные люди»)*, 20 августа 2020, https://drive.google.com/file/d/1kSprtBUUtS1vb-W_jc4QJkPkoZPJWxd/view

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

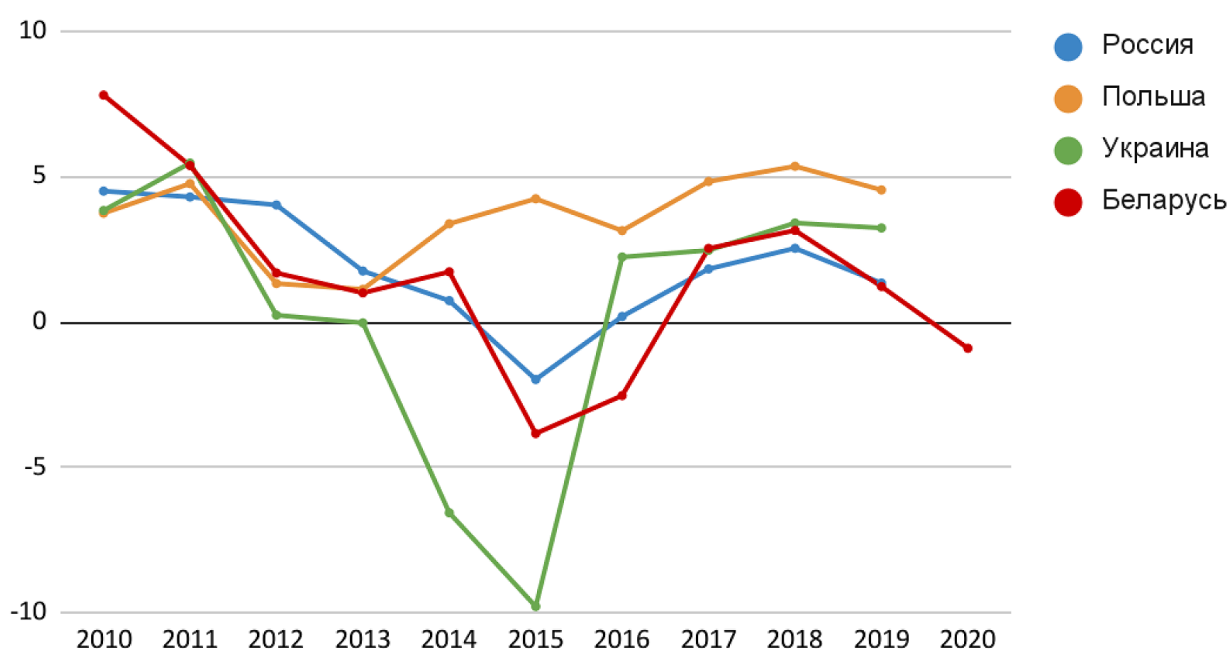
¹⁹ *Социологи НАН РБ призвали коллег озвучить реальные цифры экзит-полов*, *Telegraf.by*, 17 августа 2020. Доступ: 30 августа 2020.

Technology Hackathon 2020», в котором принимали участие такие видные фигуры, как основатель EPAM Systems Аркадий Добкин и один из инициаторов Парка высоких технологий из EPAM Systems Павел Либер. Попытки государственной пропаганды представить их как очередных марионеток заграничных спецслужб или нереализовавшихся «политиканов» смогли убедить лишь небольшую часть общества.

Экономическая стагнация, ковид и проблемы с социальным контрактом

Экономический рост ВВП Беларуси с 2014 года находится в стагнации – см. график 6.

График 6. Рост ВВП в Беларуси, России, Польше и Украине

Источник: Всемирный банк

В 2019-2020 годы доходы населения продолжили расти темпами выше производительности труда, что вело к накоплению дисбалансов и давлению как на валютный курс, так и на инфляцию.

Рост доходов является одним из значимых пунктов социального контракта. Конкретное взятое на себя обязательство со стороны власти появилось в 2004 году в качестве обещания 500 долларов в эквиваленте средней заработной платы. До 2009 года цифры в 700 и 1000 долл. были озвучены в качестве возможных для достижения при благоприятных обстоятельствах, однако в дальнейшем более не акцентировались, т.к. из-за перманентных кризисных явлений в экономике основной задачей было сохранение минимального обязательства в 500 долларов США. Но даже с этим минимумом дела обстоят очень непросто – см. график 7.

Стоит отметить также проблему несоответствия прогнозных значений роста ВВП с реальными значениями – см. график 8. Так, даже несмотря на довольно умеренные планы в Программе социально-экономического развития 2016–2020, цель по росту ВВП удалось достигнуть только дважды за 10 лет (причем в одном из этих двух случа-

ев был запланирован спад ВВП). Отсутствие результатов за последние 10 лет в совокупности однозначно не соответствуют социальному контракту, существовавшему до 2010 года. С завершением же указанных программ, к экономической стагнации добавилось и отсутствие некой позитивной повестки.

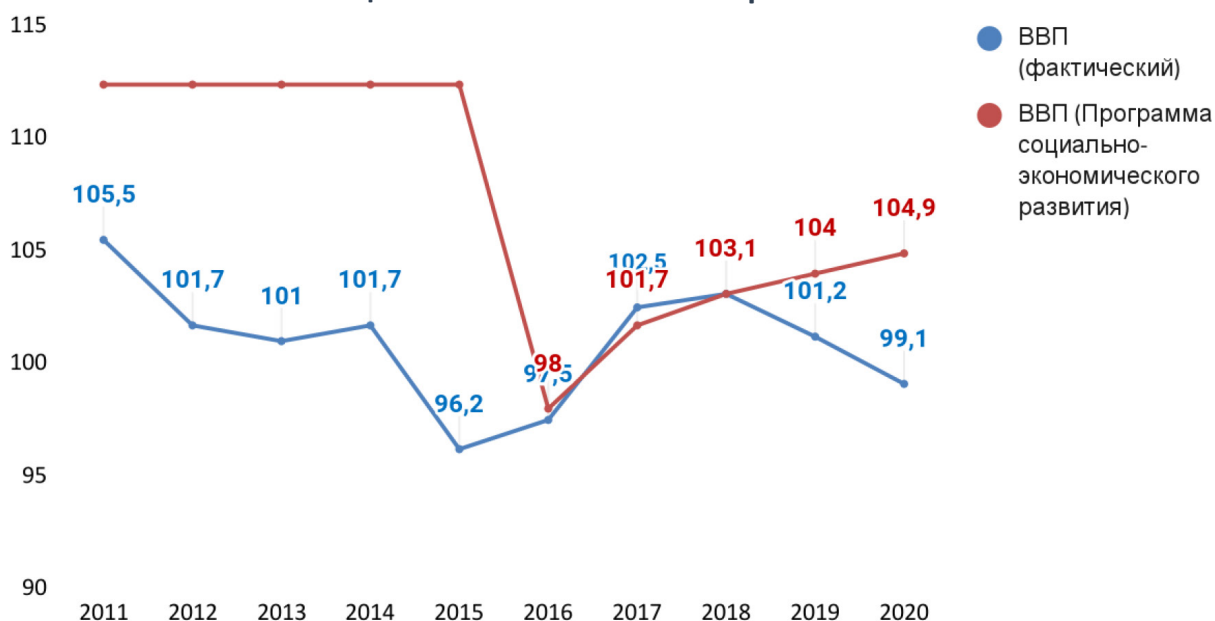
Начиная с декабря 2019 в обществе ускорился рост числа тех, кто оценивал экономическую ситуацию как плохую. В конце марта – начале апреля 2020 года он достиг 61% против 38% на стыке 2019 и 2020 годов. Весной 2020 года на это наложилось недовольство реакцией властей на ситуацию во время эпидемии коронавируса²⁰.

График 7. Уровень начисленных среднемесячных заработных плат, эквивалент в дол.

Источник: Белстат

График 8. Достижение целей социально-экономического развития

Источник: Белстат

²⁰ Это следует из мониторингового исследования, которое проводилось с сентября по ноябрь 2020 года Белорусской аналитической мастерской (БАМ) проф. Андрея Вардомацкого посредством фокус-групп, а также социологических опросов БАМ, см. [Социсследование показало, почему протест не сдувается](#), TUT.BY, 1 декабря 2020. Доступ: 1 декабря 2020.

В конце марта 2020 года, в рамках борьбы с пандемией, Россия резко ограничила возможность для пересечения сухопутного участка белорусско-российской границы. В итоге, значительное число белорусских гастарбайтеров вынуждено было вернуться на родину²¹. Эта мера затронула около 650 тыс. граждан Беларуси²² и, как заметил Андрей Поротников, повлияла на рост напряжения внутри белорусского общества. Прекращение таких возможностей заработка нужно рассматривать на фоне трех обстоятельств: отсутствие рабочих мест в Беларуси, де-факто отсутствие государственной поддержки по безработице, отсутствие у 2/3 белорусских домохозяйств сбережений²³.

Кроме всего этого, существовало еще фоновое недовольство, вызванное декретом «О предупреждении социального иждивенчества» (именуемый в народе «Декретом о тунеядстве»), который был подписан президентом в апреле 2015 года. Декрет предусматривал налоговое обязательство в отношении трудоспособных граждан, которые официально не трудоустроены и не платят налогов. В начале 2018 года, не без влияния акций протеста 2017 года, были внесены изменения в Декрет, несколько смягчающие требования к «трудоспособным иждивенцам». Но недовольство сохранилось и по-прежнему воспринималось как нарушение со стороны властей социального контракта.

Идеологические зигзаги

Когда процедурная легитимация практически разрушена, положение в экономике ухудшается, а харизматическая легитимация, даже если и действует, то лишь в течение короткого времени, остаются еще два ресурса: идеология и диффузивная поддержка.

С момента институционализации в марте 2003 года белорусская государственная идеология претерпела множество изменений как с точки зрения ее основного посыла, так и с точки зрения политической функции. На первом этапе ее существования, примерно с 2003 по 2013 год, основной посыл сводился к братскому единству с Россией и особой судьбе Беларуси в восстановлении «восточнославянской цивилизации».

Начиная примерно с 2013 года идея упомянутого братства с Россией размывается и теряется среди некогерентной риторики о «многовекторности», важности национального языка и культуры и святости белорусской независимости. В то время, как основной функцией официальной идеологии на первом этапе было сохранение советского и русофильского статус-кво, на втором этапе она часто транслировала идеи, с которыми она когда-то боролась: национальное возрождение и европейский характер Беларуси.

Идеологическая установка на независимость и полемику с Россией стала особенно сильной в предвыборный период 2020 года. В декабре 2019 года государственные социологи заявили, что «половина белорусов не за союз, а [обычные] партнерские отношения с Россией»²⁴. Это заявление было подхвачено государственными СМИ и подавалось в полемической форме – как опровержение тезиса некоторых кремлевских ресурсов о том, что подавляющее большинство белорусов хотят углубить союзнические отношения с восточным соседом. В мае 2020 года, в ходе полемики с основными потенциальными противниками Лукашенко – Виктором Бабарико, Сергеем Тиханов-

²¹ Ситуация на белорусско-российской границе осложняется, и это новый вызов для режима, *Belarus in Focus*, 15–21 июня 2020. Доступ: 1 декабря 2020.

²² В России подсчитали граждан Беларуси, *belsat.eu*, 10 апреля 2019. Доступ: 1 декабря 2020.

²³ Ситуация на белорусско-российской границе...

ским и Валерием Цепкало – государственные СМИ в лице историка-идеолога Игоря Марзалюка сигнализировали угрозу суверенитету и национальной идентичности. «Где хоть слово о суверенитете страны, где хоть проблеск понимания определения “национальные интересы”, “национальная культура”, наши “родные, белорусские, ценности”?» – писал Марзалюк в мае 2020 года²⁴.

29 мая 2020 года во время посещения Минского тракторного завода президент позиционировал Виктора Бабарико и Сергея Тихановского как ставленников российских сил²⁵. Через несколько дней Лукашенко заявил о необходимости «защищать нашу независимость и суверенитет» «как зеницу ока» и привел примеры Южной Осетии, Абхазии, Приднестровья и Украины, намекая тем самым, что угроза исходит из России²⁶. 18 июня тогдашний глава Комитета госконтроля Беларуси Иван Тертель заявил, что за Виктором Бабарико стоят «кукловоды» из числа «великих начальников в Газпроме, а может, и выше»²⁷. В конце июля 33 бойца группы Вагнера, неофициального частного военного формирования, действующего в интересах Кремля, были задержаны в Беларуси.

Сразу после выборов идеологические установки касательно России и национального возрождения кардинально поменялись. Запад во главе с США стал вражеской силой, пытающейся разрушить Беларусь, а точнее – Союзное Государство Беларуси и России. На место риторики национального возрождения пришла разоблачительная риторика в отношении оппонентов власти: будто бы они под влиянием западных сил пытаются провести тотальную белорусизацию, установить православную автокефалию и выйти из всех интеграционных проектов с участием России. Против бело-красно-белого флага началась жесткая пропагандистская и административно-законодательная кампания. Идеологическим антиподом кампании против вагнеровцев в 2020 году стало символическое признание субъектности властей самопровозглашенной Луганской Народной Республики (ЛНР)²⁸ и заявления о возможности организации прямого авиасообщения с Крымом в 2021 году²⁹.

Такие «идеологические зигзаги» снижают эффективность идеологического компонента легитимации. Ни сторонники национального возрождения, ни пророссийский актив Беларуси не воспринимают режим Лукашенко как надежного проводника важных для них идей. В лучшем случае режим может здесь рассчитывать на тактическую поддержку со стороны того или иного лагеря – некоторые из них могут воспринимать президента в качестве временного буфера для распространения «более враждебной» идеологии.

Большой потенциал имеет риторика «традиционных ценностей» и защиты от «нравственного разлада» (например, однополые браки). Эта риторика созвучна с широко распространенными в белорусском обществе установками и находит поддержку внутри христианских церквей, особенно православной. Этот компонент идеологического дискурса на протяжении всего периода существования режима был наименее подвержен «зигзагам», в связи с чем его воспроизведение может и впредь играть важную роль в поддержании идеологической легитимации.

²⁴ И. Марзалюк, (2020), «Вестуны грамадзянскай вайны», *БелТА*, 31 мая, <https://www.belta.by/opinions/view/vestuny-gramadzjanskaj-vajny-7333/>

²⁵ «Массовые пикеты за Тихановских и аресты, “Свободу”, “Уходи!”», *Belarus in Focus*, 25–31 мая. 2020, <https://belarusinfofocus.info/by/vybarchaya-kampaniya/massovye-pikety-za-tihanovskih-i-aresty-svobodu-uhodi>

²⁶ Лукашенко пообещал напомнить белорусам, что “Грузия потеряла почти треть своей территории”, *Эхо Кавказа*, 5 июня 2020. Доступ: 1 декабря 2020.

²⁷ Минск заявил о «кукловодах в “Газпроме” и “выше” у соперника Лукашенко, *РБК*, 18 июня 2020. Доступ: 1 декабря 2020.

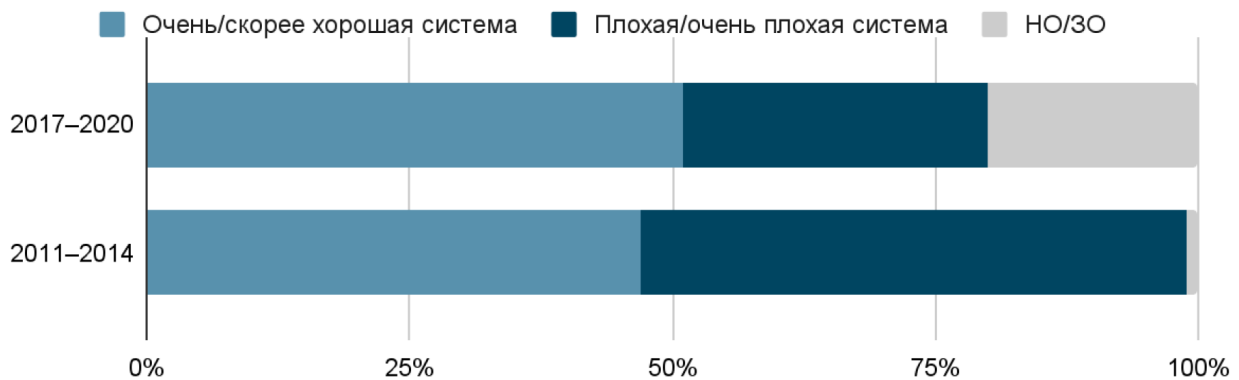
²⁸ В мае 2021 года Лукашенко пригласил представителей ЛНР для допроса Романа Протасевича, *Ведомости*, 1 июня 2021. Доступ: 18 августа 2021.

²⁹ Лукашенко об авиасообщении с Крымом: Украина сама проложила маршрут, *РИА Новости*, 9 августа 2021. Доступ: 18 августа 2021.

Потенциал диффузивной поддержки

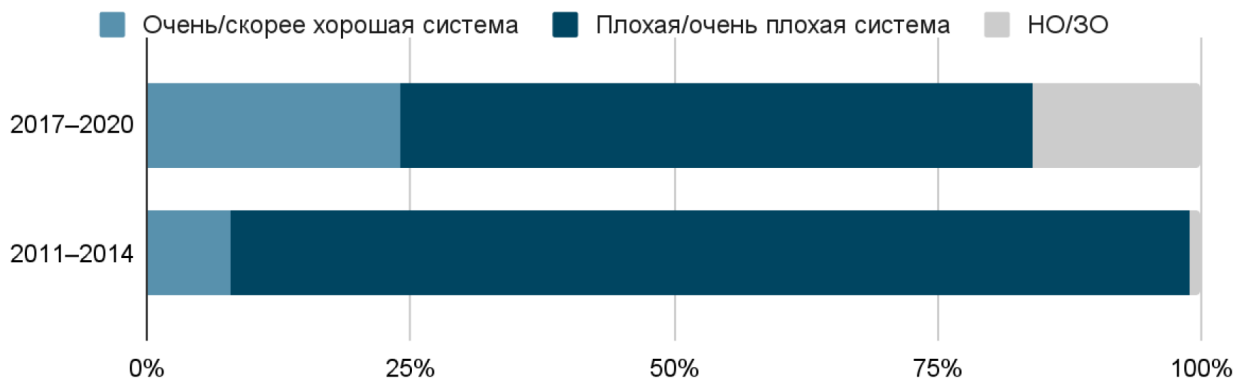
Седьмая волна опросов³⁰ WVS/EVS обнаружила рост сторонников «сильной власти» в белорусском обществе. В течение 2011–2020 лет количество тех, кто предпочитает политическую систему с сильным лидером, выросло с 47% до 51%, а количество тех, кто считают, что страной должны править эксперты – с 57% до 65%. Наиболее заметный скачок произошел в сфере отношения к власти военных: количество сторонников такой формы государственного управления выросло в три раза: с 8% до 24% – см. графики 9–11.

График 9. «Политическая система, где имеется сильный лидер – насколько она хороша для Вашей страны (Беларуси)?»

Источник: WVS/EVS, Waves 6 and 7

График 10. «Политическая система, где страной руководит армия – насколько она хороша для Вашей страны (Беларуси)?»

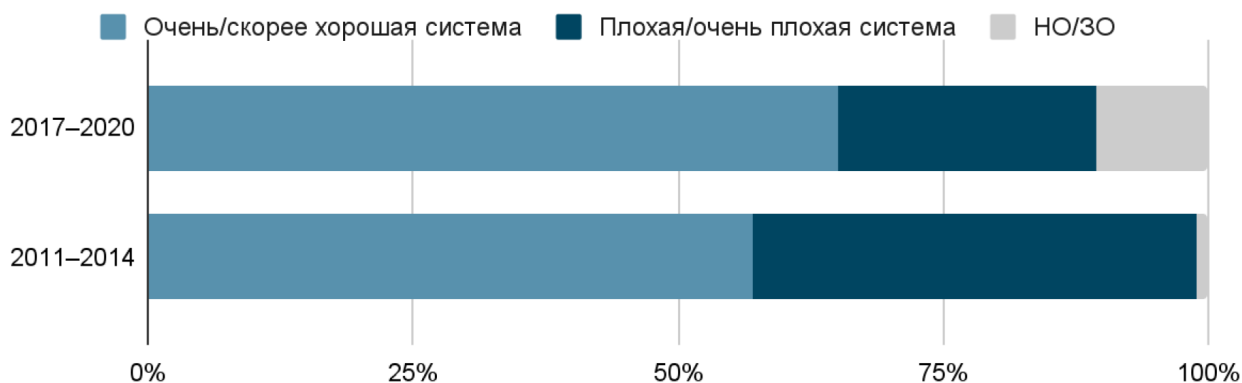

Источник: WVS/EVS, Waves 6 and 7

Опросы Седьмой волны проводились в Беларуси задолго до начала президентской кампании-2020, поэтому следует брать поправку на то, что события 2020 года могли повлиять на отношение к выше названным вопросам. (Седьмая волна опросов WVS выявила также снижение количества тех, кто готов принять участие в мирных демонстрациях (см. график 24), но ввиду новых обстоятельств готовность к демонстрациям стремительно возросла.)

³⁰ Эти опросы проводились в течение 2017–2021 годов; в Беларуси опросы проводились в феврале 2018 года в рамках партнерского проекта Европейское изучение ценностей (EVS).

График 11. «Политическая система, где основные решения принимают эксперты – насколько она хороша для Вашей страны (Беларуси)?»

Источник: WVS/EVS, Waves 6 and 7

На рост спроса на «сильную власть» повлияли, скорее всего, события на Майдане в Киеве в начале 2014 года и последовавшие за ними аннексия Крыма, сепаратизм на востоке Украины и конфликт с Россией. Вполне возможно, что всплеск насилия со стороны представителей государства в контексте выборов-2020 и послевыборных протестов в какой-то мере пошатнул эту установку белорусов. Часть могла сохранить убеждение в важности сильной власти, но перестала связывать ее с Лукашенко; часть могла разочароваться в самой идее сильной власти, но часть по всей вероятности по-прежнему считает, что Лукашенко – единственный, кто олицетворяет сильную власть в положительном смысле слова. Исходя из опросов Chatham House³¹, количество таких можно оценивать в районе 30-35% населения Беларуси. Многие из этих людей поддерживают инкубента «диффузивно», т.е. без привязки к какой-либо специфической формы легитимации.

Консолидация протестной части общества и ослабление эффекта колеи

Диффузивная поддержка режима, которая действует силой инерции, подвержена вытеснению противоположной тенденцией, каковой является консолидация протестной части общества. В 2020 году в Беларуси сторонники перемен преодолели состояние атомизированности, а в обществе широко распространилось убеждение, что оппонентов режима – большинство. Это та ситуация, когда эффект колеи ослабевает, в связи с чем в долгосрочной перспективе режим уже не может рассчитывать на «легитимацию-по-умолчанию». Ужесточая репрессии, власти пытаются опять атомизировать общество, но без полного контроля над средствами массовой информации шансы это осуществить минимальны. А в ситуации, когда более 80% населения пользуется интернетом, взять под контроль информационные потоки практически невозможно.

Для восстановления легитимации режиму потребуется возобновить экономический рост, а для этого нужны более чем косметические реформы. Но проблема в том, что на фоне процедурной делегитимации и жестоких репрессий любые структурные реформы создают новые риски. Осознавая эти риски, правящая группа склонна вводить

³¹ R. Astapenia (2021), Belarusians' views on the political crisis Results of a public opinion poll conducted between 20 and 30 April 2021, Chatham House, June 11, <https://www.chathamhouse.org/2021/06/belarusians-views-political-crisis> R. Astapenia (2021), 'Why has the Belarusian revolution stalled?' Chatham House, February 9, <https://www.chathamhouse.org/2021/02/why-belarusian-revolution-has-stalled>

новые ограничения для бизнеса. Так, в августе 2021, согласно информации источников, начали готовить ряд ограничений для малого и среднего бизнеса (напр. по большинству из видов деятельности ИП не смогут нанимать работников; повышение подоходного налога для ИП до 18%; отмена единого налога по большинству видов деятельности)³². В такой ситуации не приходится ожидать экономического оживления, особенно если учесть фактор международных санкций.

Опыт консолидации протестного движения в 2020 году оказал (и продолжает оказывать) существенное влияние на сторонников режима. Для них поддержка режима перестает быть опцией «по умолчанию» и они начинают всерьез задумываться над выгодами и затратами от такой поддержки. Многие из них занимают выжидательную позицию и стараются не показывать ни ту, ни другую позицию.

Наиболее надежными для режима являются идейные его сторонники, но проблема в том, что по мере замыкания автократии и обогащения правящей элиты, круг сторонников режима все в большей степени состоит из оппортунистов и карьеристов. Тех, кто готов защищать режим «несмотря ни на что» становится меньше.

Репрессии

Общие закономерности

Стивен Левицкий и Лукан Уэй различают «репрессии высокой интенсивности» и «репрессии низкой интенсивности». Под первыми подразумеваются видимые карательные или превентивные меры, направленные против известных оппозиционных деятелей, большого количества людей (напр. массовые демонстрации) или оппозиционных организаций. Репрессии низкой интенсивности – это менее заметные меры, направленные против «рядовых» лиц и внеполитических групп. Такие репрессии чаще всего имеют превентивный характер и проявляются в таких формах, как слежка, прослушивание, профилактические беседы, «черные списки» деятелей культуры, неформальный запрет на трудоустройство в некоторых сферах, ограничение политических и гражданских прав и т.п.

Репрессии – это довольно затратный инструмент поддержания порядка, поскольку, применив их один раз, обычно приходится их применять снова и снова. Чем жестче репрессии, тем больше недовольства в обществе; чем больше недовольства, тем выше вероятность бунта, чем выше вероятность бунта, тем большая потребность в новых репрессиях – и так круг замыкается³³. Порочный круг репрессий изображен на рис. 3.

Согласно исследованию Эрики Ченовет и Марии Стефан, которые проанализировали 323 кейса за 1900–2006 годы, около 88% ненасильственных акций протеста столкнулись с жесткими репрессиями со стороны властей. Исследовательницы установили, что репрессии уменьшают вероятность успеха всех кампаний, но при этом увеличивают вероятность успеха ненасильственных кампаний (по сравнению с насильственными кампаниями) на 22%³⁴.

³² Увеличат ли подоходный налог для ИП? Спросили у бизнеса и Минфина, *Onliner.by*, 20 августа 2021. Доступ: 21 августа 2021.

³³ Cp. C. Massaro (2018), *The Dictators' Dilemma: Repression or Concessions in the Face of Resistance. A master's thesis*, The City University of New York.

³⁴ E. Chenoweth, M. J. Stephan (2011), *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*, New York, NY: Columbia University Press, p. 51, 68.

Касательно критики исследования – см. подраздел «Ненасильственная vs насильственная борьба» в части второй.

Рисунок 3. Порочный круг репрессий

К похожим выводам пришли также Круассан, Куэн и Эшенауэр. Из 19 диктаторских эндшпилей, в которых силовики применяли жестокие репрессии, в 12 случаях фигурировали действующие режимы, которые впоследствии пали. Это произошло из-за усилившегося давления внутри правящей коалиции, а также из-за изменения моделей политической лояльности³⁵.

Чтобы избежать эффекта, обратного задуманному, авторитарным властям нужно найти оптимальный баланс в дозировании репрессий. Проблема в том, что в ситуации кризиса автократы зачастую чересчур ужесточают репрессии и ставят под угрозу как социальный контракт, так и сплоченность элит. Как показывает исследование Тризмана, коллапс автократий вследствие «передозировки» репрессий случался намного чаще, чем вследствие их «недобора»³⁶.

Краткосрочный эффект репрессий 2020-2021 в Беларуси

Репрессии всегда играли важную роль в функционировании режима Лукашенко, но в 2020-2021 годах они приобрели беспрецедентный масштаб. За один год, с августа 2020 по август 2021 года, в Беларуси насчитывалось около 5 тыс. фигурантов уголовных дел и 604 политических заключенных. По состоянию на 1 сентября 2021 года количество политзаключенных, отбывающих наказание в исправительных колониях, в исправительных учреждениях открытого типа, содержащихся в СИЗО и под домашним

³⁵ A. Croissant, D. Kuehn, and T. Eschenauer (2018), 'The «Dictator's Endgame»: Explaining Military Behavior in Nonviolent Antincumbent Mass Protests,' *Democracy and Security*, Volume 14, p. 148.

³⁶ См. D. Treisman (2020), 'Democracy by mistake: How the errors of autocrats trigger transitions to freer government,' *American Political Science Review*, March. Gerschewski, 'The Three Pillars...' P. 16. D. Acemoglu, J. Robinson (2012), *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*, Cambridge University Press.

арестом, составляло 653 человека. Задержанные и заключенные часто подвергались пыткам и моральным унижениям³⁷. Как заметила газета «Наша Ніва», «это самые массовые политические репрессии в Европе за последние 40 лет».

В ситуации многоуровневого кризиса легитимации у инкумбента есть только два выхода: либо уйти, либо интенсифицировать репрессии. Поскольку уход с поста президента для Лукашенко представляется слишком рискованной и унижительной опцией, он решил ужесточить репрессии.

Ужесточение репрессий не было спонтанным и ситуативным решением. Лукашенко готовил к ним свой аппарат уже задолго до выборов. 19 декабря 2019 года он подписал межведомственный «План обороны государства», где значительное внимание уделено предотвращению «внутренней дестабилизации страны». Александр Вольфович, на том момент и.о. начальника генштаба, а с января 2020 года – начальник генштаба, говоря об угрозе внутренней стабильности, поставил в один ряд политическую оппозицию и диверсионно-разведывательные группы³⁸. 25 февраля 2020 года, при назначении новых руководителей КГБ и МВД, А. Лукашенко ориентировал их на предотвращение деструктивного влияния на Беларусь извне (для КГБ) и борьбу с экстремизмом (для МВД)³⁹.

Начиная с середины мая 2020 года начал раскручиваться репрессивный аппарат. В первую очередь были задействованы репрессии низкой интенсивности. Примером таковых был регламент предвыборной агитации. На двухмиллионный Минск утверждено всего шесть мест в максимальной удаленности от передвижений большинства горожан (одно разрешенное для агитации место на 300 тыс. жителей). В Бресте было только два места на периферии города, одно место на 150 тыс. жителей; в Гомеле три места, т. е. – одно место на 170 тыс. Все разрешенные для агитации места удалены от оживленных улиц, до них трудно добраться общественным транспортом и они мало вместительны⁴⁰.

Но полагаться на низкоинтенсивные репрессии власти не могли, и уже с конца мая 2020 года начали прибегать к репрессиям высокой интенсивности. 29 мая, 31 мая, 7 июня и 18 июня были задержаны и помещены в СИЗО четыре популярных политика (из них 2 - кандидаты в президенты): Сергей Тихановский, Николай Статкевич, Павел Северинец и Виктор Бабарико. К началу июля 2020 года правозащитники констатировали, что размах репрессий уже достиг уровня наиболее тяжелого кризиса с правами человек 2010-2011 годов. В ходе избирательной кампании было зарегистрировано более 1200 случаев произвольного задержания и 23 уголовных дела по политическим мотивам⁴².

Ужесточение репрессий имело очень сильные побочные эффекты. После того, как 29 мая был задержан Сергей Тихановский, два дня спустя люди начали массово выходить к местам сбора подписей в поддержку кандидатуры его супруги Светланы Тихановской. Это происходило не только в Минске, но и во многих других городах: Бресте, Гомеле, Витебске, Гродно, Молодечно, Речице, Жлобине, Пинске, Марьиной горке.

³⁷ [За август по «протестным» уголовным делам осуждено не менее 136 человек](#), *Вясна*, 1 сентября 2021. Доступ: 1 сентября 2021.

³⁸ А. Поротников (2020), «Положение в области национальной безопасности Беларуси (декабрь 2019 года)», *Belarus Security Blog*, 14 января <https://bsblog.info/polozhenie-v-oblasti-nacionalnoj-bezopasnosti-belarusi-dekabr-2019-goda/>

³⁹ А. Поротников (2020), «Положение в области национальной безопасности Беларуси (февраль 2020 года)», *Belarus Security Blog*, 12 марта <https://bsblog.info/polozhenie-v-oblasti-nacionalnoj-bezopasnosti-belarusi-fevral-2020-goda/>

⁴⁰ [Размах репрессий достиг уровня 2010 года, по всем остальным показателям ситуация еще хуже](#), *Belarus in Focus*, 29–05.07.2020

«Люди скандировали «Свободу» и «Уходи!» и стояли в очередях не только к сборщикам подписей, но и к микрофонам и камерам медиа. Очередь в центре Минска стояла семь часов. В Бобруйске, Лиде, Орше, Борисове собрали беспрецедентное количество людей – большее, чем пикеты с участием самого Тихановского накануне»⁴¹. Сразу после задержания Тихановского резко возросла аудитория его YouTube-канала «Страна для жизни» – 219 тыс., а Telegram-канала – на 41 тыс.⁴²

В августе 2020 года, после того, как общественности стало известно о применяемых силовиками пытках по отношению к задержанным демонстрантам, протесты приобрели беспрецедентно массовый характер. 16 и 23 августа количество участников антипрезидентских демонстраций достигло по стране – по разным оценкам – от 300 до 500 тысяч. На базе мониторингового исследования, которое проводилось с сентября по ноябрь 2020 года проф. Вардомацкий сделал вывод, что около 60% протестующих могли бы смириться с фальсификацией выборов, если бы не brutality действий силовых структур⁴³.

К концу 2020 году репрессии начали приносить видимые эффекты – демонстрации прекратились, протестная символика, за единичными исключениями, перестали появляться в публичном пространстве, многие активисты либо уехали из страны, либо устроились, либо оказались в заключении. Тем не менее, недовольство и возмущение значительной части населения никуда не исчезло и, как видно из обсуждений в социальных сетях, оно даже усиливается. В среднесрочной перспективе власти будут вынуждены пойти на уступки, тем более, что в мире современных автократий появился немаловажный прецедент – в августе 2021 года режим Николаса Мадуро в Венесуэле объявил о решении пойти на переговоры с оппозицией.

Кооптация элит

Общие закономерности

В ходе подбора кадров на высшие чиновничьи посты в любой системе основными являются два критерия: лояльность системе и профессиональные навыки. Никакой режим не может обойтись без экономистов, айтишников, дипломатов, военных стратегов и т.д.

Радикальной разницы между авторитарными и демократическими режимами в этом плане нет: в любом государстве от чиновников требуется определенный уровень лояльности к государственной политике. Но есть большая разница в плане интеракции: в демократических государствах правящие элиты стремятся *завоевать* лояльность, а это возможно только путем постоянного диалога и компромиссов. В автократиях господствует иная философия: сам факт, что тебе разрешили занять высокий пост, должен быть достаточным основанием для того, чтобы ты оставался лояльным, а при этом свои знания и навыки использовал «во благо государства», а точнее – правящей группы.

⁴¹ [Массовые пикеты за Тихановских и аресты, «Свободу», «Уходи!»](#) Belarus in Focus, 25–31 мая 2020.

⁴² Там же.

⁴³ [Социсследование показало...](#)

Вот здесь и находится очередное уязвимое место любой автократии. Обеспечить сочетание преданности и профессионализма государственных служащих в автократиях крайне сложно, особенно в периоды кризисов и потрясений. Нередко приходится выбирать: или преданные, или профессиональные.

Автократы зачастую делают выбор в пользу преданности. Это связано с тем, что профессионалы на ключевых постах, даже если далеки от оппозиции, очень ненадежны в кризисное время. Профессионалам характерна большая внутренняя автономия, и у них больше возможностей самореализации вне системы.

Но, избегая риска нелояльности, режим подвергает себя риску усугубления управленческого и экономического кризиса. Замена профессионалов исправными исполнителями обычно ведет к эрозии государственных институтов, падению качества управления, снижению мотивации чиновников к каким-либо усилиям и росту числа оппортунистов. Даже в такой идейной организации, как иракское ответвление партии «Баас» при Саддаме Хусейне в какой-то момент начали преобладать оппортунистические настроения⁴⁴.

Еще один источник риска многих автократий – информационная политика. Автократы, как правило, не хотят, чтобы их подчиненные знали слишком много и стремятся свести к минимуму информацию о реальном положении дел в стране, особенно о положении внутри правящей группы. Чиновники, в том числе высокопоставленные, вынуждены принимать важные решения в условиях недостаточной или искаженной информации. Это неизбежно ведет к разного рода ошибкам⁴⁵.

Ресурс страха и контроля тоже не бесконечен. Получается порочный круг: чем меньше профессионалов внутри системы, тем хуже качество управления. Чем хуже качество управления, тем большая ставка на контрольно-карательные меры. Чем чаще используются контрольно-карательные меры, тем еще меньше профессионалов внутри системы.

Уход из системы госслужащих может быть мотивирован разными факторами:

1. *Моральное неприятие*. Когда режим резко повышает интенсивность репрессий, некоторые чиновники, в том числе ранее очень лояльные, не способны это «переварить» и уходят по чисто моральным соображениям.
2. *Профессиональное неприятие* – когда чиновник понимает, что он уже не может самореализоваться внутри этой системы, не может развиваться в профессиональном плане.
3. *Карьерная калькуляция* – когда у чиновника растет убеждение, что система уже незадолго рухнет и нужно подумать о своем карьерном будущем в новой системе (мало кому хочется «умирать за диктатуру», пусть и в карьерном плане)⁴⁶.
4. *Обиды* – например, исключение из внутреннего круга режима, ситуация, когда незаслуженно сняли с должности, а вышестоящие дилетанты присвоили себе твои достижения и т.д. В автократиях, где система поощрения завязана на непрозрачных и не всем понятных принципах, это довольно частое явление⁴⁷.

⁴⁴ Geddes et al., *How dictatorships work*, p. 227.

⁴⁵ Там же, с. 225-226.

⁴⁶ Там же, с. 183.

⁴⁷ Там же.

Независимо от того, какова основная мотивация ухода из системы, важную роль играет *восприятие* нынешнего состояния системы (и места чиновника в этой системе), а также предполагаемое состояние новой системы (и места чиновника в ней). Геддес et al. выделили пять воспринимаемых чиновниками вероятностей, которые влияют на решение «уйти или остаться» или (у оставшихся) «действовать во благо или во вред системе»:

1. Вероятность того, что нынешняя система продержится еще долгие годы.
2. Вероятность того, что чиновник сохранит должность в нынешней системе или получит новую, не хуже этой.
3. Вероятность того, что – в случае смены режима – чиновник, перешедший на сторону оппозиции до падения режима получит должность не хуже нынешней (или сможет хорошо обустроиться вне государственной системы).
4. Вероятность того, что чиновник, оставшийся на службе у нынешнего режима до конца, в случае смены режима все равно получит должность не хуже нынешней (или сможет хорошо обустроиться вне государственной системы).
5. Вероятность того, что новая система сформируется согласно ожиданиям⁴⁸.

Отдельно отметим два дополнительных фактора: неопределенность будущего и готовность к рискам.

Фактор неопределенности. Момент неопределенности касательно возможной смены режима и места нынешнего госслужащего часто служит сдерживающим фактором. Но не стоит преувеличивать его значение. Как заметили Геддес et al., внутри любой автократии уже присутствует высокий уровень неопределенности. Многие здесь держатся на понятиях и неформальных правилах и никогда нет уверенности, что тебя – даже при всей твоей лояльности и исполнительности – не уволят, не понизят или не посадят. Отсутствие беспристрастного арбитра усугубляет чувство неуверенности в завтрашнем дне⁴⁹.

Чем выше риск, тем выше шансы. Поскольку оппозиционное движение также формирует свое видение «своих» и «чужих» (в жесткой или мягкой форме), колеблющиеся чиновники обычно учитывают вероятность принятия их за «своих» в случае дезертирства. По умолчанию здесь действует принцип: *Чем раньше «соскочил», тем выше вероятность быть признанным за «своего» в оппозиционной среде*⁵⁰. А чем выше вероятность стать «своим», тем выше шансы получить хорошую должность в случае смены режима.

Белорусские элиты: проблема не в лояльности, а в ее устойчивости

Внутри белорусской авторитарной системы сформировалась клиентелистская сеть, где на протяжении длительного времени ключевыми фигурами являлись силовики и тесно с ними связанные крупные бизнесмены. Лукашенко является прежде всего политическим бенефициаром этой сети в том смысле, что внутриусобная борьба препятствует консолидации режимной элиты и заодно позволяет ему играть роль арбитра в этой борьбе. Он, скорее всего, является также и главным финансовым бенефициаром.

⁴⁸ Там же, с. 182.

⁴⁹ Там же, с. 183.

⁵⁰ Там же.

До конца нулевых годов главной фигурой в этой сети был Виктор Шейман. Он подчинил своему влиянию не только силовые структуры, но и значительную часть крупного бизнеса. Занимая ключевые силовые посты и имея репутацию «правой руки президента», Шейман имел неограниченные возможности избавляться от одних и ставить в зависимость других – и все это под предлогом борьбы с экономическими преступлениями.

К середине нулевых ключевые посты в вертикали власти занимали люди Шеймана: Степан Сухоренко в 2005 году стал главой КГБ, а Геннадий Невыглас – главой Администрации президента в 2006 году. Союзником Шеймана в то время был, по всей вероятности, предприниматель Владимир Пейтиев. Он был единственным экспортером оружия, кого не трогали в 2002-2003 годах, когда силовики жестоко расправились со всеми другими торговцами оружия⁵¹. Это вряд ли было бы возможно без покровительства Шеймана, который тогда занимал пост генерального прокурора. Возможно, союзником Шеймана был также Андрей Втюрин, который с 1995 по 2014 год был сотрудником Службы безопасности президента (с 2007 – в качестве ее руководителя)⁵².

Главными соперниками Шеймана за внимание президента и влияние внутри властных структур были Владимир Наумов, многолетний министр внутренних дел и Владимир Макей, помощник президента, глава АП, впоследствии – самый многолетний министр иностранных дел (занимает эту должность и на момент подготовки этого текста).

Рисунок 4. Силовики vs технократы до 2007-08. Ключевые фигуры

⁵¹ Олигарх дрожащий. Павел Шеремет – о карьере самого богатого человека в Белоруссии, Огонек, 9 апреля 2012. Доступ: 1 декабря 2020.

⁵² 27 июля 2020 года Втюрин был приговорен к 12 годам колонии усиленного режима. Официально – за получение взятки в размере 192 тыс. долларов.

По мере разрастания клиентелистской сети становилось все сложнее гарантировать конфиденциальность коммуникации внутри этой сети. К тому же росло число недовольных или обиженных, которые могли специально сливать информацию, чтобы подставить перед президентом своих конкурентов. Силловые структуры постоянно сталкивались с проблемой разграничения между обычными экономическими преступлениями, которым нужно было противодействовать в рамках уставных обязанностей и бизнес-схемами, реализуемыми в рамках санкционированной на самом верху сети. Такое положение дел вело к оттоку профессионалов из этих структур, так как в такой системе крайне сложно становилось совмещать профессиональную самореализацию с более-менее безопасным пребыванием внутри системы.

В 2007-2008 годах Лукашенко дал добро на обогащение номенклатуры, чему способствовал линейный подоходный налог в размере 12%, сокращение бюрократических требований и доступ к зарубежным инвестициям⁵³. К концу нулевых влияние силовиков ослабевает и начинает расти влияние «технократов». Ключевыми фигурами становятся Сергей Сидорский, Виктор Лукашенко, Алексей Алексий и быстро адаптировавшийся к новым обстоятельствам Пейтиев. Это связано в первую очередь с политикой либерализации, попытками сближения с Западом и консалтинговой деятельностью британского пиарщика Тимоти Белла.

Рисунок 5. Силвики vs технократы в 2009–2019. Ключевые фигуры

Власти, а точнее интеллектуальная прослойка властной структуры, осознавали, что общество меняется и что отсутствие реформ угрожает самой системе. Это было одной из причин, по которой в 2015–2016 годах проводилась экономическая либерализация и сближение с Западом, в связи с чем роль «технократов» возросла еще больше. По

⁵³ A. Wilson (2021), Belarus. The Last European Dictatorship. New Edition, Yale University Press.

мере приближения выборов: сначала на парламентских выборах в ноябре 2019 года, а затем – президентских в 2020 году, власти взяли за один из самых распространенных раздражителей общества: высокомерие и грубость правоохранительных органов.

Пиар-кампания по «гуманизации» милиции началась в июне 2019 года, когда вместо Игоря Шуневица министром внутренних дел был назначен Игорь Караев. Одной из задач нового министра было улучшение имиджа правоохранительных органов: преодоление увязки этих структур исключительно с карательными функциями и повышение общественного доверия к ним.

Однако по мере приближения года президентских выборов кампания по очеловечиванию имиджа правоохранительных органов постепенно была вытеснена мерами по приведению этих структур в «состояние боевой готовности» на случай политического оживления общества. В результате тенденция гуманизации имиджа милиции постепенно трансформировалась в свою противоположность – усиление ее репрессивных и карательных функций.

Беспрецедентная политическая активизация общества в июне-октябре 2020 года и кризис процедурной легитимации власти Лукашенко создали серьезную угрозу для статус кво. Единственной опорой режима в такой ситуации стали силовые структуры. Начиная с весны 2020 года их роль во властных структурах начинает усиливаться и этот тренд продолжается на момент финализации этого текста (август 2021 года). 24 апреля 2021 года Лукашенко анонсировал подписание декрета, согласно которому президентские полномочия в случае его внезапного ухода (например, убийства) переходят к Совету Безопасности, в котором ключевую роль играют представители силовых структур. Стоит отметить, что незадолго до этого из состава СБ был выведен Виктор Лукашенко, который на протяжении 15 лет играл одну из ключевых ролей в кадровой политике и симпатизировал «технократам».

Рисунок 6. 2020–?: возобновление и институционализация доминанции силовиков

- Силовики восстанавливают и усиливают влияние внутри структуры власти
- Виктор Лукашенко уходит в тень
- Либерализация экономики приостанавливается

Усиление роли силовиков в управлении государством – это еще не залог лояльности со стороны этого сегмента. Существует ряд косвенных данных, которые свидетель-

ствуют об определенной степени напряженности между правящей группой и силовыми структурами. По словам соучредителя Фонда солидарности BySOL Ярослава Лихачевского, по состоянию на 11 ноября 2020 года в отставку подал как минимум 461 сотрудник правоохранительных органов. 4 мая 2021 года Лукашенко подписал указ, в соответствии с которым более 80 бывших военнослужащих и сотрудников различных силовых ведомств лишены воинских и специальных званий. Политическая подоплека этого жеста даже не скрывалась:

В период обострения общественно-политической обстановки в стране с целью ее дестабилизации отдельные военнослужащие и сотрудники силовых ведомств нагнетали протестные настроения в обществе, организовывали и участвовали в несанкционированных мероприятиях.

— таким образом БелТА обосновало решение инкумбента⁵⁴.

Существует также вероятность отчуждения армии от правящей группы. Беларусь — одна из немногих стран мира, в которых затраты на оборону ниже затрат на внутреннюю безопасность и охрану правопорядка⁵⁵. Кроме того, белорусский режим так и не предложил военным внятной перспективы на будущее. 19 декабря 2019 года была утверждена Концепция строительства и развития Вооруженных Сил до 2030 года. Как отмечает Андрей Поротников,

[концепция] не предполагает каких-либо значительных изменений, национальная армия в целом сохранит существующий состав и структуру. Заявлено об ориентации на качественное развитие и перевооружение. Планируется, что за ближайшие 10 лет расходы на армию вырастут до 1,5% от ВВП. Что составляет ничтожную сумму в USD 15 млн. в год в показателях 2018 года⁵⁶.

В контексте выборов-2020 военным также приходится принимать унижительное участие в политических играх. Неделю спустя после задержания «группы Вагнера», Лукашенко в ходе совещания по обеспечению безопасности избирательной кампании с участием руководства силового блока страны заявил:

Честно признаюсь, и, наверное, вы мне нового не скажете: мы не знаем, на что они [российские бойцы] способны. Мы даже не знаем, кто они. Или это американцы с натовцами, или из Украины нас кто-то поджигает, или нас восточные братья так сильно “любят” — мы даже не знаем⁵⁷.

По словам Поротникова, «Сделанные в угоду политическому моменту заявления руководства силового блока потом дезавуируются А. Лукашенко, что подрывает авторитет генералитета и силовых ведомств в целом (...). Силовые ведомства, судя по прозвучавшим заявлениям А. Лукашенко, не в состоянии оценить ни масштаб угроз, ни направления, с которого они исходят»⁵⁸.

⁵⁴ Более 80 бывших белорусских силовиков лишены званий за дискредитирующие поступки, БелТА, 4 мая 2021. Доступ: 21 августа 2021.

⁵⁵ A. Wilk (2021), “Rosyjska armia białoruska. Praktyczne aspekty integracji wojskowej Białorusi i Rosji”, *Raporty OSW*, Marzec, s. 5. <https://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/raport-osw/2021-03-03/rosyjska-armia-bialoruska>

⁵⁶ А. Поротников, «Положение в области национальной безопасности Беларуси (декабрь 2019 года)», *Belarus Security Blog* 14 января 2020 <https://bsblog.info/polozhenie-v-oblasti-nacionalnoj-bezopasnosti-belarusi-dekabr-2019-goda/>

⁵⁷ Лукашенко заявил о задержании людей с американскими паспортами, *Коммерсантъ*, 6 августа 2020. Доступ: 21 августа 2021.

⁵⁸ Заявления А. Лукашенко дискредитируют силовые ведомства Беларуси, *Belarus in Focus*, 3–9 августа 2020. Доступ: 21 августа 2021.

Декрет о переходе президентской власти к Совету безопасности в случае внезапного ухода Лукашенко может в какой-то мере решить проблему кооптации военных. Документ предполагает, что в случае транзита военные будут иметь своих представителей в Совбезе и влиять на принятие ключевых решений. Имея перед собой хоть какую-то перспективу на будущее и не имея особой мотивации активно бороться с нынешним режимом, военные вряд ли захотят свергнуть режим Лукашенко (подробнее об этом – см. подраздел «Белорусский режим: в каких обстоятельствах может произойти коллапс?»).

Наделение привилегиями силовиков вряд ли решает проблему кооптации, так как бенефициарами нового уклада является, скорее всего, небольшая часть этой группы. Важным стабилизирующим фактором здесь остается «великий брат» из Востока: поскольку значительная часть военных в ценностном и профессиональном плане сильно ориентируется на Россию, а российские власти пока что поддерживают режим Лукашенко, армия останется более-менее лояльной. Но в ситуации обострения политического кризиса или сложного морального выбора (стрелять или не стрелять в демонстрантов) вероятность неподчинения со стороны части военных вполне реальна и может повториться румынский (1989) или тунисский (2011) сценарий, когда неповиновение военных сыграло решающую роль в свержении автократов.

Подчинение технократов силовикам несет в себе очевидные риски и на линии *пра-вляющая группа – экономические и технократические элиты*. Эту проблему хорошо изложил экономист Дмитрий Крук:

Поставьте себя на место чиновника, который все предыдущие годы, пусть с какими-то сомнениями, но считал, что он делает хорошие вещи для экономики страны. Компетентные чиновники понимают, куда мы сейчас движемся. Вряд ли кто-то из них захочет стать ответственным за спад ВВП и финансовый кризис. Поэтому экономика будет важным фоновым фактором для демотивации и дезорганизации системы государственного аппарата⁵⁹.

Партия власти

Общие закономерности

В дополнение к третьему столпу автократии – приобщение элит – стоит обсудить роль партии в обеспечении стабильности авторитарного режима.

В начале проведем различие между *партией власти* и *партией-автократом*. *Партия власти* – это партия, которая используется персоналистским автократом или военной хунтой для консолидации и сохранения своей власти. В качестве примера можно привести «Единую Россию» как партию власти персоналистского режима Владимира Путина или Партию солидарности и развития Союза как партию военной хунты в Мьянме.

⁵⁹ Дмитрий Крук в передаче «Умные люди», 18 ноября 2020.

Партия-автократ – это партия, которая сама является коллективным субъектом авторитарной власти. Примером может послужить Коммунистическая партия Советского Союза в постсталинский период.

Исследования показывают, что:

1. партократии (авторитарные режимы с партией-автократом во главе) более устойчивые, чем военные хунты и персоналистские режимы;
2. военные хунты и персоналистские режимы, которые имеют в своем распоряжении партию власти, более устойчивые, чем их аналоги без такой партии.

Так, исследование Барбары Геддес показало, что из существовавших в 1946 году военных диктатур до 1998 года «дожило» только 11% – все остальные распались. От персоналистских режимов таковых сохранилось 15%, в то время как от однопартийных (партократий) – 50%⁶⁰.

В более новом исследовании Геддес с коллегами установили, что:

- у военных диктатур, имеющих свою партию, ежегодный риск коллапса составляет в среднем 5%;
- у военных диктатур *не* имеющих своей партии риск коллапса в каждом году составляет в среднем 10%⁶¹.

Эрика Франц и Андреа Кендалл-Тейлор, исследовав около 100 персоналистских режимов, пришли к похожим выводам: персоналистские автократии с партией власти⁶² более устойчивы, чем их аналоги без такой партии⁶³.

Почему партократии и авторитаризмы с партией власти более устойчивы? Партия власти или партия-автократ создает пространство для внутренней конкуренции, благодаря которой отсеиваются наименее подходящие для репродукции режима кадры: нелояльные и/или дилетанты. Наличие партии также дает возможность решать внутриэлитные конфликты «не вынося сор из избы», то есть редуцирует количество случаев скандального ухода из системы. Партия власти является также удобной платформой для генерирования и проверки новых идей, что в свою очередь позволяет режиму более успешно удовлетворять спрос общества и предотвращать революционные порывы⁶⁴.

Беларусь: отсутствие партии власти – фактор риска

Как было отмечено в разделе «Беларусь на фоне других автократий», особенностью белорусского режима является крайне высокая степень его персонализации (см. график 3) и отсутствие партии власти. Как это выглядит на фоне остальных современных автократий, можно увидеть на графике 12⁶⁵.

⁶⁰ B. Geddes (1999), 'What Do We Know About Democratization After Twenty Years?' *Annual Review of Political Science*, Vol. 2. См. также L. Blaydes (2010), 'Elections and Elite Management,' In *Elections and Distributive Politics in Mubarak's Egypt* (pp. 48-63), Cambridge: Cambridge University Press; J. Gandhi, A. Przeworski (2006), 'Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorship,' *Economics and Politics*, 18; B. Geddes (2005), 'Why parties and elections in authoritarian regimes?' *Annual Meeting of the American Political Science Association*; B. Magaloni (2006), *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*, Cambridge University Press.

⁶¹ *How Dictatorships Work*, p. 225.

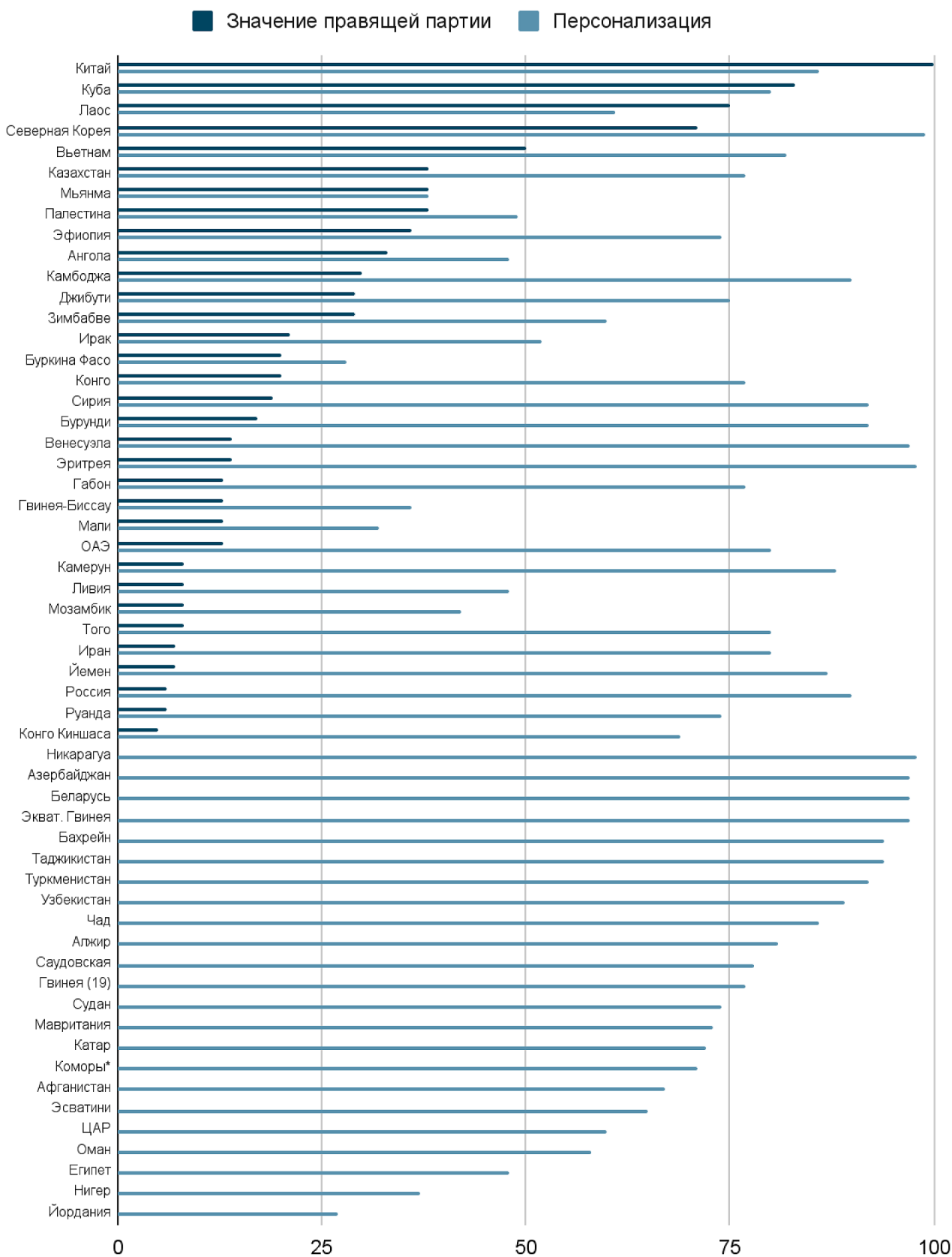
⁶² Особенно если эти партии были созданы самими автократами в преддверии или сразу после прихода к власти.

⁶³ E. Frantz, A. Kendall-Taylor (2016), 'Pathways to democratization in personalist dictatorships,' *Democratization*, 2016.

⁶⁴ См. J. Brownlee (2007), *Authoritarianism in an Age of Democratization*, Cambridge University Press; Magaloni, *Voting for Autocracy*.

⁶⁵ Под «значением правящей партии» V-Dem подразумевается степень зависимости главы государства и главы правительства от правящей партии.

График 12. Значение правящей партии на фоне персонализации автократии (2020, столбальная шкала)

Источник: V-Dem

В большинстве современных автократий имеется своя партия власти. В Российской Федерации таковой является партия «Единая Россия», в Казахстане – «Нур Отан», в Венесуэле – «Единая социалистическая партия». Есть такие партии также в Азербайджане, Таджикистане и Туркменистане, хотя индекс V-Dem оценил их влияние на главу государства или правительство как «никакое».

Беларусь принадлежит к числу автократий, где партии власти нет вообще. За весь послевоенный период насчитывается не более 25 случаев персоналистских автократий без партии власти⁶⁶. Цифра небольшая, учитывая, что за этот период было просуществовало или существует около 500 авторитарных режимов.

Как показывает исследование Франц и Кендалл-Тейлор, характерной чертой «беспартийных» персоналистских автократий является их недолгая жизнь – в среднем 5-6 лет⁶⁷. Исключением из этого правила являются пять автократий: режим Сукарно в Индонезии (просуществовал 17 лет), режим Муаммара Каддафи в Ливии (42 года), режим Аскара Акаева в Кыргызстане (14 лет), полуавторитарный режим Качарана/Саргсяна в Армении (в сумме 20 лет) и режим Лукашенко в Беларуси (27+ лет).

Благодаря высокой степени персонализации центр власти хорошо идентифицируем, что для части элит, особенно силовых, является позитивным моментом. Но издержки такого положения вещей намного существеннее. Персонализация власти снижает качество менеджмента, что в свою очередь может вести к сбоям в системе управления. Отсутствие партии власти лишает систему возможности амортизировать управленческие сбои. Поскольку один человек по чисто физическим причинам не в состоянии управлять всеми процессами, а механизм делегирования полномочий посредством партии власти отсутствует, система не в состоянии регенерироваться и адаптироваться к меняющимся обстоятельствам. Многие управленческие проблемы просто накапливаются и любой момент могут вылиться в системный кризис.

Международный контекст

Общие закономерности

Международный контекст, неформальная коммуникация между гражданами разных стран, а также культурное взаимодействие оказывают существенное влияние на внутривнутриполитические изменения. Сева Гунитски предпринял попытку проанализировать влияние международного фактора на демократизацию на протяжении двух последних столетий⁶⁸. Результатом исследования стало выделение тринадцати волн демократизации, которые были классифицированы в четыре категории в зависимости от типа и силы международного фактора.

⁶⁶ См. 'Pathways to democratization'.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ S. Gunitsky (2018), 'Democratic Waves in Historical Perspective', *Perspectives on Politics*, 16(3).

В зависимости от источника влияния Гунитски сначала проводит различие между «вертикальными» и «горизонтальными» волнами демократизации. В первом случае важным или даже основным фактором демократизации стали внезапные изменения в структуре глобальной гегемонии. Хорошим примером такого изменения является окончание холодной войны и распад Советского Союза, в результате чего в большинстве стран бывшего коммунистического блока произошла смена режима; многие страны перешли к демократии.

Во втором случае фактором демократизации стали локальные искры протеста, которые горизонтально распространились по региону благодаря культурно-коммуникативным связям и схожим вызовам⁶⁹. Примером является «Арабская весна» (2011-2012). В структуре глобальной гегемонии в то время особых изменений не происходило, но почти в 20 странах Ближнего Востока и Северной Африки прокатилась волна протестов против автократий. Смена режима произошла лишь в четырех странах: Тунисе, Ливии, Египте и Йемене и только одна из них (Тунис) сумела перестроиться на демократический путь. Еще в одной стране – Марокко – протесты способствовали некоторой демократизации, но смены режима не произошло.

В зависимости от типа международного влияния автор различает «вирусные» и «эмулятивные» волны. В первом случае международный фактор играет более существенную роль, чем внутренние обстоятельства. Характерной чертой этой волны является ее быстрое распространение: средний период распространения вирусной волны в регионе составляет три года. Примером может служить, опять же, «Арабская весна»: в течение двух лет волна охватила едва ли не все страны региона.

В случае эмулятивной волны основными остаются внутренние факторы, а международные процессы играют вспомогательную роль. Этот тип волны распространяется медленно – в среднем на протяжении 13 лет. Примером эмулятивной волны являются «цветные революции» (или их попытки) последних двух десятилетий в странах бывшей Югославии и бывшего Советского Союза. Многие из стран, в которых произошла смена режима вследствие цветных революций, продвинулись в направлении демократии, но в них пока что доминируют гибридные (авторитарно-демократические) формы государственного управления.

Вертикальные vs горизонтальные волны пересекаются с вирусоподобными vs эмулятивными волнами и образуют четыре перекрестные категории – см. таблица 2.

Таблица 2. Формы международного влияния на внутриполитические трансформации

	Вертикальные	Горизонтальные
Вирусные	<i>Пример: демократизация конца 80-ых и начала 90-ых XX века</i>	<i>Пример: Арабская весна (2011-2012)</i>
Эмулятивные	<i>Пример: Волна африканской деколонизации (1955-1968)</i>	<i>Пример: цветные революции в бывшей Югославии и постсоветском пространстве (2000 – 2010)</i>

⁶⁹ Democratic Waves, p. 635.

Беларусь: борьба за демократию без внешних стимулов

Белорусский протест против авторитаризма, начавшийся в 2020 году, следует считать частью эмулятивно-горизонтальной волны движений за демократию в постсоветском пространстве. На данном этапе никаких серьезных изменений в структуре глобальной гегемонии не происходит; отсутствуют признаки «вирусного» распространения протестных движений по региону. Протесты в Армении (2018), в Беларуси (2020-2021) в Кыргызстане (2020) и в России (2020-2021) в плане причин, прохождения и результатов сильно отличались между собой и имели минимальный взаимозаменяемый эффект.

Горизонтально-эмулятивные волны характеризуются тем, что влияние международного контекста незначительное и успех протеста зависит, прежде всего, от внутренних факторов. Процесс демократических трансформаций в таких ситуациях, как правило, длительный. Кроме цветных революций первой декады XXI века, Гунитски к таким волнам причисляет «Атлантическую волну» 1774 – 1795 годов (трансформации (или попытки трансформаций) в Северной Америке, Ирландии, Польше) и «Модернизационную волну» 1974 – 1988 годов (демократизация в Юго-Западной Европе, в Южной Америке и Юго-Восточной Азии). Трансформационные процессы были продолжительными, а демократизационный эффект зачастую достигался не сразу.

В условиях горизонтально-эмулятивной волны революционеры-энтузиасты довольно быстро отсеиваются, а работа по продвижению демократических ценностей осуществляется немногочисленными людьми более рационального склада. Видимо по этой причине наиболее устойчивые демократии наблюдаются в тех странах, которые имеют за собой опыт борьбы в контексте двух прежних горизонтально-эмулятивных волн. О результатах последней волны этого типа, начавшейся в 2000 году, говорить пока что рано, но можно предполагать, что в долгосрочной перспективе страны, демократизировавшиеся в таких условиях, также имеют высокие шансы стать устойчивыми демократиями. Это касается и Беларуси.

Стоит также заметить, что белорусское государство в высокой степени иммунизировано от влияния внешних сил. Согласно индексу Variety of Democracy (VDem) уровень внутренней автономии белорусского государства в 2018 году составил 1,94 балла из 2,00. Это немного выше, чем у Швейцарии и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (на 1,92), но ниже, чем у России (1,95), Китая (1,97) и США (1,97). При оценке внутренней автономии учитывается прежде всего подверженность *неформальному* влиянию со стороны других государств. Влияние других стран или международного сообщества, связанное с участием в международных соглашениях (например, НАТО), международных организациях (например, Всемирная торговая организация) или конфедерациях (например, Европейский Союз), здесь не принимается во внимание.

Типичные обстоятельства коллапса автократий

Статистика послевоенного периода

Любая авторитарная система подвержена постоянным рискам: то ли экономическое положение ухудшается, то ли выборы пройдут не по сценарию, то ли проявляется ценностный разрыв между населением и властью, то ли внутри элит происходят конфликты, то ли репрессии применяются хаотично. Ни один из этих рисков не является смертельным для системы, но каждый из них может запустить цепную реакцию и привести к ее коллапсу. «Бонус комплементарности» может неожиданно превратиться в «проклятие комплементарности»: кризис легитимации может привести к расколу внутри элит, а излишние репрессии могут подрвать легитимность.

Барбара Геддес et al. сгруппировали обстоятельства падения автократий в семь категорий: *военные перевороты, избирательный процесс, массовые протесты, вооруженное восстание, внутреннее изменение правил, внешнее влияние и распад государства*. На базе обширного эмпирического материала ученые установили, что в послевоенный период автократии чаще всего распадались вследствие военных переворотов (но зачастую на их место приходили новые автократии). Около четверти автократий распалось вследствие выборов, которые пошли не по сценарию; 17% – вследствие массовых протестов⁷⁰ – см. таблица 3.

Таблица 3. Статистика факторов падения автократий⁷¹

35%	военные перевороты
26%	избирательный процесс, который пошел не по сценарию властей
17%	массовые протесты
0,8%	вооруженное восстание
0,8%	изменение правил внутри правящих элит
0,4%	внешнее влияние
0,2%	распад государства

Белорусский режим: в каких обстоятельствах может произойти коллапс?

17 апреля 2021 года Александр Лукашенко заявил о том, что на его жизнь и жизнь его близких готовилось покушение, которые должно было стать частью «военного переворота». Переворот, согласно версии белорусских и российских властей, плани-

⁷⁰ По всей видимости, здесь имеются в виду внеэлекторальные протесты. «Избирательный процесс не по сценарию» практически всегда сопровождался массовыми протестами, в связи с чем этот тип протестов, по идее, засчитывался в 26% случаев постэлекторальных распадов автократий.

⁷¹ *How dictatorships work*, p. 179.

ровался юристом Юрием Зенковичем, политиком Григорием Костусёвым, литературоведом Александром Федутой⁷² и еще несколькими людьми.

Операция по задержанию белорусских «заговорщиков» была, скорее всего, попыткой создать пропагандистский противовес для истории с задержанием российских бойцов Вагнера в июле 2020 года. Ее функция – укрепить в сознании белорусских силовиков убеждение, что угроза для Беларуси может исходить только с Запада (и никак из России), а населению показать, что сопротивление правлению Лукашенко отнюдь не мирное. Среди многочисленных групп, которые обсуждали теоретические возможности силового варианта отстранения Лукашенко от власти, была выбрана группа Зенковича и Федуты. Зенкович с товарищами, то ли из любопытства, то ли для эксперимента решили предпринять некоторые практические шаги в направлении установления контактов с «оппозиционными» силовиками, чем и подыграли белорусским и российским спецслужбам в инсценизации раскрытия опасного заговора.

Насколько высока вероятность военного переворота в Беларуси вообще? На первый взгляд, высокий уровень доверия к армии со стороны населения, рост сторонников управления страной военными и отчуждение армии от правящей группы являются предпосылками для такого сценария. Но здесь существенную роль играет то, что белорусские военные не имеют опыта участия в политической жизни, а последствия захвата власти слишком непредсказуемы: не исключено, что сторонники Лукашенко и сторонники демократизации ополчатся против власти военных. Военные вряд ли зондируют общественное мнение на предмет поддержки со стороны населения гипотетической военной хунты, но даже если и так, то им приходится считаться с тем, что, несмотря на рост сторонников такого правления, большинство белорусов все-таки его не приемлет.

Во-вторых, как отмечалось выше, важным ориентиром для военных является поведение Кремля и мнение коллег из российских силовых структур. И пока Лукашенко остается для российских властей «меньшим злом», заговор против него со стороны военных практически исключен.

Распад государства, который в случае Беларуси мог бы наступить разве что вследствие аннексии со стороны России, также маловероятен по двум причинам: (а) идея аннексии Беларуси очень непопулярна в российском обществе; (б) Россия уже подвержена риску распада из-за (временно замороженных) сепаратистских тенденций и тенденции к олигархизации⁷³. Низка также вероятность вооруженного восстания ввиду приверженности белорусов к идее ненасильственного действия, а также того, что монополия государства над использованием оружия остается сильной.

Остаются четыре реалистичных варианта смены режима: в контексте очередной электоральной или референдумной кампании, под прессингом электоральных или внеэлекторальных протестов, вследствие изменения внутренних правил или внешнего влияния. Каковы шансы преодолеть автократию, а если да, то насколько вероятен переход к функциональной демократии – это зависит от множества факторов, которые мы подробно проанализируем в следующей части исследования.

⁷² ФСБ раскрыла подробности заговора против Лукашенко, РИА Новости, 17 апреля 2021, Доступ: 21 августа 2021.

⁷³ Подробнее см. 'Make love, not war. Will Belarusians' russophilism protect them from the Kremlin's aggression?' Varta. Belarus Security Magazine, 2020. Электронная версия доступна на сайте BISS: <https://belinstitute.com/en/article/make-love-not-war>, а также подраздел «Два вероятных сценария поведения России по отношению к Беларуси» второй части этого исследования.

Заключение первой части

Белорусская автократия переживает период серьезного кризиса легитимации, причем одновременно на двух ключевых уровнях: процедурном и на уровне социального контракта. Некогерентная и изменчивая официальная идеология не способна компенсировать дефицит процедурной и социально-контрактной легитимации, а харизма лидера может воздействовать лишь на небольшую часть населения. Сохраняется определенный уровень диффузивной поддержки, то есть без привязки к какой-либо формы легитимации, но на фоне консолидации протестной части населения этот тип поддержки подвержен маргинализации.

Интенсификация репрессий – это закономерное явление в условиях многоуровневого кризиса легитимации авторитарного режима. Но эта мера имеет много побочных эффектов, которые уже проявились на прежних этапах и будут проявляться в будущем. Попытка подавить послевыборный протест с беспрецедентной жестокостью шокировали ранее аполитичные или лояльные общественные слои: чиновников, правоохранителей, церкви, трудовые коллективы. Международный резонанс, даже несмотря на лояльную позицию Кремля, принес режиму серьезные издержки: большинство западных стран и организаций не признали легитимность переизбрания Лукашенко, были введены санкции: сначала – персональные, позже – экономические.

Внутри властных элит до сих пор не произошло видимого раскола. Часть элит вовлечена в клиентелистские сети неформальных связей по распределению материальных ресурсов и сфер влияния, из-за чего у них нет ни стимула, ни моральной силы бросать вызов режиму. Многолетняя тактика частых переносов управленцев из места на место также принесла плоды: не имея возможности выстраивать прочные доверительные связи, чиновники атомизированы и никогда не могут быть уверены, что коллеги их поддержат в случае неповиновения системе. Геополитическая идентичность и международная социализация также играют свою роль: поскольку внутри белорусских элит сильны пророссийские настроения и эти элиты в разы чаще коммуницируют с российскими визави, чем с западными, отношение Кремля к режиму Лукашенко является для них важным ориентиром.

Налицо проблема кооптации технократов. Для успешного перезапуска режиму необходимо заручиться поддержкой профессионалов – в области экономики, информационных технологий, журналистики, менеджмента, дипломатии, юриспруденции, спорта, культуры, науки. В некоторых авторитарных странах это произошло: в Сингапуре, Тайване и Южной Корее автократам в свое время удалось найти баланс между лояльностью и профессионализмом в кадровой политике. Современные Китай и Россия пытаются это сделать, но пока рано говорить, насколько они будут успешными.

В Беларуси в постэлекторальный период, на фоне кризиса легитимации, интенсификации репрессии и привилегизации силовиков, происходит массовый уход профессионалов из государственных структур. Если эта тенденция продолжится, будут постоянные сбои в системе управления, как это случилось в ходе подготовки к Летней Олимпиаде в Токио. Неисполнение приказов или невыполнение планов будет происходить не из-за гражданского неповиновения, а из-за отсутствия человеческих ресурсов и соответствующих компетенций. Такое положение дел может привести к саморазрушению режима в среднесрочной перспективе.

Часть вторая.

Две трансформации

Коллапс авторитаризма далеко не всегда приводит к демократизации, но всегда создает шанс для сторонников демократии. Какие факторы способствуют/не способствуют демократизации?

На базе исследовательской литературы мы выделили восемнадцать потенциальных факторов преодоления авторитаризма и (или) демократизации и сгруппировали в пять категорий: *ценностные, структурные, тактические, международные* и *лотерейные* – см. рисунок 7.

Рисунок 7. Классификация факторов, релевантных для преодоления автократии и(ли) демократизации

Ценностные предпосылки

Речь идет о широко распространенных в данном обществе ценностных установках, которые существенно влияют на оценочную интерпретацию личных и общественных событий. Оценочная интерпретация в свою очередь предопределяет политическое поведение.

Распространенность ценностей открытого общества

Описание фактора

Тезис, что политический строй общества в значительной степени отражает «образ души» членов этого общества, был довольно популярен в древнегреческой философии. Платон, выделив пять политических систем – аристократия, тимократия, олигархия, демократия и тирания – выделил также пять типов человеческой души: аристократическая, тимократическая, олигархическая, демократическая и тираническая. Доминирующий в данном обществе тип души, по его утверждению, предопределяет тип политической системы. Так, в обществе, где большинство людей ценит богатство, стяжательство, деловые навыки, зарождается олигархический строй. А в обществе, где цениться свобода и потакание своим прихотям, появляется демократия. Ценностные изменения, которые происходят в душах индивидов, влекут за собой и изменения государственного строя.

В XX веке такие видные исследователи тоталитаризма, как Карл Поппер или Ханна Арендт, утверждали, что в основе тоталитарного строя лежит способ мышления, базовый подход к общественно-политической реальности. *Что важнее – индивид или коллектив? История – это продукт действий людей, или внечеловеческих законов? Каковы возможности разума?*

То, каким образом люди отвечают *для самих себя* на эти вопросы, влияет на базовое отношение к демократии. От ответов на эти вопросы зависит ответ на фундаментальный вопрос: *Имеет ли смысл демократия?* Те, кто считает, что коллектив важнее индивида, что ход истории предопределен «свыше» и что в плане оптимизации общественной жизни разум бессилён, вряд ли увидят в демократии какой-либо смысл. А если кто-то не видит смысла в демократии, то и бороться за нее не будет. Когда в данном обществе людей с таким мышлением – большинство, то любой демократический проект здесь обречен на провал.

И наоборот, убеждение в том, что индивид может влиять на ход событий, вера в собственные силы, релятивизация коллективных сущностей несовместимы с авторитарной системой. Распространенность таких установок в обществе создает важные предпосылки для демократизации, а после перехода к демократии являются факторами ее устойчивости. Наличие таких установок гораздо важнее, чем, например, готовность участвовать в демонстрациях или подписывать петиции. Готовность/неготовность к общественной активности – это ситуативное явление, которое может быстро и радикально меняться в зависимости от обстоятельств (возмутительные действия властей, явная слабость режима, появление ощущения, что «нас много» и т.д.). А такие установки, как выученная беспомощность vs вера в субъектность индивида более глубокие и более устойчивые, формирование которых занимают длительное время, и они лишь в малой степени подвержены влиянию ситуативных факторов.

На базе концепции открытого общества Карла Поппера⁷⁴ выделим семь принципов мышления или установок, свойственных открытому обществу: критическое мышление, индивидуализм, историческая и социальная субъектность индивида, критический дуализм, поэтапная инженерия и идея объективной правды. Для наглядности представим их в сопоставлении с элементами мышления закрытого общества – см. таблица 4.

Таблица 4. Установки, свойственные открытому и закрытому обществу

– ОТКРЫТОМУ ОБЩЕСТВУ		– ЗАКРЫТОМУ ОБЩЕСТВУ	
пояснение	принцип	принцип	пояснение
<i>Предпочтение рациональному анализу в ходе решения проблем общественного значения</i>	Критическое мышление	Иррационализм	<i>Примеры: утопизм, мистицизм, конформизм, эстетизм, абсолютизация власти итд.</i>
<i>Этическое превосходство человеческой личности над сверхиндивидуальными сущностями</i>	Индивидуализм	Коллективизм	<i>Этическое превосходство надиндивидуальных сущностей над человеческой личностью</i>
<i>История зависит от деятельности человека. Отсутствие «исторических законов»</i>	Историческая субъектность индивида	Исторический детерминизм	<i>Силы истории, природы, эволюции, генетического кода, богов или искусственного интеллекта полностью определяют социальный процесс</i>
<i>Индивид – потенциально свободный по отношению к социальным структурам</i>	Социальная субъектность индивида	Социальный детерминизм	<i>Индивид полностью зависит от социальных структур (дискурс, культура, религия, класс, и т.д.)</i>
<i>Четкое разграничение между сферой естественных законов и сферой социальных норм</i>	Критический дуализм	Наивный натурализм	<i>Восприятие обычаев, норм и традиций как «законов природы»</i>
<i>Предпочтение частичным реформам в сочетании с критическим анализом эффективности проведенных реформ.</i>	Поэтапная инженерия	Тотальная инженерия	<i>Стремление продвигать радикальные реформы, которые влияют на общество в целом и являются необратимыми</i>
<i>Убеждение, что реальность существует независимо от нашего познания и что основная цель познания - получить адекватную картину реальности</i>	Идея объективной правды	Релятивизм	<i>Убеждение в том, что реальность всегда конструируется познанием и / или что познание неизбежно зависит от «точки зрения»</i>

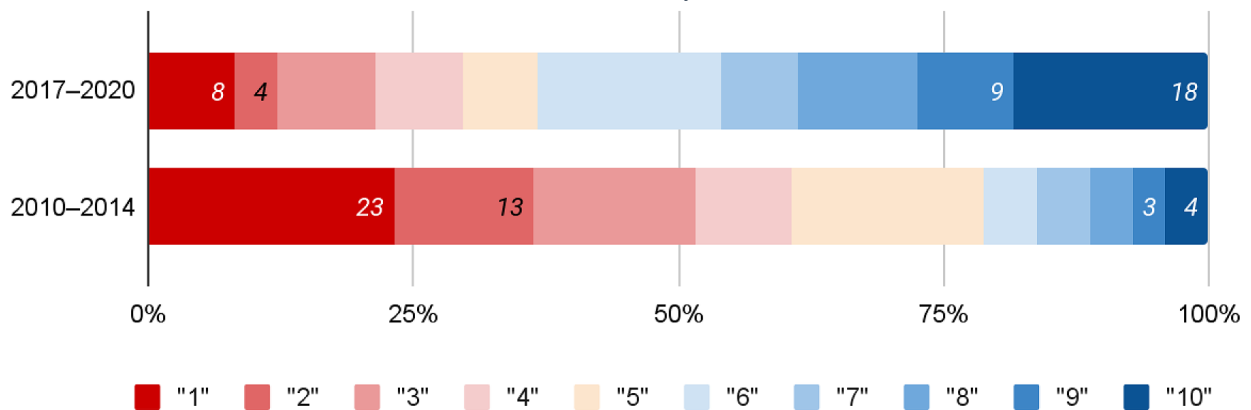
⁷⁴ K.R. Popper (2020), *The Open Society and Its Enemies*, Princeton: Princeton University Press.

Беларусь: ценностный сдвиг в направлении открытого общества

В течение второй декады XXI века в белорусском обществе произошли серьезные ценностные изменения. Это следует из данных WVS/EVS⁷⁵.

Во-первых, количество решительных сторонников государственного патернализма уменьшилось почти в три раза: с 36% в начале десятилетия до 12% в конце. В то же время количество тех, кто однозначно поддерживает тезис, что люди, а не государство, ответственны за собственное благополучие, увеличилось почти в четыре раза: с 7% до 27% – см. график 13.

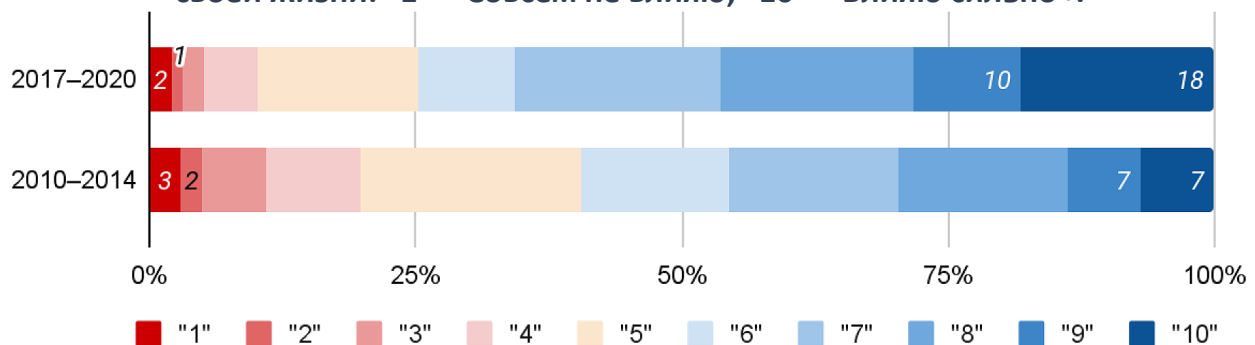
График 13. Патернализм vs индивидуализм. «Скажите, куда бы Вы поместили Вашу точку зрения на этой шкале “1” – Государство должно нести больше ответственности за то, чтобы все люди были обеспечены; “10” – Люди сами должны нести больше ответственности за то, чтобы себя обеспечивать»

Источник: WVS/EVS, Waves 6 and 7

Во-вторых, число решительных сторонников тезиса о том, что человек обладает полной свободой выбора и может влиять на то, какой будет его жизнь, увеличилось вдвое. Уменьшилось количество последователей «философии беспомощности» – см. график 14.

График 14. Субъектность индивида. «Некоторые люди полагают, что они совершенно свободны в выборе и сами определяют свою жизнь, другие же считают, что они никак реально не влияют на то, что с ними происходит. Используя эту шкалу, оцените, пожалуйста, в какой степени, как Вам кажется, Вы влияете на ход своей жизни: “1” – Совсем не влияю; “10” – Влияю сильно».

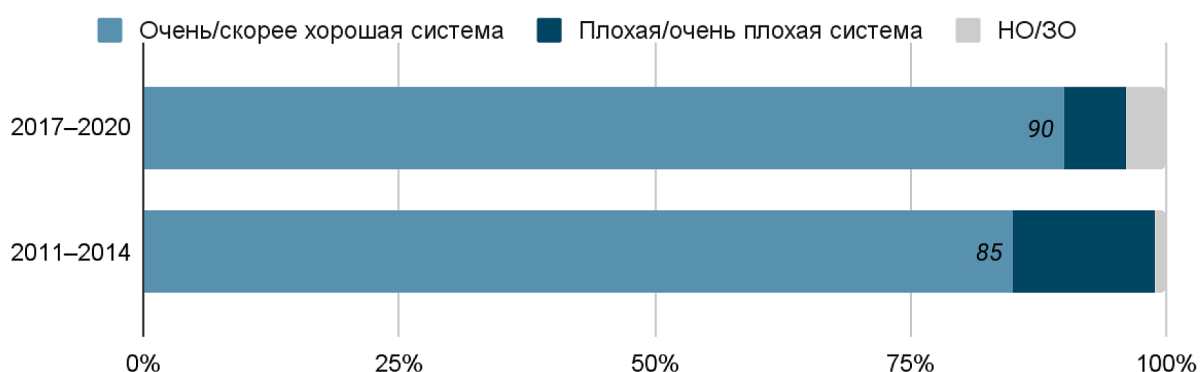
Источник: WVS/EVS, Waves 6 and 7

⁷⁵- Данные, приведенные в этой главе, взяты с официального сайта этого проекта: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

В-третьих, имеются признаки отхода от конформистского мышления в пользу более индивидуалистического подхода. Это видно из динамики религиозных установок. В последние годы впервые произошло сокращение числа тех, кто придает значение религии (в 1990–2010 годах наблюдалась тенденция к росту). Но на фоне преломления этой тенденции возросло значение неконформистских позиций: с одной стороны, увеличилось количество людей, молящихся по несколько раз в день, с другой стороны – количество атеистов. Таким образом, имеем дело с отходом от поверхностной (конформистской) религиозности в пользу неконформистских опций: либо глубокой религиозности, либо атеизма.

Сложнее обстоят дела с отношением к демократии как таковой. С одной стороны, за последние десять лет увеличилось количество тех, кто считает, что демократия является «хорошей» или «очень хорошей» системой управления – с 85% до 90% (см график 15). Однако, на фоне приверженности идее демократии возросло количество сторонников «сильной власти»; в частности, увеличилось число сторонников власти военных – см. подглаву «Потенциал диффузивной поддержки» части первой. Не исключено, что на фоне событий 2020 года часть из них переосмыслила свою установку на сильную власть. Но стоит учитывать и то, что белорусы остаются под влиянием российской интерпретации событий в Украине 2013–2014 годов и боязнь хаоса по-прежнему может влиять на восприятие демократических трансформаций.

График 15. «Скажите, насколько, по Вашему мнению, демократическая политическая система хороша для Вашей страны (Беларуси)?»

Источник: WVS/EVS, Waves 6 and 7

Белорусы остаются очень критичны по отношению к некоторым эмансипативным ценностям, особенно гомосексуализму. Среди всех европейских обществ, опрошенных в рамках проекта 7-й волны WVS, белорусы находятся на последнем месте с точки зрения принятия гомосексуального родительства (когда детей воспитывает гомосексуальная пара). Процент противников этой формы родительства на 65 процентных пунктов выше, чем процент тех, кто ее допускает. Для сравнения, в России преобладание противников составляет 55%.

Ценности открытого общества и эмансипационные ценности не тождественны, к тому же эти две системы ценностей формировались на базе разных философских традиций: первая – на базе британского эмпиризма, рационализма Канта и критического рационализма Поппера; вторая – на базе марксизма, критических теорий и постмодернизма. Тем не менее, поскольку открытое общество предполагает сведение к минимуму институциональных ограничений для индивидуальной свободы, этический традиционализм белорусов создает очаг напряжения в формирующейся либеральной системе ценностей.

Национальная идентичность

Описание фактора

Американский политолог Лукан Уэй утверждает, что в странах бывшего Советского Союза «наличие популярной национальной идентичности, которую удобно было преподнести как несовместимую с актуальным политическим курсом, подрывало потенциал режима и способствовала мобилизации оппозиции даже там, где гражданское общество было слабым»⁷⁶. В этом смысле, согласно Уэю, сильная национальная идентичность обладает демократизирующим потенциалом.

Сильная национальная идентичность – это все же неоднозначный фактор демократизации. В Польской Народной Республике (ПНР) или балтийских республиках советского периода сильное чувство национально-культурной самобытности сыграло важную (возможно, ключевую) роль в процессе преодоления авторитаризма и демократизации. А в Югославии времен Слободана Милошевича или современных государствах Центральной Азии⁷⁷ национализм был довольно успешно инструментализирован авторитарными режимами и стал компонентом их легитимации.

Какую роль сыграет сильная национальная идентичность в судьбе авторитаризма, зависит от того, способен ли данный авторитарный режим сделать национализм центральным элементом своей идеологии. Если в обществе сильно развито национальное чувство, но авторитарному режиму не удастся выработать достаточно националистическую идеологию и стать монополистом в этой сфере, то раньше или позже национализм станет катализатором смены режима.

В ПНР власти пытались синтезировать национализм и коммунизм, но этот синтез был для многих неубедителен и неприемлем, так как сохранялась риторика классового интернационала, дружба с СССР оставалась обязательным элементом государственной политики, а в сфере исторической памяти было слишком много табу. В случае балтийских стран ситуация была похожей, с тем различием, что здесь даже не было особых попыток выработать аналогичный синтез: культурное и политическое существование этих народов было подчинено идее создания «советского супер-народа». В итоге национализм в названных странах стал в какой-то момент важным фактором свержения старого режима.

Таким образом, в контексте свержения автократии и демократизации значение силы национальной идентичности относительно. Если в обществе национальная идентичность хорошо развита, но режим не сумел найти «общий язык» с национализмом, то этот фактор будет постоянной угрозой для режима. Причем угрозой, которую очень сложно устранить репрессивными методами. Если же в обществе с сильной национальной идентичностью режиму все же удалось стать убедительным выразителем национальной гордости народа, тогда сила национальной идентичности начинает функционировать как тормозящий фактор: свергнуть такой режим гораздо труднее.

⁷⁶ L. Way (2005), 'Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine', *World Politics*, Volume 57, Number 2, January, p. 232. V. Silitski (2005), 'Preempting Democracy: The Case of Belarus', *Journal of Democracy*, Volume 16, Number 4, October, p. 85.

⁷⁷ Речь идет прежде всего о Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане.

Слабая национальная идентичность обычно компенсируется повышенным спросом на над-национальную (напр. панславизм, русский мир, западный мир, евразийство) или суб-национальную (напр. племенная, клановая, региональная) идентичность. Если слабая национальная идентичность компенсируется на наднациональном уровне и эта наднациональная идентичность предполагает демократию как одну из ключевых ценностей (например, западный мир), то такое положение дел становится позитивным фактором свержения авторитарного режима и перехода к демократии. Хорошим примером в этом плане являются бывшие колонии Великобритании: Австралия, Новая Зеландия, страны карибского бассейна. Сложности с национальной идентификацией в этих странах стимулировали развитие наднациональной идентичности, каковой стала в их случае принадлежность к британскому сообществу и западной цивилизации. Это в свою очередь способствовало демократизации этих стран, а в случае появления автократий – их быстрому свержению.

Если слабая национальная идентичность компенсируется на субнациональном уровне, шансы на свержение режима увеличиваются, поскольку в этом случае легче мобилизовать ту или иную группу населения во имя освобождения своего племени, клана, региона и т.д. Но шансы на переход к стабильной демократии в таких странах – наоборот – ниже: сильная привязанность к субнациональным сообществам зачастую ведет к серьезным конфликтам, гражданским войнам и злоупотреблению демократическими институтами, если такие появляются.

Рисунок 8. Модель взаимоотношений трех типов идентичности

Противоречивая нац-идентичность белорусов⁷⁸

Советская культура утратила свою мобилизационную силу задолго до распада СССР, но в Беларуси она по-прежнему сохраняет потенциал в качестве элемента коллективной идентификации. Опрос общественного мнения, проведенный в 2018 году, пока-

⁷⁸ При написании этой подглавы заимствовались фрагменты статьи Р. Rudkouski, H. Korszunau, "Rosja jest przyjaciółką, lecz większą przyjaciółką jest demokracja", Fundacja St. Batorego: Forum Idei, 11.03.2021 <https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/03/Demokracja-jest-przyjaciolka.pdf>

зал, что 44,4% белорусов положительно оценивают вездесущность советской символики в публичном пространстве. (Речь идет о названиях улиц, проспектов и площадей в честь Ленина, Дзержинского и других коммунистических деятелей.) Кроме того, 2,6% респондентов заявили, что таких названий должно быть еще больше. Лишь 7,4% заявили, что все «коммунистические» имена необходимо заменить на другие⁷⁹.

На фоне привязанности к советской символике наблюдаем довольно специфическое отношение белорусов к классическим элементам национальной самоидентификации: языку, историческому нарративу, а также досоветского флага и герба.

Язык. Беларусь является абсолютным лидером в Европе с точки зрения отрицания важности национального языка как ключевого элемента национальной идентичности – это следует из результатов опроса общественного мнения, проведенного Pew Research Center в 2015–2017 годах в 34 европейских странах. Среди всех этих стран Беларусь заняла последнее место по количеству людей, которые считают белорусский язык важным компонентом бытия «настоящим белорусом»: только 54% респондентов ответили утвердительно на этот вопрос – см. таблица 5⁸⁰.

Таблица 5. % тех, кто заявили, что национальный язык (языки) очень важен (важны) для того, чтобы быть «настоящим португальцем, голландцем (...) белорусом».

Место	Страна	%	Место	Страна	%
1	Венгрия	98	11	Италия	87
2	Болгария	97	11	Латвия	87
2	Норвегия	97	12	Бельгия	86
3	Нидерланды	96	12	Германия	86
4	Португалия	95	12	Россия	86
4	Чехия	95	12	Швейцария	86
5	Польша	94	13	Австрия	85
6	Дания	93	14	Объединенное Королевство	83
7	Армения	92	14	Сербия	83
7	Литва	92	15	Ирландия	82
7	Грузия	92	15	Хорватия	82
7	Румыния	92	16	Босния	69
7	Словакия	92	17	Финляндия	68
8	Эстония	90	18	Молдова	66
9	Греция	89	19	Украина	62
9	Испания	89			
9	Швеция	89			
10	Франция	88	20	Беларусь	54

⁷⁹ «44% белорусов – против переименования советских названий», *Thinktanks.by*, 2018-11-22, <https://thinktanks.by/publication/2018/11/22/44-belorusov-protiv-pereimenovaniya-sovetskih-nazvaniy.html> (2021-02-09)

⁸⁰ «Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе», *Pew Research Center*, 2017-05-10, <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (2021-02-09)

Нарратив. Белорусы также не спешат принять такой исторический нарратив, который подчеркивал бы самобытность белорусской нации. В ноябре 2020 года около 47% городских интернет-пользователей заявили, что «белорусы, русские и украинцы являются частью триединой славянской нации». Тезис о культурно-исторической самобытности белорусской нации поддержали 48%. Наблюдается медленный рост сторонников второго тезиса – см. таблица 6.

Таблица 6. [Национальный нарратив] «С каким из приводимых суждений вы согласны в наибольшей степени?»

	2009*	2020	
		Май**	Ноябрь***
Белорусы – отдельный народ с собственной историей и культурой	51,8	41,5	47,8
Белорусы, русские и украинцы – часть триединой славянской нации	41,9	54,8	46,8
Белорусы – искусственное образование, придуманное интеллигенцией, белорусы на самом деле русские	1,5	2,9****	-
Белорусы – искусственное образование, придуманное русскими, белорусы на самом деле поляки	1,1		-
НЗ/ЗО	3,6	0,8	5,4

* Источник: Лаборатория «Новак». Национальный опрос методом face-to-face
 ** Источник: Satio. Опрос среди городских интернет-пользователей методом CAWI
 *** Источник: Chatham House. Опрос среди городских интернет-пользователей методом CAWI
 **** Вопрос звучал так: «Белорусы – искусственное образование, придуманное другими»

Стоит при этом отметить, что как минимум с 2008 года в исторической памяти белорусов особое значение имеет Великое Княжество Литовское (ВКЛ) – см. таблица 7. Последний опрос общественного мнения на эту тему, проведенный в декабре 2020 года, подтвердил сильные позиции ВКЛ в исторической памяти белорусов – см. график 16⁸¹.

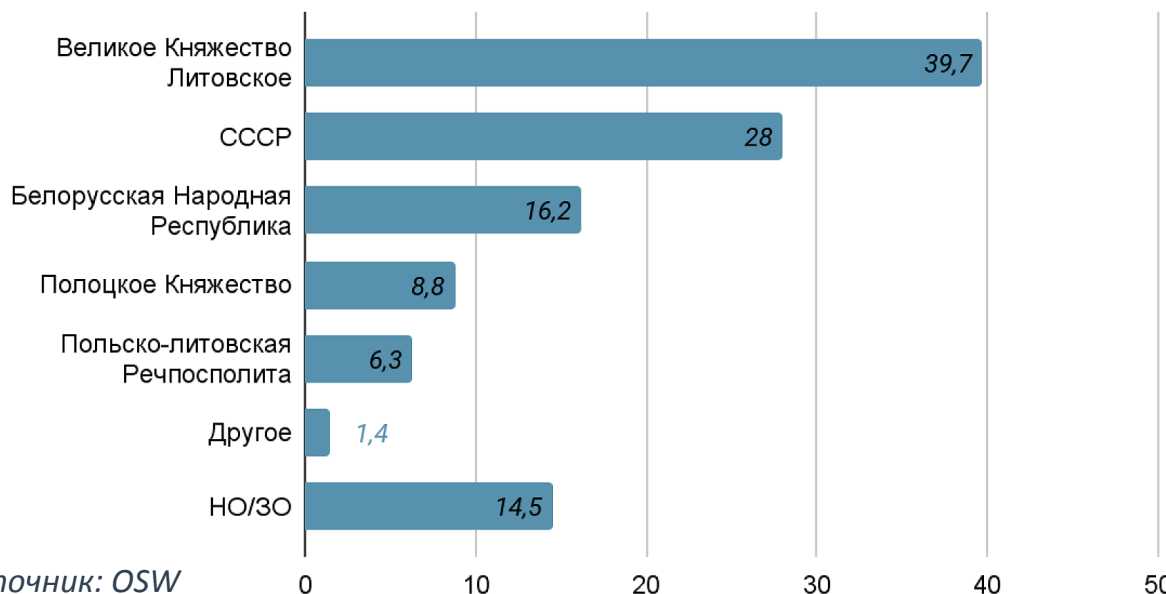
Таблица 7. Каковы истоки белорусской государственности? (%)

	2009*	2018**
Полоцкое и Туровское княжество	17,7	15,9
ВКЛ (Великое Княжество Литовское)	38,1	30,4
БНР (Белорусская Народная Республика)	5	7
БССР (Белорусская Советская Социалистическая Республика)	12,4	21,8
РБ (Республика Беларусь)	9,2	9,3
НЗ/ЗО	17,7	15,7

* Источник: Лаборатория «Новак»
 ** Источник: Белорусская аналитическая мастерская

⁸¹ (2021) 'Belarusians on Poland, Russia and themselves. Analysis of a public opinion poll commissioned by the Centre for Eastern Studies', *OSW Commentary*, January 29 <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2021-01-29/belarusians-poland-russia-and-themselves>

График 16. На какую историческую традицию Беларусь должна опираться в первую очередь? (декабрь 2020) (%)

Источник: OSW

Символы. В 1995 году на референдуме, инициированном Александром Лукашенко, 75% белорусов проголосовали за восстановление – в несколько измененном виде – символов Белорусской Советской Социалистической Республики как государственных символов независимой Беларуси. Бело-красно-белый флаг и герб «Пагоня» – досоветские символы, которые были созданы с привязкой к национальному историческому нарративу – были тогда отвергнуты.

Неосоветские символы до сих пор пользуются бóльшей поддержкой общественности, чем исторические символы, но после всплеска протестов в 2020 году популярность последних выросла. Если в мае чуть больше 23% городских пользователей Интернета воспринимали бело-красно-белый флаг и герб «Пагоня» в качестве потенциально государственных, то в апреле 2021 года их было 26,7%. При этом неосоветская символика потеряла около 20% симпатизантов: среди городских пользователей Интернета в мае 2020 года их было 66%, а в апреле 2021 года их количество упало до 46,5%⁸².

Не подлежит сомнению, что в 2020 году произошла не только политическая активизация белорусского общества, но и попытка основательно переосмыслить существующую формулу национальной идентичности. Однако эта идентичность по-прежнему остается весьма проблематичной, а ее шлифование потребуют длительного времени.

В связи со слабостью (противоречивостью) белорусской национальной идентичности происходит процесс компенсации на другом уровне. Поскольку субнациональные идентичности в Беларуси выражены довольно слабо, компенсация происходит на наднациональном уровне. Основными (хотя не единственными) конкурирующими на этом уровне системами самоидентификации являются западный мир и русский мир. Поскольку в течение последних 25-30 лет эмансипационные ценности (гендерное равенство, права LGBT+, мультикультурализм и т.д.) стали характерной чертой западного

⁸² Survey conducted by Satio among urban internet-users between 8 and 20 May, 2020. Sample's size: 1589 respondents. The poll was conducted using the Computer Assisted Web Interview (CAWI) method; Chatham House Survey among urban internet-users among 20 and 30 April 2021. Sample's size: 937 respondents. The survey was conducted using the Computer Assisted Web Interview (CAWI) method.

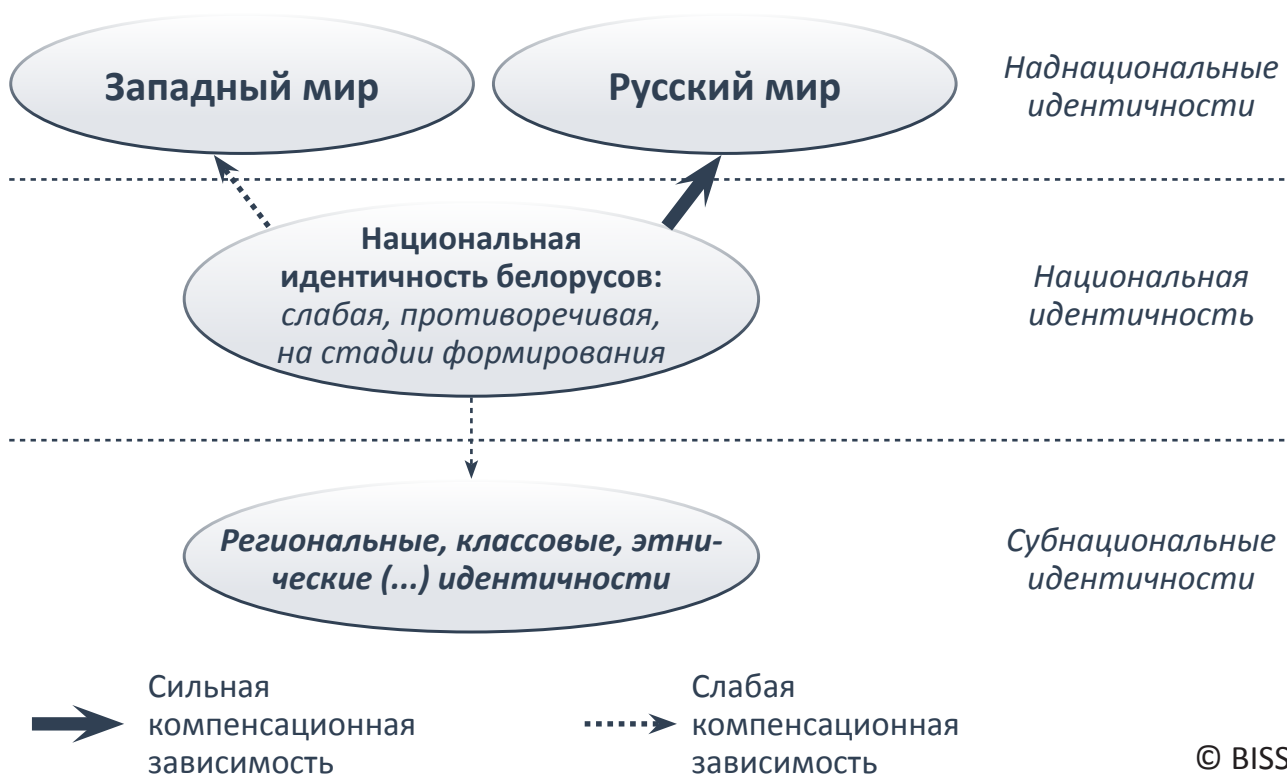
мира, а белорусское общество довольно критично воспринимает эти ценности, особое значение приобретает русский мир в качестве наднациональной идентичности.

Схематично можно это представить следующим образом:

1. [Дефицит национальной идентичности] → [Повышенный спрос на субнациональную идентичность] ИЛИ [Повышенный спрос на наднациональную идентичность]
2. В Беларуси субнациональные идентичности (региональная, этническая, классовая, религиозная итд.) в целом слабо выражены. Отсюда, (3):
3. Наднациональная идентичность: [западный мир] ИЛИ [русский мир]
4. Для белорусов западный мир непонятен или неприемлем. Отсюда, (5):
5. Русский мир – основной фактор культурной самоидентификации.

Ниже – визуализация этой схемы, см. рисунок 9.

Рисунок 9. Компенсация слабой нац-идентичности белорусов

Образованность населения

Описание фактора

Исследование Эдуардо Алеман и Йечи Ким показало, что существует позитивная корреляция между уровнем образования и демократией⁸³. При этом авторы отмечают, что причинно-следственная связь здесь не всегда очевидна: многое зависит от того, появились ли другие предпосылки демократизации.

⁸³ E. Alemán, Y. Kim (2005), 'The democratizing effect of education', *Research & Politics*, 2 (4).

График 17. Корреляция между уровнем образования и уровнем демократии

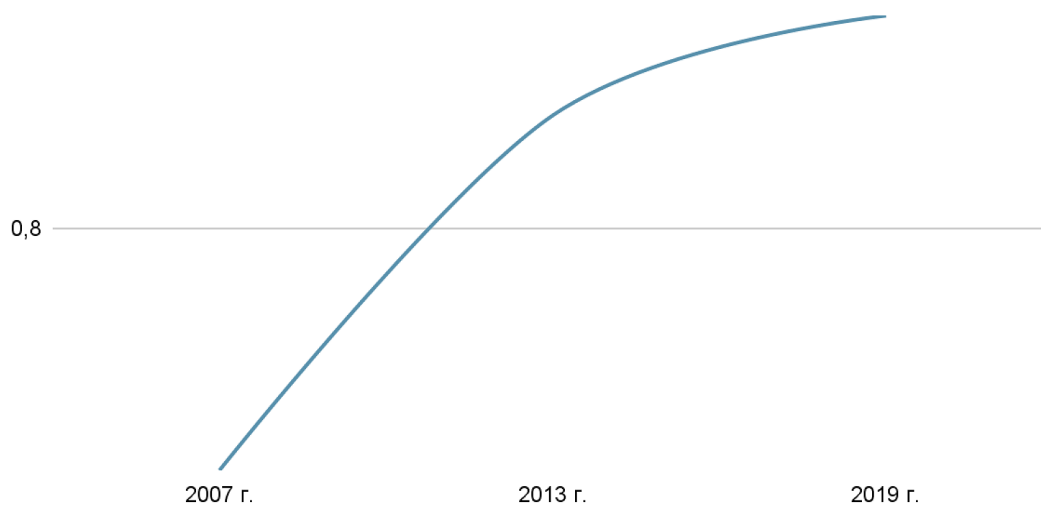
Источник: *Polity IV, UNESCO, Рассчеты: Barro and Lee (2013), Aleman and Kim*

Авторы также отмечают, что влияние образования на демократизацию гораздо сильнее в небогатых странах. В этих случаях коэффициент для переменной взаимодействия статистически значим и находится в ожидаемом направлении.

Образованность населения Беларуси на подъеме

Согласно глобальному Индексу образования ООН, в 2019 году показатель образованности населения составил «0.838»⁸⁴. Таким образом, Беларусь находилась на 32 месте среди 189 стран, охваченных Индексом. В течение тринадцати лет (2007 – 2019) показатель образованности населения Беларуси вырос на 0,078 пункта – см. график 18.

График 18. Уровень образования в Беларуси (2007–2019) (логарифмическая шкала)

Источник: *HDI/UNDP*

⁸⁴ United Nations Development Programme. Human Development Index (HDI): Education Index [URL: hdr.undp.org].

Как отмечает социолог Андрей Вардомацкий, «при таком уровне образования авторитарные режимы невозможны»⁸⁵. Возможно, стоит смягчить категоричность этого высказывания: *...авторитарным режимам очень сложно удержаться*, но с базовым посылом нужно согласиться. Рост образованности населения будет становиться все более серьезным вызовом для автократии. Это также тот фактор, который создает позитивные предпосылки для перехода к демократии, о чем свидетельствует упомянутое выше исследование Алемана и Ким.

Наличие опыта кооперации и диалога

Описание фактора

В ходе исследования политических процессов в постколониальных странах ученые обнаружили следующую закономерность: бывшие британские колонии более успешно перешли к демократической форме правления, чем бывшие не-британские колонии. Это особенно видно на примере стран Карибского бассейна: из семнадцати карибских стран, только две, Куба и Гаити, в настоящее время не имеют либерально-демократических правительств⁸⁶. В трех странах – Суринаме, Гайане и Гренаде – в прошлом были периоды недемократического правления (но сейчас эти страны демократичны). Среди этих пяти «проблемных» стран только две – Гренада и Гайана – бывшие британские колонии. Все остальные карибские страны с момента независимости являются стабильными демократиями⁸⁷ и все они – бывшие британские колонии.

В Африке из пятидесяти стран, ставших независимыми после Второй мировой войны, только три (Ботсвана, Маврикий и Намибия) имели непрерывное демократическое правительство с момента обретения независимости, две из них (Маврикий и Ботсвана) – бывшие британские колонии. Ни одна страна, которая жила под голландским, американским, испанским или португальским правлением, не оставалась непрерывно демократической на протяжении всего периода независимости.

Майрон Уайнер объясняет эту закономерность следующими факторами: Великобритания в ходе длительного периода управления своими колониями переносила свои собственные управленческие традиции, прежде всего:

- установление ограничений для колониальной власти;
- установление норм поведения тех, кто осуществляет власть
- создание процедур управления конфликтом⁸⁸.

Это объяснение выглядит вполне убедительным, в связи с чем наличие опыта кооперации и диалога выделяем как позитивную предпосылку для демократизации. Считаем ее также позитивным фактором в плане преодоления авторитарного режима.

⁸⁵ [Социсследование показало...](#)

⁸⁶ J. I. Domínguez (1998), *Democratic Politics in Latin America and the Caribbean*, Baltimore: Johns Hopkins University Press, p. 14.

⁸⁷ В Доминике, Ямайке, Сент-Винсент и Тринидад и Тобаго были попытки переворота, но они не увенчались успехом.

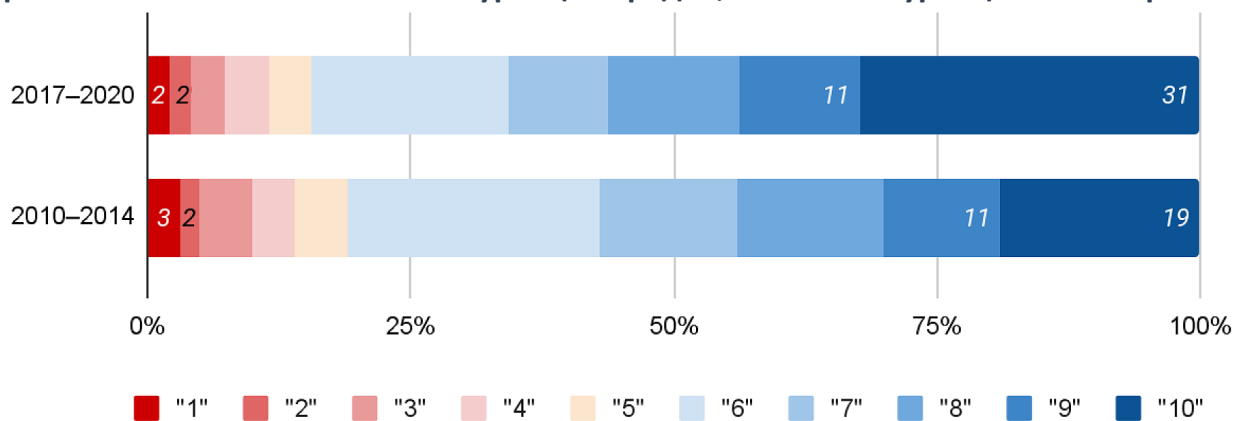
⁸⁸ M. Weiner (1987), 'Empirical Democratic Theory' in M. Weiner and E. Özbudun (eds.) *Competitive Elections in Developing Countries*, Durham, NC: Duke University Press, p. 19.

Этос кооперации в Беларуси возрастает

О состоянии этоса кооперации можно судить на базе некоторых косвенных данных. Одним из таких индикаторов является отношение к конкуренции. На первый взгляд, конкуренция является противоположностью кооперации, но общим знаменателем здесь является установка на прозрачные правила и горизонтальное взаимодействие. Если в обществе доминирует позитивное отношение к конкуренции, то и этос кооперации, скорее всего, будет высоким, и наоборот.

В течение 2010–2020 годов в Беларуси заметно возросло среднее значение позитивного отношения к конкуренции: с 6,01 балла до 6,66 (по десятибалльной шкале). Стоит подчеркнуть что произошло резкое увеличение доли тех, кто решительно поддерживают этос конкуренции, т.е. тех, кто в ответе на вопрос о пользе/вреде конкуренции оценили свою уверенность в пользе конкуренции в «10» или «9» баллов из десяти (см. график 19).

График 19. Отношение к кокуренции. «Скажите, куда бы Вы поместили Вашу точку зрения на этой шкале: “1” – Конкуренция вредна; “10” – Конкуренция – это хорошо»

Источник: WVS, Waves 6 and 7

Этос кооперации белорусов отчетливо проявился в контексте двух серьезных вызовов 2020 года: пандемия CoViD-19 и репрессии. В марте-апреле имело место масштабное движение помощи медикам на низовом уровне, в которое были вовлечены в той или иной форме десятки тысяч граждан. Это, по мнению проф. Андрея Вардомацкого, был важный опыт самоорганизации⁸⁹.

В ответ на интенсификацию репрессий появилось множество разного рода инициатив, направленных на помощь пострадавшим: от структурированных (например, BySOL) до спонтанных (например, денежное пожертвование случайно встреченному родственнику политзаключенного). Социологи также отмечают в качестве одной из особенностей белорусского протеста 2020 года то, что «потребность в физическом присутствии лидера на месте событий исчезла. Это породило самоорганизацию и феномен плавающего лидерства». Этос кооперации также брал верх над политическими амбициями. В июне 2020 года Дмитрий Кухлей констатировал: «Политорганизации отказываются от взаимной критики и консолидируют усилия для оказания поддержки потерпевшим»⁹⁰.

⁸⁹ Социсследование показало...

⁹⁰ Политорганизации консолидируются в ответ на репрессии, ГО продолжает сбор помощи медикам, *Belarus in Focus*, 15–21.06.2020. Доступ 20 августа 2021.

Синописис ценностных факторов

Таблица 8.1. Ценностные факторы влияющие на (а) преодоление автократии; (б) переход к демократии
(НЕГ – влияние негативное; ПОЗ – влияние позитивное; НЕЙТ – влияние нейтральное)

Факторы		...влияющие на:	
		- преодоление автократии	- переход к демократии
Распространенность ценностей открытого общества		ПОЗ	ПОЗ
Сильная национальная идентичность	Националистическая автократия	НЕГ	НЕЙТ
	В основе автократии – ненационалистическая идеология	ПОЗ	ПОЗ
Слабая национальная идентичность	...которая компенсируется на наднациональном уровне, где демократические ценности приветствуются	ПОЗ	ПОЗ
	...которая компенсируется на наднациональном уровне, где демократические ценности <i>не</i> приветствуются	НЕГ	НЕГ
	...которая компенсируется на субнациональном уровне	ПОЗ	НЕГ
Образованность населения		ПОЗ	ПОЗ
Наличие опыта кооперации и диалога		НЕЙТ	ПОЗ

Таблица 8.2. Беларусь: конфигурация ценностных факторов
(«+1» – фактор влияет позитивно; «-1» – фактор влияет негативно; «0» – фактор нейтрален)

В Беларуси:	Значение для	
	- преодоления автократии	- перехода к демократии
Тенденция к распространению ценностей открытого общества	+1	+1
Слабая национальная идентичность, которая компенсируется советско-русской наднациональной идентичностью	-1	-1
Высокая образованность населения с тенденцией к росту	+1	+1
Формируется этос кооперации и диалога	0	+1

Структурные предпосылки

Сильный средний класс

Описание фактора

Как отмечает Сэмюэль Хантингтон, «демократия зиждется на власти большинства, а это крайне сложно в ситуации концентрированного неравенства, когда значительное, обедневшее большинство противостоит маленькой, богатой олигархии»⁹¹. То, что Колумбия или Коста-Рика характеризуются более длительной и прочной демократией, исследователи объясняют прежде всего тем, что в этих странах сформировался сильный средний класс⁹².

Аджемоглу и Робинсон выделяют четыре способа влияния среднего класса на демократизацию: (1) как движущая демократическая сила; (2) как сторонники включения бедных в политическую жизнь, что способствует переходу от частичной демократии к полной; (3) как буфер между богатыми и бедными, благодаря которому богатые менее опасаются того, что демократия будет использована для борьбы с ними и в такой ситуации богатые элиты менее склонны прибегать к насилию; (4) как участник в управлении государством: представители среднего класса более склонны выступать против репрессий и в пользу перехода к демократии⁹³.

Тем не менее, на этапе преодоления автократии роль среднего класса бывает неоднозначной. В автократиях с либеральной экономической политикой, сильный средний класс может стать фактором, замедляющим демократические преобразования. Примером тут являются такие страны, как Сингапур, Южная Корея или Тайвань: средний класс, являясь бенефициаром экономической политики авторитарных режимов этих стран, не особо был заинтересован в быстром переходе к демократии.

По-другому обстоят дела в автократиях социалистическо-популистского толка, таких как Тунис во времена Бен Али, Ливия во времена Каддафи, Венесуэла и Беларусь. В таких режимах среднему классу «неуютно»: постоянное вмешательство государства в экономические процессы постоянно раздражает представителей этого класса, а ограничения политических свобод ощущаются более болезненно.

Значение среднего класса для демократизации обусловлено следующими закономерностями:

1. Чем больше опыта самостоятельного зарабатывания денег, тем меньше потребность в государственной опеке.
2. По мере удовлетворения материальных потребностей возрастает спрос на «постматериальные» потребности, такие как свобода, самореализация.
3. По мере развития среднего и малого бизнеса усиливается спрос на прозрачные и понятные правила, а необходимость жить «по понятиям» вызывает все большее отторжение.

⁹¹ S. Huntington (1991), *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, University of Oklahoma Press, p. 66.

⁹² D. Acemoglu, J. Robinson (2012), p. 256.

⁹³ Ibid., p. 258.

Беларусь второй декады: «обуржуившиеся» – не только банкиры

Жанна Кулакова, финансовый консультант TeleTrade, исходя из критерия уровня дохода (не менее 1000\$ в месяц), оценивает это количество представителей среднего класса в Беларуси довольно пессимистично: в районе 5%. (По данным Белстата, лишь 7,9% населения живет больше чем на BYN 800 в месяц). Уровень дохода все же сложно считать адекватным индикатором принадлежности к среднему классу. Директор по социальным исследованиям НИУ ВШЭ Лилия Овчарова в комментарии РБК дала такую характеристику среднему классу:

Средний класс, помимо доходов, как правило, обладает определенными профессиональными компетенциями, склонен к изменениям, является мобильным с точки зрения карьеры. Содержательное отличие среднего класса от других в том, что он начинает инвестировать свои ресурсы в образование, здравоохранение и другие расходы, связанные с развитием⁹⁴.

С учетом такой дефиниции более адекватной кажется оценка академика Бабосова, согласно которой оценивает количество белорусов, являющихся в ментально-ценностном плане средним классом в 50,5—55%⁹⁵. Некоторая либерализация 2017–2019 годов, создала важные предпосылки для развития класса, который в плане материального и профессионального роста в большей степени полагается на самого себя, а не государство.

Более того, развитие среднего и малого бизнеса способствовало распространению понимания, что государство в значительной степени зависит от частного бизнеса. На 1 января 2020 года в Беларуси было 257 тыс. индивидуальных предпринимателей и 111 тыс. организаций малого и среднего предпринимательства, в том числе 97 тыс. микроорганизаций, 12 тыс. малых организаций (11%) и 2 тыс. средних организаций (2%)⁹⁶. Вклад субъектов малого и среднего предпринимательства в ВВП Беларуси за 2019 год составил 26,1%⁹⁷.

Социо-экономическое неравенство

Описание фактора

Аджемоглу и Робинсон утверждают, что существует немонотонная (т.е. перевернутая U-образная) связь между социальным неравенством и вероятностью перехода к демократии. В обществах с низким уровнем неравенства революции и социальные волнения мало привлекательны для граждан; там либо нет никаких вызовов недемократическим системам, либо любые вызовы могут быть решены временными мерами, такие как ограниченное перераспределение. Иначе говоря, в таких обществах граждане уже извлекают выгоду из производственных ресурсов экономики, поэтому они не предъявляют дальнейших жестких требований. Это – вероятная причина того, что демократия пришла с опозданием в ряде быстрорастущих экономик с низким уровнем социально-экономического неравенства таких как Южная Корея и Тайвань или Сингапур.

⁹⁴ [Сколько зарабатывает средний класс в Беларуси и России? Директор](#), 28 июня 2018. Доступ 21 августа 2021.

⁹⁵ [Половина населения нашей страны отождествляет себя со средним классом. Академик Евгений Бабосов – о среднем классе в Беларуси, Беларусь сегодня](#), 11 мая 2019. Доступ 21 августа 2021.

⁹⁶ [Вклад малого и среднего бизнеса в ВВП Беларуси составил 26,1%](#), БелТА, 19 мая 2020. Доступ 21 августа 2021.

⁹⁷ [Belarus's middle class begins to turn on Lukashenko](#), *Financial Times*, 23 June 2020, accessed August 21, 2021.

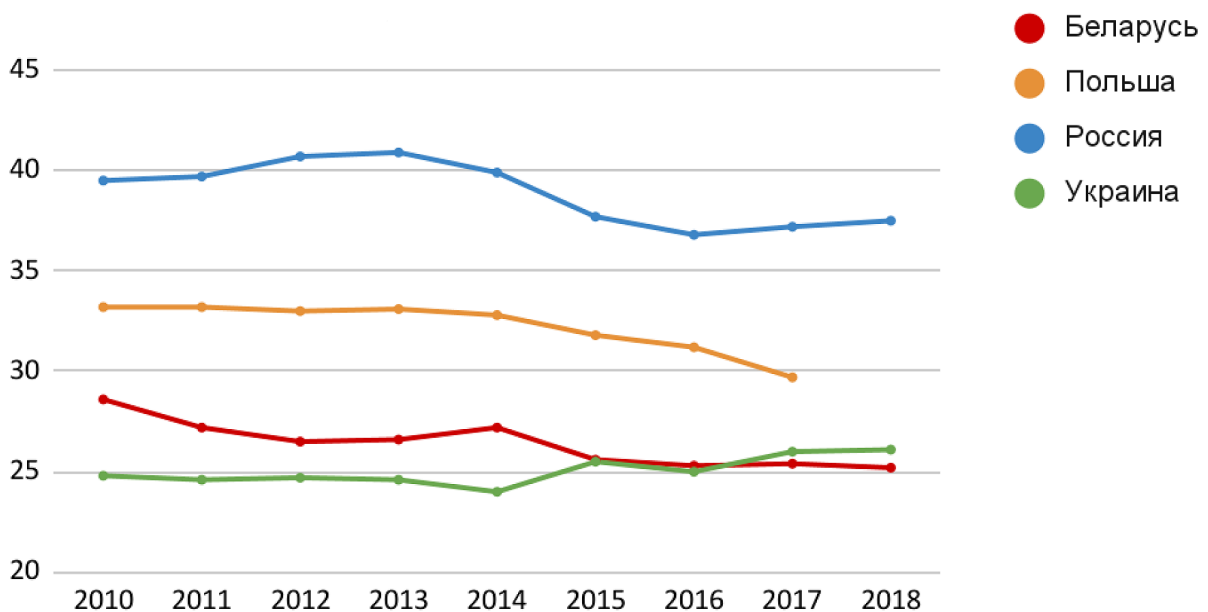

Напротив, в обществах с высоким уровнем неравенства (например, в Южноафриканской Республике до 1994 г.) у многих граждан имеются веские причины быть недовольными и часто они пытаются восстать против системы. Но поскольку богатые элиты могут многое потерять в случае коллапса системы, у них появляется сильный стимул сохранить статус кво любой ценой, в том числе ценой жестоких репрессий. Этот механизм также может объяснить живучесть недемократических режимов в странах Латинской Америки с крайне высоким уровнем неравенства, таких как Сальвадор и Парагвай. Таким образом, теория Аджемоглу и Робинсона предполагает, что демократия имеет больше шансов возникнуть в обществах со средним уровнем неравенства⁹⁸.

Беларусь: контрасты небольшие, а толерантность к ним возрастает

Беларусь имеет низкое значение индекса Джини (см. график 20), сопоставимое с уровнем скандинавских стран. Данный эффект был достигнут во многом благодаря уравнительной пенсионной системе и другим прямым бюджетным трансфертам населению⁹⁹. Развитие в стране ИТ отрасли и связанными с ней высокооплачиваемыми рабочими местами не повлияло на общую дифференциацию доходов в обществе.

График 20. Индекс Джини в Беларуси и некоторых соседних странах

Источник: World Bank

Кроме того, в Беларуси возрастает уровень толерантности к неравенству в доходах. В течение второй декады XXI века доля решительных сторонников тезиса, что неравенство доходов является хорошим стимулом для развития, выросла с 9% до 23% – см. график 21.

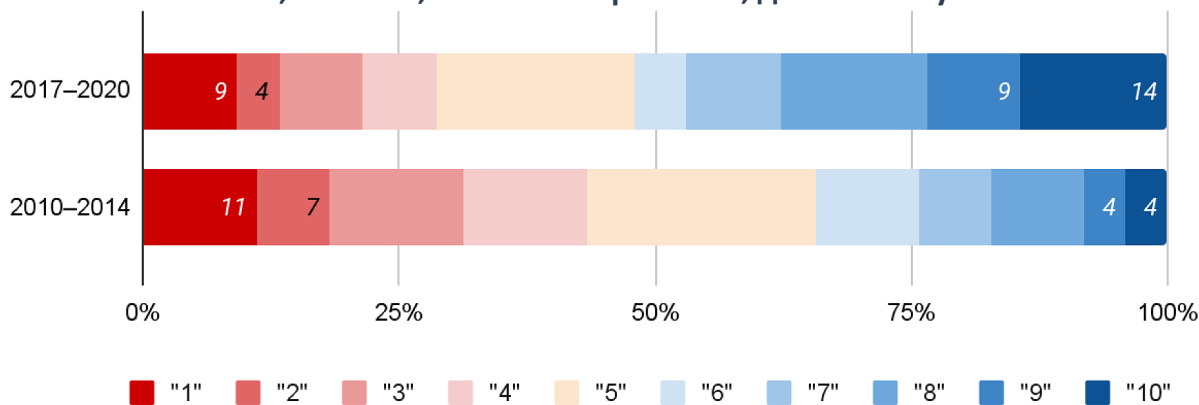
Таким образом, социально-экономическая структура белорусского общества и растущая терпимость к возможному неравенству в доходах не создают дополнительных

⁹⁸ Acemoglu & Robinson, p. 37.

⁹⁹ K. Bornukova, G. Shymanovich, and A. Chubrik (2017), 'Fiscal Incidence in Belarus: A Commitment to Equity Analysis', World Bank Policy Research Working Paper No. 8216, October 12, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3052056

предпосылок для социального протеста. Но в долгосрочной перспективе – если в силу других факторов произойдет демонтаж автократии – эти моменты будут способствовать переходу к демократии.

График 21. Толерантность к неравенству в доходах. «Скажите, куда бы Вы поместили Вашу точку зрения на этой шкале: “1” – Разница в доходах не должна быть очень большой; “2” – Тот, кто больше работает, должен получать больше»

Источник: WVS/EVS, Waves 6 and 7

Устойчивость государства

Описание фактора

Устойчивость государства проявляется в первую очередь в наличии у государства монополии на применение силы и сохранении контроля над всей территорией. Сложности с монополией на применение силы и сохранением контроля над территорией возникают обычно тогда, когда часть населения оспаривает само существование данного государства или его суверенитет на определенные территории.

С точки зрения преодоления авторитаризма устойчивость государства – явление амбивалентное. В автократиях государственная устойчивость тесно сопряжена с механизмами подавления инакомыслия и политических свобод, поэтому чем сильнее такое государство, тем сложнее вырваться с оков авторитаризма.

Какую роль играет устойчивость государства с точки зрения демократизации? В научной среде нет консенсуса на этот счет¹⁰⁰, но ряд видных авторов считают, что существует позитивная взаимозависимость между развитием демократии и устойчивостью государства.

Прежде чем вы сможете иметь демократию, вы должны иметь государство, но чтобы иметь легитимное и, следовательно, прочное государство, вы обязательно должны иметь демократию. Эти два аспекта взаимосвязаны, но точное определение того, как и когда создавать отдельные, но взаимосвязанные институты, требует очень тщательного анализа

— писал Фрэнсис Фукуяма в одной из своих статей¹⁰¹.

¹⁰⁰ В одной из последних публикаций по этой теме авторы довольно скептически оценивают тезис о существенном значении предварительной государственной сформированности для демократизации, см.: A. Croissant, O. Hellmann (eds) (2020), *Stateness and Democracy in East Asia*, Cambridge University Press.

¹⁰¹ F. Fukuyama (2005), 'Stateness,' *Journal of Democracy*, January, p. 88.

Государственность в значительной степени является необходимым условием для четырех демократических атрибутов: избирательных прав, политических свобод, верховенства закона и социальные права

— утверждал в свое время Дэнкварт Рустов¹⁰². Эта позиция впоследствии нашла отражение в индексах демократии и политической трансформации. Например, Bertelsmann Transformation Index (BTI) или The Economist Intelligence Unit (EIU) оба рассматривают развитость институтов власти и наличие эффективных механизмов управления как важный фактор демократического развития.

В рамках нашего исследования мы принимаем позицию, которая перекликается с позицией Рустова, BTI и EIU: *Устойчивость государства на этапе не-демократии снижает шансы на смену системы, но, если это произойдет, то – при прочих равных – увеличивает шансы на успешную демократизацию.*

Сильная государственность Беларуси

В Индексе государственной хрупкости за 2020 год, который составляется Фондом ради мира, Беларусь с уровнем хрупкости в 65,8/120 заняла 103 место из 178 (чем сильнее государственная устойчивость, тем ниже место в рейтинге хрупкости). Для сравнения – хрупкость российского государства оценено на 72,6/120, Украины – 69,1/120, США – 38,3/120, Венесуэлы – 91,2/120 (см. таблица 9).

Таблица 9. Индекс государственной хрупкости Беларуси по сравнению с выборочными странами (2020)

Страна	Индекс (максимальный балл: 120)	Место (среди 178 стран)
США	38,3	149
Польша	41,0	145
Армения	64,2	108
Беларусь	65,8	103
Молдова	66,1	100
Грузия	71,2	80
Украина	69,0	92
Россия	72,6	76
Кыргызстан	73,9	73
Венесуэла	91,2	28

Источник: Fragile States Index powered by the Fund for Peace¹⁰³

Высоко оценивает устойчивость белорусского государства также BTI: в 2020 году она была оценена на 8,8 баллов из 10. Для сравнения: устойчивость российского государства оценивалась на 8/10, украинского – на 7,5/10¹⁰⁴.

¹⁰² J. Møller & S.-E. Skaaning (2011), 'Stateness first?', *Democratization*, 18:1.

¹⁰³ Internet link: <https://fragilestatesindex.org/data/>

¹⁰⁴ BTI определяет государственность (stateness) как «наличие четкого признания существования субъекта как государства с адекватно установленными и дифференцированными структурами власти».

Высокий уровень прочности белорусского государства усложняет процесс преодоления автократии. Но если это произойдет, наличие работающих государственных институтов будет способствовать успешному переходу к демократии.

Синописис структурных факторов

Таблица 10.1. Структурные факторы влияющие на (а) преодоление автократии; (б) переход к демократии
(НЕГ – влияние негативное; ПОЗ – влияние позитивное;
НЕЙТ – влияние нейтральное)

Факторы		...влияющие на:	
		- преодоление автократии	- переход к демократии
Сильный средний класс	Автократия с рыночной экономикой	НЕЙТ	ПОЗ
	Автократия с плановой экономикой	ПОЗ	ПОЗ
Социо-экономическое неравенство	Невысокая степень неравенства	НЕЙТ	ПОЗ
	Высокая степень неравенства	ПОЗ	НЕГ
Устойчивость государства	Высокая степень устойчивости	НЕГ	ПОЗ
	Низкая степень устойчивости	ПОЗ	НЕГ

Таблица 10.2. Беларусь: конфигурация структурных факторов
(«+1» – фактор влияет позитивно; «-1» – фактор влияет негативно;
«0» – фактор нейтрален)

В Беларуси:	Значение для	
	- преодоления автократии	- перехода к демократии
Тенденция к усилению среднего класса на фоне преимущественно нелиберальной экономической политики	+1	+1
Социальное неравенство небольшое. Рост толерантности к неравенству в доходах	0	+1
Высокая государственная устойчивость	-1	+1

Тактические предпосылки

Продемократическая мобилизация общества

Описание фактора

Значение демократической мобилизации общества не вызывает особых возражений в научном сообществе. Эмпирическое исследование Дона Бранкати, основанное на изучении массовых акций протеста на протяжении 1989–2011 лет показало, что в 25% случаев такие акции были основным фактором демократизации¹⁰⁵.

В СМИ можно встретить упоминание о так называемом «законе 3,5%». Закон гласит, что если в акциях протеста на пике участвует более 3,5% населения, то падение режима неизбежно в течение одного года. Журналисты ссылаются на исследование Ченовет и Степан, согласно которому не было ни единого случая, когда в акциях протеста на пике приняло участие более 3,5% населения и протестующие не добились бы основных целей в течение одного года¹⁰⁶.

К этому «закону», однако, следует подходить с некоторой дозой скепсиса. Во-первых, он был сфальсифицирован венесуэльским кейсом: в апреле 2017 года в протестах против правления Николаса Мадуро по всей стране приняло участие ок. 6 млн человек, что составляет более 20% населения. Основной цели – отставки Мадуро и его правительства – протестующие не добились ни в течение года, ни в течение последующих трех лет. На момент подготовки исследования к выпуску (август 2021) начались переговоры между венесуэльскими властями и оппозицией, но пока что речь не идет о передачи власти. Во-вторых, в социополитической реальности вообще не существует «железных» законов. Есть всего лишь некоторые закономерности. Понятно, что чем больше общество мобилизовано к участию в акциях протеста и чем больше людей принимает участие в таких акциях, тем выше шансы на свержение автократии и последующую демократизацию¹⁰⁷. Но никакое количество протестующих не гарантирует достижение целей.

Тем не менее, доля правды в утверждениях Ченовет и Степан есть. Когда в акциях протеста участвует не менее 3–4% населения страны, то такие акции оставляют сильный отпечаток на самосознании граждан и чиновников, а также создают новый образ общества на международном уровне. У каждого протестующего есть несколько десятков родственников, друзей и знакомых, которые вовлекаются в протестную действительность косвенно – посредством разговоров и дискуссий. И даже если некоторые знакомые являются сторонниками режима, важно то, что факт сопротивления этому режиму перестает быть чем-то далеким и абстрактным, а становится осязаемой реальностью. В такой ситуации поддержка для режима или безразличие перестают быть опциями «по умолчанию». Людям приходится заново осмысливать свое отношение к политической действительности и искать ответ на вопрос: *Почему я поддерживаю режим?* или *Почему я остаюсь в стороне?* Такое переосмысление необязательно

¹⁰⁵ D. Brancati (2016), *Democracy Protests: Origins, Features and Significance*, Cambridge: Cambridge University Press.

¹⁰⁶ «Правило 3,5%»: как незначительное меньшинство может без насилия изменить мир, BBC News. Русская служба, 10 августа 2019. Доступ: 21 августа 2021.

¹⁰⁷ См. В. Lebanidze (2020), *Russia, European Union, and the Post-Soviet Democratic Failure*, Springer VS, p. 39.

приводит к принятию оппозиционных взглядов, но «выбивает» из привычной колеи мышления, а появившаяся перед глазами альтернатива в момент очередной слабости режима может стать серьезным «искушением».

Протесты-2020 в Беларуси: опыт мобилизации с долгосрочным эффектом

Согласно V-Dem, индекс продемократической мобилизации в Беларуси в 2020 году составил 3,99 пункта из четырех и стал был не только рекордным в истории страны, но и одним из самых высоких в мире за последние 50 лет – см. таблица 11.

Таблица 11. Топ-15 самых масштабных и продолжительных случаев продемократической мобилизации за 1970–2020 (шкала от 0 до 4)

1. Беларусь (2020)	3,99	3. Того (2017)	3,97
1. Гонконг (2019)	3,99	3. Украина (2014)	3,97
2. Ливан (2019)	3,98	3. Мьянма (1988)	3,97
2. Армения (2018)	3,98	3. Филиппины (1986)	3,97
2. Турция (2013)	3,98	3. Польша (1980)	3,97
2. Бахрейн (2011)	3,98	3. ЮАР (1976-78)	3,97
3. Таиланд (2020)	3,97	3. Португалия (1974)	3,97
3. Боливия (2019)	3,97		

Источник: V-Dem

Продемократическая мобилизация в Беларуси в 2020 году входит в число 15 крупнейших и самых длительных случаев мобилизации среди более чем 100 стран за 50 лет. Даже украинская мобилизация 2014 года и венесуэльская мобилизация 2017 года по некоторым параметрам уступают белорусской. (Демонстрации в Венесуэле на пике были многочисленнее, чем в Беларуси, но набрали в индексе V-Dem чуть меньше баллов, скорее всего, из-за того, что уступали белорусским по продолжительности, частоте и разнообразию).

Характерной чертой белорусской ситуации является то, что здесь в целом низкий уровень проавторитарной мобилизации, что видно из графиков 22 и 23.

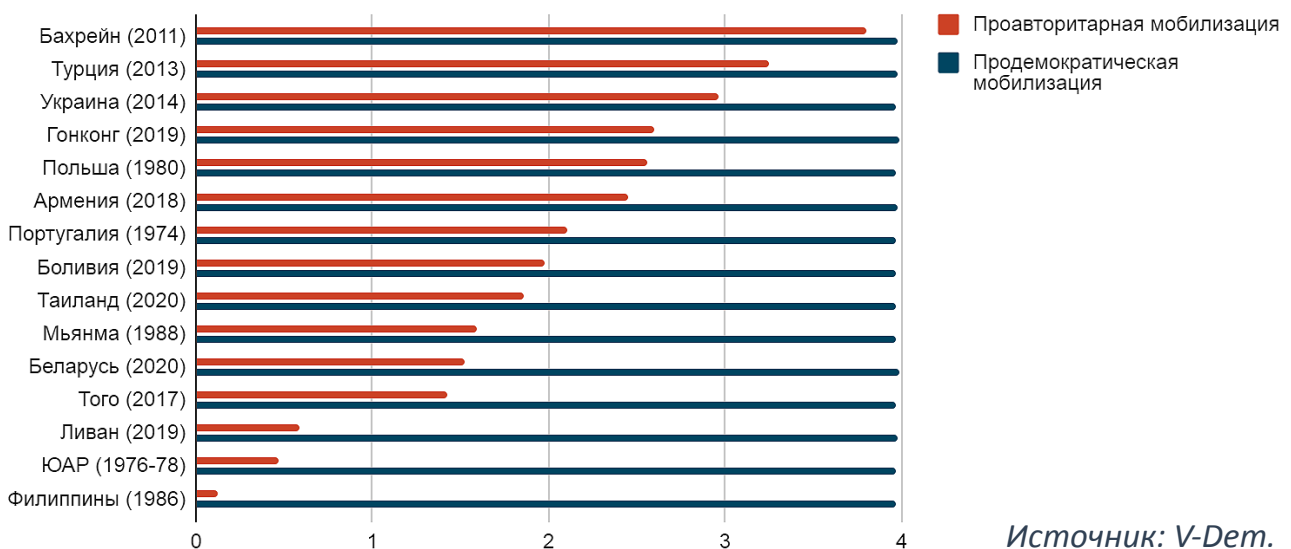
Проавторитарные активисты есть в любом автократии. Но в большинстве автократий они более воинственны и активны чем в Беларуси. Белорусские сторонники авторитаризма в целом пассивны. Их усиление произошло в 2020 году, но все же это не сравнить с проавторитарным усилением в Турции в 2013 году или в Польше в 1980-81 годах. И этот момент будет играть важную роль на следующих этапах. Неповоротливые и заурядные сторонники автократии на фоне энергичных и креативных сторонников перемен – это постоянный фактор ухудшения имиджа режима, как внутри страны, так и на международной арене.

После масштабной продемократической мобилизации лета-осени 2020 года, не без влияния жестоких репрессий, последовало ее падение – это частое и закономерное явление в процессе преодоления автократии. Самая длительная мобилизация была в Южной Африке в 1976-78 годах: высокая степень политической активности длилась более двух лет. Но и она через некоторое время пошла на спад, не достигнув целей.

Одна из самых масштабных мобилизаций произошла в 1980 году в Польше (она была, как и в Беларуси в 2020 году, оценена экспертами V-Dem в 3,99 балла). После введения военного в декабре 1981 года положения произошла «демобилизация» общества – протесты практически прекратились, а движение «Солидарность» было практически парализовано.

Тем не менее, мобилизация 2020 года оставила отпечаток на менталитете белорусов, в том числе (и прежде всего) номенклатуры и силовиков. При очередной слабости режима или появлении нового триггера мобилизация с высокой вероятностью возобновится.

График 22. Проавторитарная мобилизация в ответ на мобилизацию сторонников демократии. 15 топ-случаев демократической мобилизации (шкала от 0 до 4)

Источник: V-Dem.

График 23. Продемократическая vs проавторитарная мобилизация в Беларуси в 1990–2020 годы (шкала от 0 до 4)

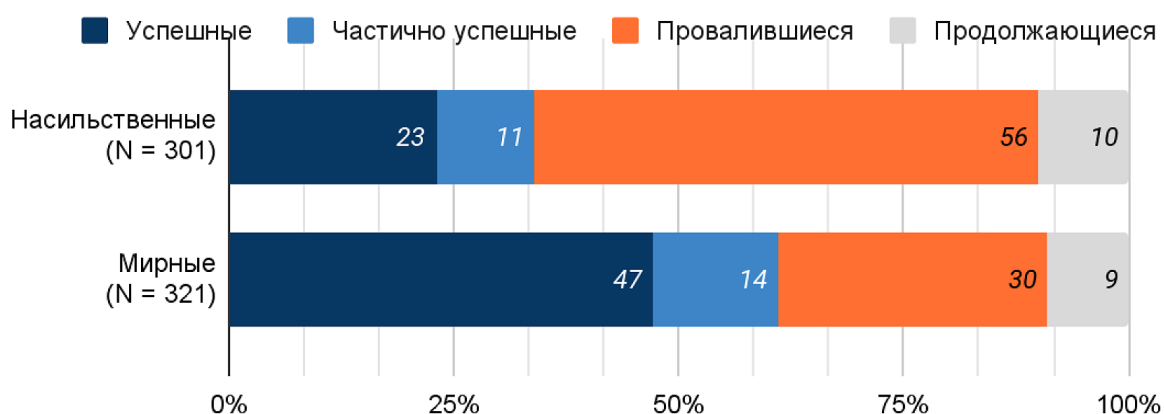

Источник: V-Dem.

Ненасильственная vs насильственная борьба

В 2002 году политолог и бизнесмен Петер Акерман с коллегой основал Международный центр ненасильственных конфликтов (ICNC), цель которого, как он сам сказал в интервью Deutsche Welle, «доказать предпочтительность ненасильственной борьбы»¹⁰⁸. При поддержке ICNC при Гарвардском университете начала создаваться база данных «Ненасильственные и насильственные кампании и результаты» (NAVCO). На момент подготовки этого текста (август 2021) в базе NAVCO имелось уже 622 кейса¹⁰⁹ за период 1900–2019 годы.

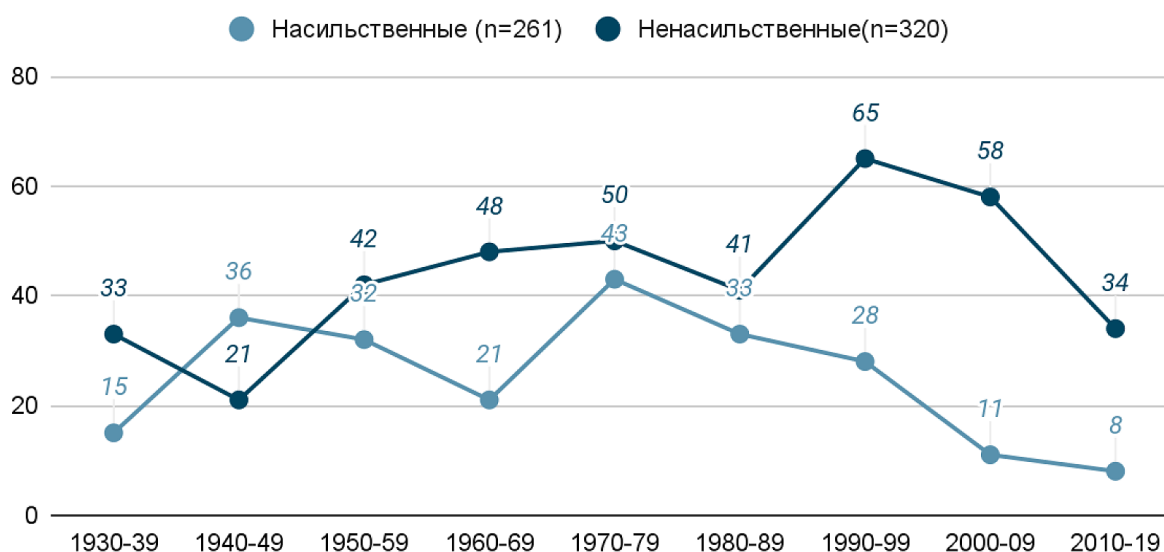
График 24. Эффективность мирных vs насильственных протестных кампаний (1900–2019)

Источник: NAVCO

Исследователи отмечают, что, начиная с нулевых лет, эффективность ненасильственных кампаний падает, хотя эта форма сопротивления по-прежнему остается в целом более эффективной, чем насильственная, см. график 25¹¹⁰.

График 25. Насильственные/ненасильственные кампании: частота успеха (%)

Источник: NAVCO

¹⁰⁸ «Мирные протесты: ужас для тиранов» (интервью с Петером Акерманом), Deutsche Welle. 27 мая 2013. Доступ 20 марта 2021.

¹⁰⁹ См. List of Campaigns in NAVCO 1.3 <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND>

¹¹⁰ E. Chenoweth (2020), 'The Future of Nonviolent Resistance,' *Journal of Democracy*, July, vol. 31/3.

В книге *Why Civil Resistance Works* Ченовет и Степан утверждают, что ненасильственное сопротивление остается эффективным даже тогда, когда власти реагируют на него с помощью жестоких репрессий¹¹¹.

Отвечая на вопрос, почему ненасильственные кампании в целом более эффективны, исследователи указывают на несколько факторов:

Легче вовлечь в сопротивление широкие массы. В среднем, ненасильственные протесты привлекали в свои ряды в четыре раз больше участников (200 тысяч), чем средняя кампания с применением насилия (50 тысяч). Насильственные акции отпугивают тех людей, которые не приемлют кровопролитие по моральным причинам или боятся его. Для участия в мирных протестах меньше физических препятствий. Человеку не обязательно быть физически подготовленным или иметь отменное здоровье, чтобы участвовать, например, в забастовке. Ненасильственные акции протеста, как правило, легче обсуждать открыто, а это значит, что информация об их проведении может достигнуть более широкой аудитории¹¹².

Более высокие издержки репрессий. Ненасильственные акции, как было сказано выше, привлекают намного больше участников, соответственно, для подавления таких акций требуется больше финансовых, человеческих и временных ресурсов. С другой стороны, при подавлении ненасильственных протестов у силовиков гораздо ниже риск фатального исхода, и это в какой-то мере уравнивает количественный фактор затратности. Но остаются релевантными два дополнительных фактора затрат и рисков: репутационные затраты и риск преследования в случае, если режим все-таки будет свергнут. Властям труднее оправдать жестокие репрессии и драконовские меры (например, введение военного положения или чрезвычайного положения) для внутренней и международной аудитории¹¹³.

Легче создавать горизонтальные связи солидарности, что способствует устойчивости перед репрессиями и тактическим инновациям.

Выше вероятность раскола элит: использование насилия против мирных демонстрантов создает раскол между группами, поддерживающими действующую власть, снижает сплоченность элит, а умеренная часть может начать сочувствовать либо открыто перейти на сторону оппозиции. Среди экономических элит растет понимание того, что затяжной конфликт окажется очень затратным для экономики, а это в свою очередь может подтолкнуть их оказать давление на режим, чтобы тот принял примирительную политику по отношению к протестующим¹¹⁴.

Насильственная борьба, напротив, заставляет власти сплотиться¹¹⁵. «Представители режима с меньшей вероятностью будут рассматривать вооруженных протестующих в качестве потенциальных партнеров по переговорам, чем мирных протестующих»¹¹⁶.

¹¹¹ *Why Civil Resistance Works*, p. 51.

¹¹² «Правило 3,5%»...

¹¹³ См. B. Martin (2005), *Justice ignited: The dynamics of backfire*. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, p. 163. E. F. Thomas, W. R. Louis (2013), 'When Will Collective Action Be Effective? Violent and Non-Violent Protests Differentially Influence Perceptions of Legitimacy and Efficacy Among Sympathizers', *Personality and Social Psychology Bulletin*, December.

¹¹⁴ Как утверждает Вуд, накапливающиеся издержки восстаний в Южной Африке и Сальвадоре и сопутствующие им репрессии в конечном итоге убедили экономические элиты заставить режимы вести переговоры, изменив баланс сил внутри режимов между сторонниками компромисса и сторонниками жестких мер (E.J.Wood (2000), *Forging Democracy from Below. Insurgent Transitions in South Africa and El Salvador*, Yale University, p. 6).

¹¹⁵ Chenoweth, 'The Future of Nonviolent', p. 48.

¹¹⁶ *Ibid.*, p. 47.

Исследование Ченовет и Степан, равно как и база NAVCO, в последнее время стали объектом методологической критики. Объектом критики были как критерии различия между «насильственными» и «ненасильственными» кампаниями, так и идентификация «успешных» кампаний, а также причинно-следственная связь между кампанией и наступившими изменениями. Кроме того, критики отмечали, что в базе данных не были учтены некоторые насильственные кампании, которые были успешными, с одной стороны, и некоторые неуспешные ненасильственные, с другой¹¹⁷.

Спор вокруг исследования Ченовет и Степан и базы NAVCO главным образом обусловлен двумя проблемами: (1) существует довольно обширная «серая зона» кейсов, которые сложно беспроблемно классифицировать в рамках дихотомии *насильственные – ненасильственные* кампании; (2) когда единицей классификации являются сложные общественно-политические процессы, риск ошибок довольно высок.

В то же время альтернативные критерии классификации, в частности, те, которые были предложены Андреем Илларионовым¹¹⁸, также являются проблемными. Например, для Илларионова факт перехода армии на сторону протестующих является достаточным основанием, чтобы данное протестное движение классифицировать как «насильственное». Это довольно проблемный критерий.

Изучив базу данных NAVCO и взвесив критические замечания, мы приходим к следующему заключению. Стоит воздержаться от утверждения, что ненасильственный характер протеста в большинстве случаев эффективен в плане свержения автократии. В то же самое время мы поддерживаем тезис, что *преимущественно ненасильственный характер свержения режима повышает вероятность успешного перехода к демократии*. Мы согласны с Ченовет и Степан в том, что насильственные кампании задают набор методов действий, которые институционализируют способы действий и вследствие этого они сохраняются за пределами их непосредственных результатов¹¹⁹. Большинство автократий появилось в результате насильственной смены власти то ли посредством военного переворота (45% из всех автократий), то ли вооруженного восстания (14% из всех автократий)¹²⁰. Военный переворот является одним из наиболее быстрых и эффективных способов свержения режима, но в то же время практически никогда не ведет к демократизации. Вооруженные восстания намного менее эффективны в плане смены режима и также редко ведут к демократии.

Электоральный бойкот

Поскольку выборы или плебисциты предполагают соблюдение определенных правил всеми конкурирующими силами, а в условиях авторитаризма это в принципе невозможно, ничего удивительного, что в таких ситуациях регулярно появляется идея бойкота. Мотивы электорального бойкота в условиях заведомо нечестной избирательной кампании понятны. Но насколько такой бойкот эффективен?

В 2010 году Институт Брукинга опубликовал исследование под названием «Пугай, но участвуй. Почему бойкот выборов – плохая идея»¹²¹. В тексте представлены ре-

¹¹⁷ См. А. Anisin (2020), *Debunking the Myths Behind Nonviolent Civil Resistance*, Critical Sociology, April 29, 2020; А. Илларионов (2020), «Мирно победить авторитарный режим? Каковы шансы у Беларуси и России?» *НВ*, 11 декабря 2020, <https://nv.ua/opinion/rossiya-belarus-kak-stranam-s-zhestkim-rezhimom-smenit-vlast-poslednie-novosti-50129715.html>

¹¹⁸ *Мирно победить...*

¹¹⁹ *Why Civil Resistance Works*.

¹²⁰ Geddes et al., *How dictatorships work*, p. 28.

¹²¹ М. Frankel (2010), 'Threaten but Participate: Why Election Boycotts Are a Bad Idea', *Brookings Policy Paper*, Nr 19, March, https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/02_election_boycotts_frankel.pdf

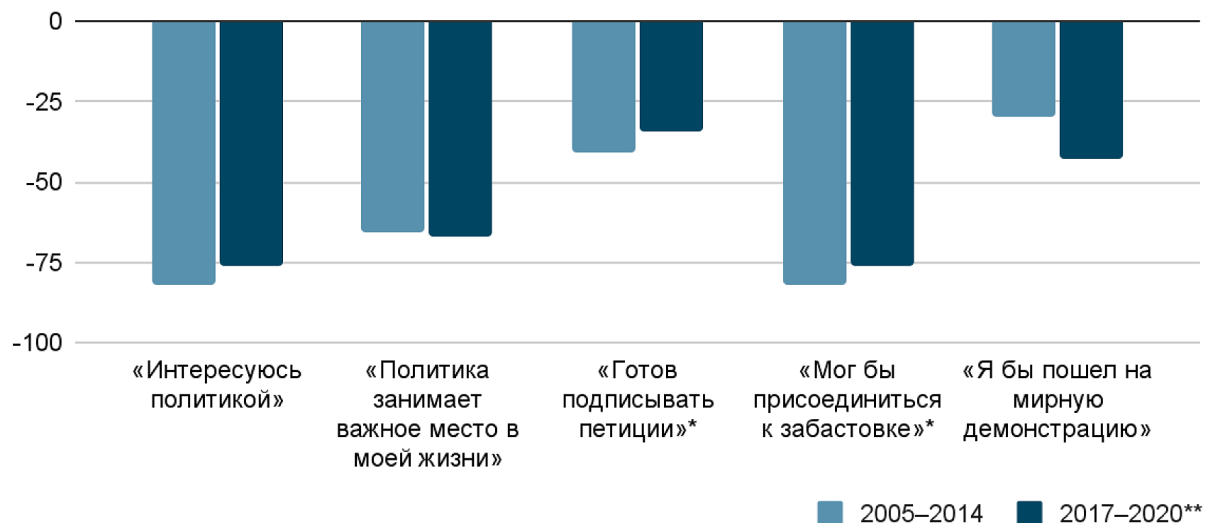

зультаты анализа 171 случая бойкота выборов за период с 1990 по 2009 годы. Анализ показал, что только в 4% случаев бойкот имел положительный результат для бойкотирующих. В остальных 96% случаев последствия для бойкотирующих были отрицательными. Крайне редко бойкот вел к достижению поставленных целей (например, изменение условий избирательной кампании, ослабление правящей группы, решительная реакция международного сообщества). При этом часто имели место такие последствия, как маргинализация бойкотирующих, рост напряженности и разногласий внутри оппозиции, усиление позиций правящей группы или нынешнего лидера.

Беларусь: опыт спонтанного действия

Хотя спрос на демократию в белорусском обществе в течение последних десяти лет был относительно высоким, все же до начала президентской кампании не было признаков готовности к акциям протеста. Во время парламентской кампании 2019 года политики и эксперты констатировали высокий уровень апатии среди населения, в частности, в Минске¹²². 7-ая волна опросов WVS, которые в Беларуси проводились в 2017-2018 годах, обнаружила снижение готовности к участию в мирных демонстрациях по сравнению с ситуацией в начале второй декады или в половине первой декады XXI века. Интерес к политике, готовность подписывать петиции или присоединиться к забастовке либо немного возросли, либо остались примерно на том же уровне – см. график 26.

График 26. Мобилизационный потенциал белорусов до выборов в 2019 и 2020 (коэффициент ответивших позитивно по отношению к ответившим отрицательно)

Источник: WVS, Waves 5, 6 and 7

Тем не менее, на более глубоком ценностном уровне происходили в Беларуси существенные изменения (см. подраздел «Беларусь: ценностный сдвиг в направлении открытого общества»). Эти изменения, будучи сопряжены с некоторыми ситуативными факторами, такими как всплеск пандемии и появление сильной альтернативы в лице Бабарико или Цепкало, привели к спонтанной активизации широких слоев населения.

В поствыборный период проявилось небывалое разнообразие разных форм протеста: воскресные марши оппозиции в Минске и некоторых других городах, субботние

¹²² Выборы-2019: О чем говорят избиратели? BISS Reports, 13 ноября 2019.

марши женщин, шествия пенсионеров, инвалидов, цепи солидарности, коллективные видеообращения, открытые письма. За исключением некоторых эпизодов, акции носили мирный характер.

Социолог Андрей Вардомацкий отмечает следующие моменты как существенные для формирования протестного движения 2020 года:

- масштабное движение помощи медикам в контексте пандемии в марте-апреле 2020 года стало важным опытом самоорганизации, который был позже использован в ходе политических акций протеста;
- ориентация на долгоиграющий протест: “У части общества, настроенной на достижение перемен, есть осознание, что это не произойдет одномоментно, поэтому они не сдаются после разгонов”;
- “Потребность в физическом присутствии лидера на месте событий исчезла. Это породило самоорганизацию и феномен плавающего лидерства. Это же позволяет признавать лидерами тех, кто находится далеко.”
- Психологическая необходимость участвовать в процессе принятия решений у сторонников перемен¹²³.

По мере интенсификации репрессий в ноябре 2020 года уличные акции протеста практически прекратились. Но причины протеста не только не устранены, но и обострились. В протестной среде активно обсуждается вариант перехода к более жесткому сопротивлению. Вышедший 6 мая 2021 года выпуск YouTube-канала «Маланка Медиа» под названием *Андрей Илларионов: Нулевые шансы мирной революции*¹²⁴ в течение десяти дней собрал почти 90 тыс. просмотров и получил более 6 тыс. лайков. Протестное движение по всей видимости находится в поисках новых тактик, и по прежнему это происходит децентрализованно. Децентрализованность в ситуации интенсификации репрессий является вынужденной опцией, но она, как показали события 2020 года, обладает двойным эффектом. С одной стороны, снижает мобилизационный потенциал, с другой стороны, является фактором непредсказуемости для властей: протест может возобновиться в неожиданный момент и неожиданной форме.

Синописис тактических факторов

Таблица 12.1. Тактические факторы влияющие на (а) преодоление автократии; (б) переход к демократии

(НЕГ – влияние негативное; ПОЗ – влияние позитивное; НЕЙТ – влияние нейтральное)

Факторы	...влияющие на:	
	- преодоление автократии	- переход к демократии
Продемократическая мобилизация	ПОЗ	ПОЗ
Ненасильственная борьба с режимом	НЕЙТ v ПОЗ	ПОЗ
Насильственная борьба с режимом	Военный переворот	ПОЗ
	Вооруженное восстание	НЕГ
Бойкот (имитационных) выборов и плебисцитов	НЕГ	НЕЙТ

¹²³ Социсследования показали...

¹²⁴ https://www.youtube.com/watch?v=vii9PWlyj_w

Таблица 12.2. Беларусь: конфигурация тактических факторов
(«+1» – фактор влияет позитивно; «-1» – фактор влияет негативно;
«0» – фактор нейтрален)

В Беларуси:	Значение для	
	- преодоления автократии	- перехода к демократии
Протестная часть общества, как правило, использует электоральные кампании	+1	+1
Протестная часть общества мобилизуется спонтанно; нет постоянных сильных лидеров	0	+1
В 2020 г. в протестных акциях на пике участвовало 5-10% населения, но акции носили преимущественно мирный характер. Низкая вероятность возникновения насильственных акции или военного переворота	+1	+1

Международные факторы

Международная идентичность и социализация чиновников

Описание фактора

В первой части анализировалось значение кооптации элит для самосохранения режима. Здесь рассмотрим один из важных факторов лояльности/нелояльности элит: международную социализацию и геополитическую идентичность элит.

Геополитическая идентичность – это набор культурно-ценностных убеждений, которые лежат в основе приверженности элит тому или иному интеграционному проекту (например, ЕС vs ЕАЭС)¹²⁵. *Международная социализация* – совокупность неформальных связей с элитами других государств и представителями международных организаций. Такие связи завязываются во время прохождения университетского образования в другой стране, стажировки, реализации совместных проектов, а также благодаря разным формам личного общения¹²⁶.

Как отмечает в своем исследовании Бидзина Лебанидзе, геополитическая идентичность и международная социализация элит «имеет прямое значение для силы рычагов, которыми владеют внешние акторы по отношению к целевой стране»¹²⁷. Элиты заинтересованы в сохранении хороших отношений с зарубежными коллегами, особенно если эти отношения развивались на фоне соответствующей геополитической

¹²⁵ См. В. Lebanidze, *Russia, European Union*, p. 36-37.

¹²⁶ См. также: Levitsky, (2010), p. 41.

¹²⁷ В. Lebanidze, *Russia, European Union*, p. 36-37.

идентичности. Этот ценностно-коммуникативный фактор влияет на поведение элит в ситуации политического кризиса. При сильной западной социализации и западной идентичности элиты менее склонны поддерживать репрессии, более высокая вероятность, что они предпочтут переговоры с оппозицией и что в случае слишком жестких репрессий произойдет массовый уход из системы.

Пророссийский бэкграунд белорусских чиновников

Из исследования Бидзины Лебанидзе следует, что в течение 2000–2015 внешнеполитическая идентичность белорусских чиновников отчетливо пророссийской. В отличие от Украины, где имело место чередование: *пророссийская – прозападная – пророссийская – прозападная*, в Беларуси чиновничья элита была пророссийской постоянно – см. таблица 13. Период с 2015 по 2021 год не был охвачен анализом Лебанидзе, но на базе общих трендов в белорусской кадровой политике можно допустить, что в 2016–2019 годах произошел некоторый сдвиг в пользу прозападной идентичности, но с середины 2020 года он уступил место противоположному тренду.

Таблица 13. Внешнеполитическая идентичность чиновников в Беларуси и некоторых постсоветских странах

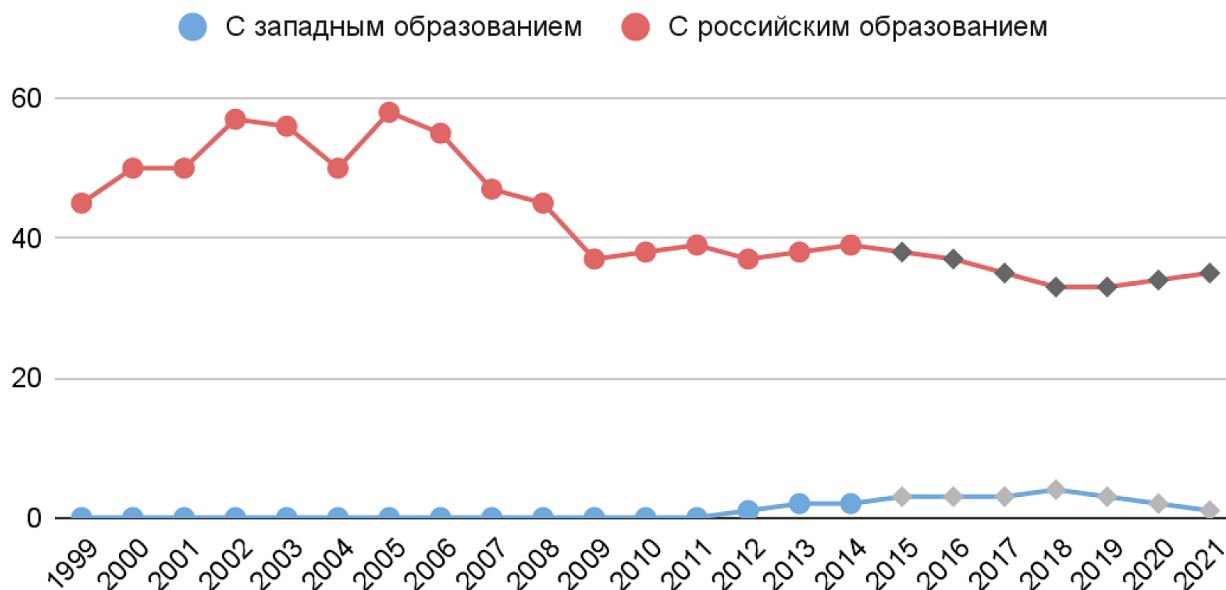
Армения	2000–2015: преимущественно пророссийская
Беларусь	2000–2015: пророссийская
Грузия	2000–2015: прозападная
Украина	2000–2004: двоякая с пророссийской доминантой
	2005–2010: прозападная
	2010–2013: пророссийская доминанта
	2014–2015: прозападная

Источник: Lebanidze, 2020

До 2005 года количество чиновников с российским образовательным бэкграундом варьировалось в районе 45-58%. Потом этот процент пошел на спад, но до 2014 года не опускался ниже 37%. До 2011 чиновников с западным образовательным бэкграундом чиновников было ничтожное количество и лишь в 2012 году их количество выросло до одного, а в 2013 и 2014 – до двух процентов – см. график 27.

Точные расчеты, которые проводил Лебанидзе на базе данных государственных сайтов, заканчиваются 2014 годом. На базе общих трендов в государственной политике мы предлагаем приблизительные оценки пропорций двух интересующих здесь категорий чиновников в 2015–2021 годах. По нашим оценкам, до 2018 года сохранялась медленная тенденция на увеличение числа чиновников с западным бэкграундом, но вряд ли их число превысило 4%. Число чиновников с российским бэкграундом, скорее всего, незначительно снижалось до 2018 года. В 2019–2021 годах происходил, скорее всего, обратный тренд: количество «западных» снижалось, а «российских» – росло или оставалось на том же уровне.

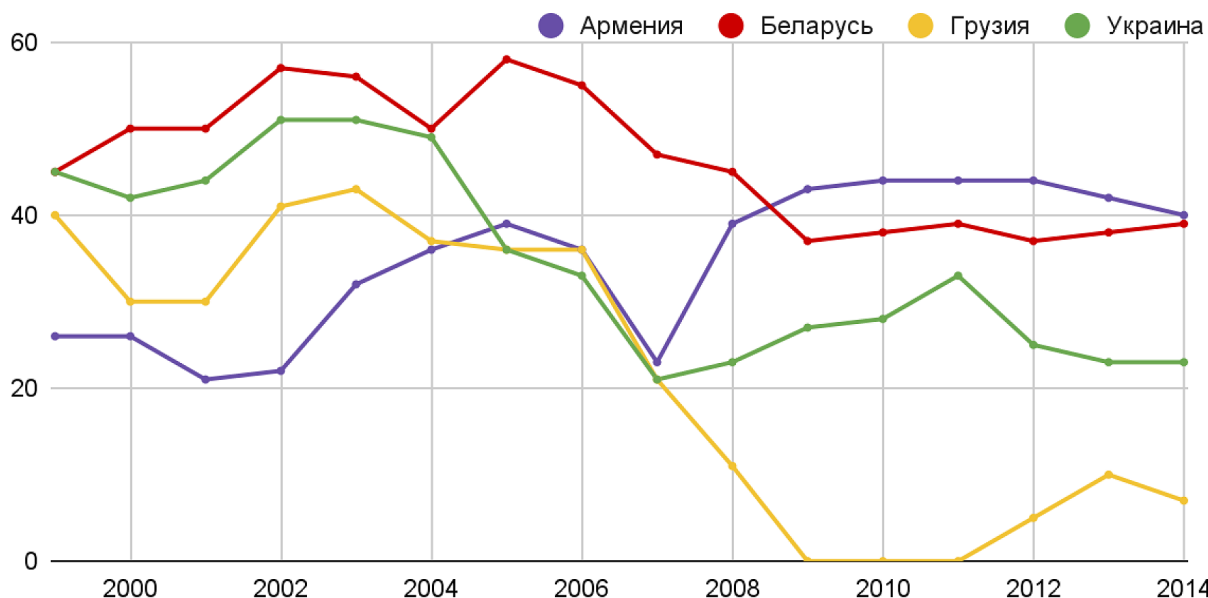
График 27. Соотношение численности белорусских чиновников с западным / российским образованием (%)

Источник: Для 1999-2014: Расчеты Lebanidze (2020)

Степень интегрированности белорусского чиновничества в российскую среду становится особенно заметной, если сравним пропорции чиновников с российским/ западным образованием в Беларуси и в трех других постсоветских странах: Армении, Грузии и Украине – см. график 28 и 29.

График 28. Процент чиновников с российским образованием в четырех постсоветских странах

Источник: Расчеты Lebanidze (2020) на основе данных государственных вебсайтов

Сильная пророссийская ориентация белорусских чиновников является сдерживающим фактором для политических трансформаций. Но не стоит преувеличивать этот фактор: на неформальном уровне внутри российских элит звучат разные оценки режима Лукашенко и обсуждаются разные варианты выходы из политического кризиса.

График 29. Процент чиновников с западным образованием в четырех постсоветских странах

Источник: Расчеты Lebanidze (2020) на основе данных государственных вебсайтов

Глобализация, международные санкции или поддержка

Описание фактора

По утверждению Аджемоглу и Робинсон, одним из факторов демократизации является наличие тесных экономических связей с другими странами, особенно если эти страны являются демократическими. В ситуации, когда такие связи слабые, экономические элиты, которые преуспели благодаря сотрудничеству с авторитарным режимом, имеют веские основания опасаться перехода к демократии: они стать объектом «раскулачивания» как бывшие пособники режима. Но если экономика сильно интегрирована во всемирную, риски для «прорежимных» экономических элит ниже, так как в такой ситуации легко перевести капитал в другую страну¹²⁸.

Санкции, персональные или экономические, – это искусственная мера, цель которой – повлиять на систему стимулов некоторых субъектов: сделать так, чтобы для некоторых субъектов затраты от некоторых действий (например, причастность к репрессиям) стали выше. В условиях более-менее устойчивого социального контракта в авторитарной стране международные санкции мало эффективны: режим легко может подвергнуть соответствующей пропагандистской обработке и укрепить свою легитимность как защитника страны от внешних врагов. В условиях кризиса легитимности, особенно если он сопряжен с проблемами в экономике, риски для режима от санкций гораздо выше.

Тем не менее, влияние санкций на демократизацию в целом в весьма относительное. Исследование Гари Хафбауэра et al. показало, что из 80 случаев введения международных санкций с целью смены режима и демократизации лишь в 25 случаях цель

¹²⁸ Cf. M.S.Manger, M.A. Pickup (2016), 'The Coevolution of Trade Agreement Networks and Democracy', *Journal of Conflict Resolution*, p. 60.

была достигнута¹²⁹. Успех/провал международных санкций зависит от ряда внутренних предпосылок: степени информационного влияния автократов на собственное население, сплоченности элит, наличия собственных натуральных ресурсов.

Важно заметить, что санкции влияют не только на тех, против кого они были введены, но также на тех, против кого не были введены. Причем вот этот второй тип влияния имеет зачастую большее значение. Компании или физические лица, против которых уже сейчас введены санкции, имеют перед собой неопределенную ситуацию: они знают, куда в ближайшие годы не смогут поехать и на кого не надо надеяться в плане инвестиций или сотрудничества и в соответствии с этим перестраивают бизнес-стратегию или индивидуальные планы. Это может быть досадная ситуация, но она определенная. В отношении тех, кого пока что не зацепили санкции, это мощный стимул пересмотра своих приоритетов. Эти субъекты вынуждены серьезно пересмотреть свои выгоды и затраты от поддержки режима.

Отсроченный эффект послевыборных санкций

В ответ на электоральные фальсификации и систематическое насилие в отношении протестующих несколько десятков стран ввели санкции против белорусских властей или поддержали их введение в рамках коллегиального решения на уровне Евросоюза. На момент выпуска этого исследования ЕС ввел четыре пакета санкций, а 2 сентября 2021 года брюссельский журналист Рикард Ёзвяк в своем твиттере поинформировал, что началась работа над пятым пакетом. Вначале это были символические персональные санкции, но начиная с третьего пакета, они становились жестче и были направлены на подрыв финансовой стабильности Лукашенко и его окружения. С 3 июня 2021 года были разморожены введенные в 2006 году и затем, с 2015 года замороженные санкции со стороны США против девяти белорусских предприятий, в том числе концерна «Белнефтехим», «Гродно Азот» и «Нафтана». 9 августа 2021 года США дополнительно ввели санкции против двух крупных госпредприятий – «Беларуськалия» и Гродненской табачной фабрики «Неман»¹³⁰.

В ответ на принудительную посадку в Минске авиалайнера компании Ryanair ЕС в июне 2021 года ввел довольно чувствительные для белорусского режима секторальные санкции. В частности, введены ограничения на торговлю нефтепродуктами, калийными удобрениями и сырьем для табачной промышленности, финансовые ограничения, включая закрытие доступа к европейским рынкам капитала, запрет на страхование белорусского правительства и госорганов¹³¹.

Текущую оценку воздействия санкций затрудняет прекращение обновления информации Белстатом о состоянии экспорта калийной и нефтеперерабатывающей отрасли, на которые в первую очередь направлены санкции¹³². Но эксперты сходятся в том, что в среднесрочной перспективе санкции станут беспрецедентно сильным испытанием для режима. Исследовательская компания *Incotein* оценивает вероятные потери ВВП в районе 7-14%¹³³. Научный сотрудник BEROC Дмитрий Крук считает что в краткосрочной перспективе (от полугода до года) урон для ВВП составит 6-8%, в более длительной – 10-13%. Фактическое воздействие санкций на экономику зависит в том числе

¹²⁹ G. C. Hufbauer, J. J. Schott, K. A. Elliott, and B. Oegg (2007), *Economic Sanctions Reconsidered*, 3rd edition, Columbia University Press, p. 127. К похожему выводу приходят также Geddes et al., *How Dictatorship Work*, p. 59.

¹³⁰ <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jv0315>

¹³¹ <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/06/24/eu-imposes-sanctions-on-belarusian-economy/>

¹³² Санкции ЕС могут не затронуть нефтепродукты, калий и табачную продукцию до конца года. Вот почему, Информационный портал «Tut.by», 25 июня 2021.

¹³³ «Готовьте подушку безопасности». Запад расширяет санкции против Беларуси – каких потрясений ждать Про бизнес, 17 августа 2021. Доступ: 20 августа 2021.

и от дальнейших действий властей: смогут ли они найти новые рынки сбыта, оказать финансовую помощь предприятиям, наконец, будут ли освобождены политзаключенные и предприняты иные шаги к диалогу¹³⁴.

Санкции ставят под угрозу не только финансовую стабильность правящей группы, но и усугубляют проблемы с социальным контрактом. Это касается доходов и занятости населения, а также валютного курса. Воздействие санкций почувствуют прежде всего предприятия и сектора экономики, напрямую попавшие в черные списки. Снижение поступлений налоговых доходов в бюджет повлияет на доходы работников бюджетных организаций. Некоторые иностранные организации могут перестраховываться и избегать в принципе сотрудничества с белорусскими предприятиями, чтобы не попасть под санкционное давление и не допустить репутационных потерь¹³⁵. В ситуации глубокого кризиса процедурной легитимации и падения доверия к государственным СМИ белорусскому режиму сложно будет убедить население, что в ухудшении ситуации виноваты исключительно внешние силы и «пятая колонна». С другой стороны, финансовая и дипломатическая поддержка со стороны России может смягчить санкционный удар.

Международные санкции будут иметь, скорее всего, отсроченный эффект: по мере того, как политический кризис будет переходить в экономическую плоскость, вопрос о цене конфликта с Западом будет вставать все чаще и чаще внутри белорусских элит. Иначе говоря, санкции не приведут к коллапсу режима, но сильно повлияют на «рентабельность» политического статус кво. Экономические элиты, а вместе с ними силовики и само окружение Лукашенко, будут вынуждены искать менее затратные способы сохранения системы, вплоть до ее реформирования.

Синопсис международных факторов

Таблица 14.1. Международные факторы влияющие на (а) преодоление автократии; (б) переход к демократии

(НЕГ – влияние негативное; ПОЗ – влияние позитивное; НЕЙТ – влияние нейтральное)

Факторы		...влияющие на:	
		- преодоление автократии	- переход к демократии
Изменения в структуре мировой гегемонии	В пользу демократических супердержав	ПОЗ	ПОЗ
	В пользу авторитарных супердержав	ПОЗ	НЕГ
Народное свержение автократий в других странах региона (эффект вирусности)		ПОЗ	ПОЗ
Включенность национальной экономики в глобальную		ПОЗ	ПОЗ
Геополитическая идентичность и международная социализация чиновников	Западная	ПОЗ	ПОЗ
	Российская	НЕГ v НЕЙТ v ПОЗ*	НЕГ
Международные санкции против авторитарной власти		НЕЙТ v ПОЗ	НЕЙТ

* Зависит от поведения России: в некоторых случаях Россия поддерживала свержение неудобного автократа (напр. Бакиева в Кыргызстане) или занимала нейтральную позицию (напр. свержение Саргсяна в Армении)

¹³⁴ Потери белорусской экономики из-за введенных западных санкций могут составить до 7% ВВП, Исследовательская компания InComIn, 23 июня 2021.

Доступ: 20 августа 2021.

¹³⁵ Там же.

Таблица 14.2. Беларусь: конфигурация международных факторов
(«+1» – фактор влияет позитивно; «-1» – фактор влияет негативно;
«0» – фактор нейтрален)

В Беларуси:	Значение для	
	- преодоления автократии	- перехода к демократии
В структуре международной гегемонии нет заметных изменений, но происходит медленное падение глобального индекса демократии	-1	1
Отсутствуют «вирусные» демократизационные процессы в регионе	0	0
Пророссийская геополитическая идентичность и социализация белорусских чиновников	-1	-1
Западные страны ввели персональные и экономические санкции против белорусского режима	+1	?

Два вероятных сценария поведения России по отношению к Беларуси

В ответ на протесты в Беларуси Кремль до сих пор придерживался тактики временной поддержки режима Лукашенко в сочетании с продвижением конституционной реформы в течение года или двух. При этом он по всей видимости рассчитывает на появление мощной пророссийской политической силы в Беларуси, которая либо будет осуществлять власть в новом авторитарном формате, либо, по крайней мере, будет конкурировать с другими в рамках полудемократического формата.

Сценарий А:

[протесты утихают] ⇨ [проведена конституционная реформа] и [появляется пророссийская политическая сила] ⇨ [пророссийская сила становится самой мощной] ⇨ [пророссийская сила устанавливает собственное авторитарное правление, либо изменяя конституцию, либо используя конституционные лазейки]

Сценарий Б:

[протесты утихают] ⇨ [проведена конституционная реформа] и [появляется пророссийская политическая сила] ⇨ [пророссийская сила становится одной из основных политических сил] ⇨ [пророссийская сила конкурирует с другими в полудемократических рамках]

Первый сценарий для Кремля более предпочтителен, но вопрос в том, насколько далеко он готов пойти ради осуществления более предпочтительного сценария? При

каких обстоятельствах Кремль готов задействовать чрезвычайные меры: гибридная война, разжигание сепаратистских тенденций, попытки аннексии и т.д.?

На политику Кремля в отношении Беларуси влияют и будут влиять, скорее всего, следующие факторы¹³⁶:

- (1) Белорусы устали от режима Лукашенко.
- (2) В Беларуси на данный момент доминируют евроскептические и русофильские настроения.
- (3) В белорусском обществе довольно сильный консенсус касательно независимости страны (хотя национальная идентичность остается проблемной).
- (4) Идея аннексии Беларуси очень непопулярна в российском обществе.
- (5) Россия уже сейчас подвержена распаду из-за (временно замороженных) сепаратистских тенденций.
- (6) Беларусь входит в пятерку важнейших торговых партнеров России как по импорту, так и по экспорту¹³⁷.

Вполне вероятно, что у Кремля есть сильный соблазн попытаться установить в Беларуси более предсказуемый пророссийский авторитарный режим вместо режима Лукашенко. Фактор (2), на первый взгляд, явится как положительный для такого сценария. Однако многое зависит от того, как трактуют кремлевские стратеги фактор (1). Они могут предположить, что антиавторитарный бунт – это всего лишь эфемерный каприз, побочный продукт экономической стагнации, реакции режима на CoViD19 и усталости от правления Лукашенко на протяжении четверти века. Свежая фигура, какой бы авторитарной она ни была, может найти признание у большинства белорусов.

Такой образ мышления, вероятно, будет определять политику Кремля в ближайшем будущем. При этом кремлевские стратеги будут, скорее всего, учитывать риск снижения пророссийских и увеличения прозападных настроений в случае слишком агрессивного продвижения авторитарных опций. В ситуации дилеммы Д:

Д) ИЛИ продвигать авторитарные опции и поставить под угрозу пророссийскость белорусов, ИЛИ частично поддержать демократизацию и снизить риск роста антироссийских настроений.

рациональным будет сделать ставку на ситуацию, описанную во второй части дилеммы.

Факторы (3), (4), (5) и (6) дополнительно подталкивают к такому варианту (вторая часть Д). Кроме того, все они снижают риск «чрезвычайных сценариев» (гибридная война, разжигание сепаратистских тенденций и т.д.). Такие сценарии не отбрасываются целиком, но являются для Кремля крайней мерой, которая может быть применена, если Беларусь попытается на 180 градусов поменять интеграционную политику (например, заявит о присоединении к ЕС и НАТО) и/или будет проводить жесткую националистическую политику и/или отправит войска на Донбасс для борьбы на стороне Украины. Учитывая нынешние настроения в белорусском обществе и вероятную конфигурацию политических сил в Беларуси после отставки Лукашенко, существуют слабые предпосылки для «чрезвычайных сценариев».

¹³⁶ Факторы подробно проанализированы в статье «Make love, not war. Will Belarusians' russophilism protect them from the Kremlin's aggression?» Varta. Belarus Security Magazine, 2020. Электронная версия доступна на сайте BISS: <https://belinstitute.com/en/article/make-love-not-war>

¹³⁷ Источник: Federal customs service, <https://eng.customs.gov.ru/>

Приведенный выше анализ в значительной степени основывался на предположении о рациональности кремлевских политиков. Как и в экономике, мы делаем поправку на то, что решения принимаются в условиях ограниченной рациональности. Вполне возможно, что «эвристика доступности» повлияет на оценку значимости фактора (1). Кремлевские стратеги вряд ли будут детально анализировать трансформации ценностей в Беларуси; скорее, они будут полагаться на более поверхностные явления, такие как динамика массовых протестов.

Какой бы «ограниченной» ни была рациональность российских политических элит, маловероятно, что они недооценят большинство факторов, перечисленных в пунктах (1)—(6). Следовательно, риск «чрезвычайных сценариев» невысок.

Лотерейные факторы

Шоки и кризисы

Шоки и кризисы, как, например, эпидемия, экономическая депрессия, финансовый кризис, война, плохой урожай всегда являются испытанием для существующего строя, как демократического, так и авторитарного. Автократы могут использовать кризисы как претекст для ужесточения контроля над обществом, но в то же самое время им приходится сталкиваться с рядом управленческих вызовов. Кризисы и шоки, как правило, требуют креативного мышления и новаторских подходов. Привычная для автократий модель: *“Делай что говорят, а думать – задача начальства”* в кризисных условиях не работает. Таким образом, кризисы и шоки зачастую обнажают управленческие слабости режима, а это в свою очередь бьет по его репутации, ведет к разочарованию среди лоялистов и увеличивает шансы сторонников перемен на успех.

С точки зрения демократизации роль шоков и кризисов амбивалентна. Потрясения редко заканчиваются в момент свержения автократии, но даже если заканчиваются, то их последствия еще долго ощутимы. Это может препятствовать консолидации демократии и создавать постоянный риск того, что демократическое правительство либо будет свергнуто, либо трансформируется в новую форму автократии¹³⁸.

Смерть автократа

С древних времен смерть «тирана» – натуральная или насильственная – воспринималась как самый удобный и быстрый способ свержения его правления. Но, как показывают эмпирические исследования, кончина авторитарного правителя редко становилась кончиной его системы. Андреа Кендалл-Тэйлор и Эрика Франц установили, что на протяжении 1946—2012 правление 79 автократов было прервано смертью. Но в абсолютном большинстве случаев – 92% – авторитарная система выживала¹³⁹. К примеру, ни смерть Сталина (1953 г.), ни Мао Цзэдуна (1976 г.), ни Ким Ир Сена (1994 г.) не привели к коллапсу созданных ими систем, разве что к небольшим модификациям.

¹³⁸ См. Acemoglu and Robinson, p. 32

¹³⁹ A. Kendall-Taylor and E. Frantz (2016), ‘When Dictators Die’, *Journal of Democracy*, Volume 27, Number 4, October.

Последнее десятилетие (которые уже не было охвачено исследованием) принесло новые примеры «жизни автократии после смерти автократа». В 2013 году умер авторитарный правитель Венесуэлы Уго Чавес, но созданная им система управления осталась. В 2016 году умер автократ Узбекистана Ислам Каримов, но режим, опять же, не претерпел особых изменений.

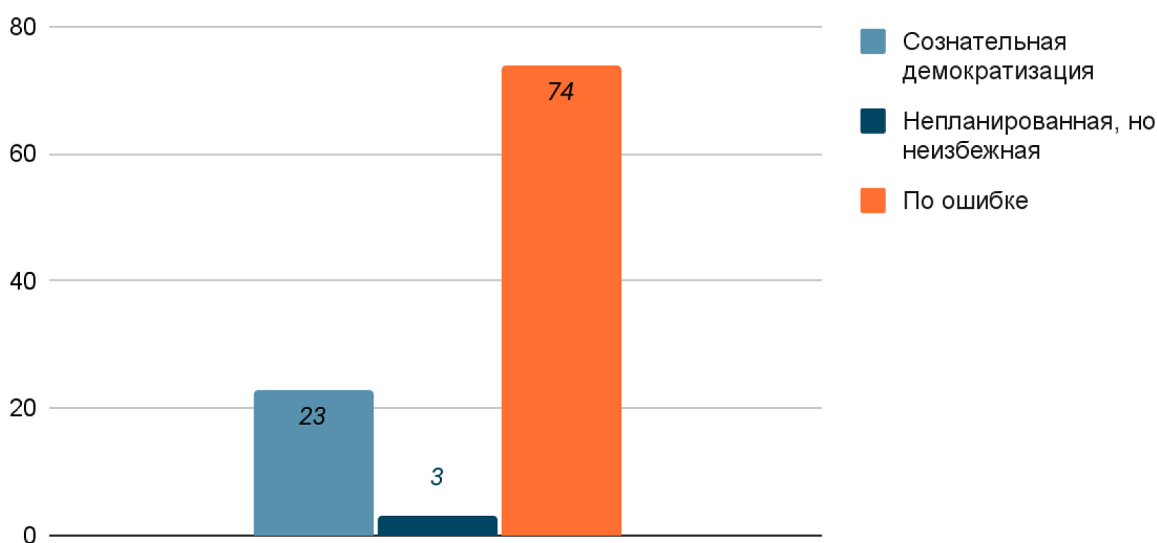
Таким образом, нет оснований считать смерть автократа позитивным фактором смены режима или демократизации. Наоборот, есть основания полагать, что такой исход сдерживает – по крайней мере в краткосрочной перспективе – смену режима. Дело в том, что режимная пропаганда в таких ситуациях активно эксплуатирует присущий всем культурам императив уважения к памяти умершего. Власти устраивают пышные похороны, объявляют многодневный траур, создают атмосферу скорби и почитания, и на этом фоне оппозиции сложно организовывать массовые акции протеста. Это позволяет правящей группе выиграть время, чтобы перезапустить механизмы удержания власти. Преимущество с «курсом великого предшественника» становится фактором легитимации.

В то же время нет оснований полагать, что, если смена власти все же произойдет, то факт недавней смерти автократа будет негативно влиять на процесс демократизации. В плане демократизации смерть автократа мы считаем нейтральным фактором.

Ошибки автократа и ситуативные триггеры

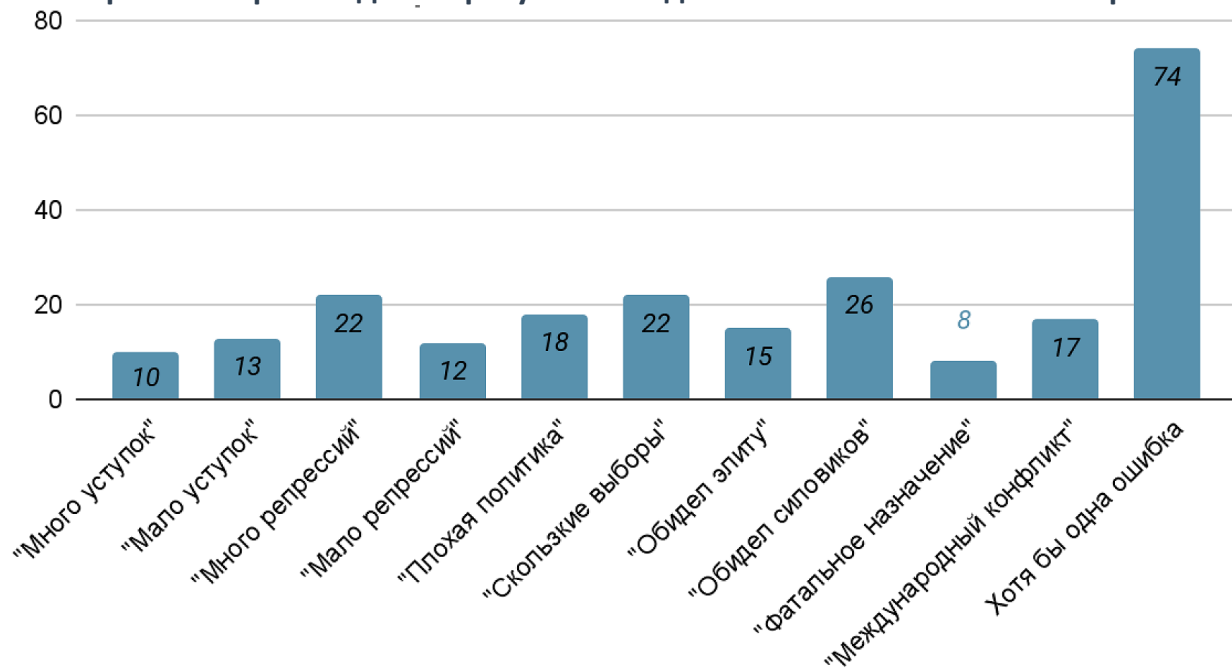
Многие изменения в социополитической жизни происходят в результате появления ситуативных триггеров и просчетов автократов. Примером ситуативного триггера является самосожжение в Тунисе молодого уличного купца Мохаммеда Буазизи, которое произошло 17 декабря 2010 года и вызвала каскад событий, которые в итоге привели к свержению авторитарного режима Бен Али, а это в свою очередь создало возможность перехода к демократии.

График 30. Соотношение демократизации: сознательной, unplanned и «по ошибке» (%)

Источник: Treisman, 2020

График 31. % случаев, когда демократизация “вероятно” или “очень вероятно” происходила в результате отдельных типов ошибок автократа

Источник: Treisman, 2020. Обработка: BISS

Более подробно остановимся на «ошибках» автократов как факторе демократизации. Этот момент был хорошо изучен американским политологом Дэниелом Тризмано¹⁴⁰. На основании 316 кейсов, охватывающих период с 1832 по 2015 лет, ученый пришел к выводу, что большинство демократических преобразований произошло именно как «побочный продукт» попыток правителя или правящей группы избежать этих преобразований и сохранить статус кво.

«Ошибки» Тризмана сгруппировал в три категории:

1. *Совершаемые в отношении внутренних аутсайдеров.* Речь идет о просчетах в контроле над оппозицией и гражданским обществом, несвоевременном разоблачении очагов протеста и их обезвреживании. Наиболее частыми ошибками из этой категории являются: чрезмерные или нецелесообразные уступки; отсутствие уступок в ситуациях, когда следовало пойти на них; чрезмерные или нецелесообразные репрессии; отсутствие репрессий, которые бы могли ослабить оппозицию и предотвратить демократическую мобилизацию; провальная отраслевая политика, которая приводит к отчуждению ключевых для режима групп; просчеты в организации и проведении электоральных мероприятий или референдумов.

2. *Совершаемые в отношении режимных инсайдеров.* Речь идет о просчетах в подборе кадров, неудачном распределении полномочий и заданий внутри правящей элиты. Вот частые ошибки из этой категории: делегирование важных полномочий человеку, который либо симпатизирует демократизации, либо является слишком слабым, чтобы отстоять статус кво; отчуждение армии или службы безопасности (или их части); отчуждение части лояльных гражданских элит.

3. *Совершаемые в отношении международных акторов.* Речь идет о разного рода авантюризме на международном уровне, который провоцирует интервенцию или изоляцию режима.

¹⁴⁰ D. Treisman (2020), 'Democracy by mistake: How the errors of autocrats trigger transitions to freer government,' *American Political Science Review*, March.

Тризмэн такжэ класіфіцаваў ашыбкі і ўстанавіў прыблізныя суадношэнні паміж частотай совершаемых разнаго рода ашыбок. Рэзультаты прадставлены ў графіке 31.

Пояснения к графіку 31:

«Много уступок»: чрезмерные или плохо нацеленные уступки, которые усиливают оппозицию и запускают эффект домино. Примером является политика Михаила Горбачева во второй половине 80-ых лет прошлого века, который хотел создать «социализм с человеческим лицом» и адаптировать Коммунистическую партию к новым реалиям. Установка на «гласность» и «демократию» запустили каскад уступок, которые в итоге привели к падению коммунистического режима.

«Мало уступок»: неспособность пойти на такие уступки, благодаря которым автократ смог бы расколоть и демобилизовать оппозицию или приобрести новых союзников. Примером является позиция президента Мали Муссы Траоре в 1990-1991 годах, который в ответ на недовольство населения занял бескомпромиссную позицию и отказывался пойти хотя бы на косметические реформы. Это привело к еще более сильным протестам и закончилось отстранением Траоре от власти военными.

«Много репрессий»: чрезмерные или плохо нацеленные репрессии, которые в итоге усиливают протестное движение, «контрпродуктивное насилие». Хорошей иллюстрацией является Бангладеш в 1990 году, когда власти, пытаясь brutally подавить протесты, застрелили несколько студентов и одного профессора. Это вызвало еще более массовые демонстрации по всей стране и привело к делегитимации режима. В итоге президент-автократ Хуссейн Эршад ушел в отставку (и был впоследствии арестован). Похожий эффект имело применение репрессий против протестующих в Украине в начале 2014 года: принятый в январе пакет законов существенно ограничивающих свободу слова и свободу собраний вызвал еще более массовые протесты, а расстрел демонстрантов 18-20 февраля усугубил раскол внутри правящей группы, в результате чего президент Виктор Янукович сбежал из страны, а власть перешла к сторонникам «Евромайдана».

«Мало репрессий»: упущения в плане своевременного разоблачения заговоров или предотвращения протестных акций на этапе их немногочисленности, когда протестующих легко изолировать от остальной части общества и не допустить метастазы на другие сегменты общества.

«Плохая политика»: серьезные провалы во внутренней политике, которые дискредитируют верховную власть и отчуждают ключевые группы. Больше всего подвергают риску плохой экономической менеджмент и повсеместная коррупция. Роскошь правителя и его окружения на фоне ухудшения экономического положения в стране является, как правило, сильным фактором недовольства населения и в любой момент может привести к массовым протестам.

«Скользкие выборы»: просчеты в организации и проведении выборов или плебисцитов, например, неэффективная агитация, упущения в плане манипуляции результатами, слишком явная фальсификация. Классическим примером электорального просчета является плебисцит в Чили в 1988 году, в котором граждане должны были выразить согласие или несогласие на продление президентских полномочий автократа Аугусто Пиночета. Будучи уверенным в своей победе, президент не препятствовал

свободной агитации оппозиции; не было также значительных фальсификаций результатов голосования. В итоге Пиночет проиграл плебисцит (56% проголосовало против). Но электоральные манипуляции и фальсификации тоже рискованны. В 1986 году Фердинанд Маркос, понимая, что на фоне экономических проблем и недовольства репрессиями теряет популярность, активно использовал подкуп голосов, запугивание, лишение избирательных прав и прямые фальсификации. Это спровоцировало беспрецедентно массовые протесты, раскол элиты и отстранение автократа от власти.

«Обидел элиту»: отчуждение ранее лояльных гражданских элит или допущение/провоцирование слишком больших разногласий между инсайдерами режима. Историческим примером может послужить конфликт Хуана Перона (аргентинский автократа в 1946-1955 годы) с католическим епископатом, который ранее сохранял лояльность к режиму.

«Обидел силовиков»: отчуждение армии или служб безопасности (или их части), ведущее к подрыву репрессивного потенциала режима. Показательным в этом плане является кейс Туниса, где в начале 2011 года был свергнут авторитарный режим Бен Али. Как отмечает в своем исследовании Риза Брукс, «Бен Али стремился держать военных на расстоянии от режима, ограничивая их влияние и инвестируя в полицию и службы безопасности, как опорные для режима силовые структуры. (...) Это привело к тому, что у военных лидеров не было особого интереса в сохранении Бен Али у власти в январе 2011 года»¹⁴¹. То, что военные отказались применять силу против протестующих, сыграло ключевую роль в свержении тунисского автократа.

«Фатальное назначение»: делегирование ключевых полномочий человеку, который в глубине души симпатизирует демократизации или который оказывается слишком слабым, чтобы предотвратить демократические реформы. В этом плане, опять же, иллюстрацией может служить Михаил Горбачев, которого в 1985 году советское Политбюро избрало генеральным секретарем ЦК КПСС. Горбачев оказался симпатизантом демократических реформ, которые постепенно привели к радикальному государственно-политическому преобразованию.

«Международный конфликт»: крупный провал во внешней политике, который провоцирует иностранное вмешательство или ведет к серьезной дискредитации и международной изоляции режима. В качестве примера можно привести фолклендскую войну, которую затеял аргентинский автократа Леопольдо Гальтери в 1982 году. Поражение в этой войне сильно подорвало репутацию Гальтери в обществе и внутри элиты, особенно военной, в результате чего он потерял власть.

Стоит здесь отметить, что констатация *ошибки* предполагает, что негативных последствий данного действия можно было избежать, если бы субъект избрал иной способ поведения. Это значит, что такие констатации всегда зиждутся на контрфактическом утверждении типа: «Если бы субъект поступил так-и-так, то результат был бы иным». Контрфактические утверждения, как правило, невозможно проверить эмпирическим путем, хотя можно тестировать с помощью мысленных экспериментов. Поэтому во многих случаях сложно однозначно сказать, была ли это «ошибка» или просто разновидность ситуации, когда совершается действие оптимальное с точки зрения вероятности успеха, но оно все же не увенчивается успехом.

¹⁴¹ R. Brooks (2013), 'Abandoned at the Palace: Why the Tunisian Military Defected from the Ben Ali Regime in January 2011', *Journal of Strategic Studies*, 36/2, p. 207-208.

Этой методологической проблемы можно избежать, если переформулировать выводы Тризмана следующим образом: во многих случаях *демократизация происходила ввиду натуральных когнитивных ограничений автократов*. Никогда невозможно на 100% предвидеть последствия тех или иных действий, будь то жесткие или мягкие репрессии, политика уступок или бескомпромиссности, политика дистанцирования армии или наделения ее привилегиями. Любое действие и любая тактика несет в себе риск провала.

В этом и заключается «лотерейный фактор» процесса демократизации: не уменьшая важности планирования и разработки стратегии, стоит помнить, что успех всегда частично зависит от стечения обстоятельств, которое может быть благоприятным или неблагоприятным. Все искусство заключается не в том, чтобы разработать безукоризненный, doskonaльный «план», а в том, чтобы вовремя заметить и использовать благоприятные случайности.

Черные лебеди белорусского режима

Беспрецедентно масштабная политическая мобилизация белорусского общества в 2020 году случилась в значительной мере из-за череды «черных лебедей» (непредвиденных стечений обстоятельств), с которыми столкнулся белорусский режим. Две «черные лебеди» появились в виде стихийных шоков: одного глобального – пандемия CoViD19, и одного локального – отравленная вода в нескольких микрорайонах Минска в июне. На эти нетипичные вызовы власти реагировали по привычному шаблону: попытка скрыть информацию, умаление серьезности проблемы, высмеивание низовых инициатив направленных на решение проблем, пренебрежительные высказывания о тех, кто потерпели от CoViD19 или отравленной воды. Все это происходило на фоне экономической стагнации (начавшейся задолго до пандемии) и ценностных трансформаций в белорусском обществе.

Очередным «черным лебедем» стало решение председателя Белгазпромбанка Виктора Бабарико и бывшего главы Парка высоких технологий Валерия Цепкало об участии в предвыборной гонке. У обоих был большой опыт работы в государственной и деловой среде; оба с широкой сетью международных контактов, в первую очередь с россиянами (невралгическая точка для режима); оба воспринимались высшими должностными лицами как предвестники нового качества управления, которое давно было востребовано в государственной системе; оба достаточно богаты, чтобы финансировать свою кампанию самостоятельно, без каких-либо иностранных грантов.

Власть была готова к тому, что тяжеловесы старой оппозиции, как, например, Павел Северинец или Николай Статкевич, или звезда новой оппозиции Сергей Тихановский захотят бросить вызов действующему президенту. Эти политики были чуждыми номенклатуре и большей части бизнес-сообщества, поэтому их можно было запереть в следственных изоляторах без большого риска для устойчивости системы. Другое дело – Бабарико или Цепкало. После их появления на сцене Лукашенко пришлось быстро адаптировать сценарий, со всеми рисками и побочными эффектами, которые обычно возникают в таких случаях: неубедительные аргументы, появление новых противников режима внутри правительства (в том числе силовиков) и обострение в обществе чувства несправедливости со стороны государства.

Еще один «черный лебедь» появился тогда, когда 15 июля, сразу после регистрации кандидатов в президенты, три штаба – Виктора Бабарико, Валерия Цепкало и Светланы Тихановской – объединились и сформулировали простую и понятную мнни-программу: честные выборы и возвращение Беларуси на путь демократии. На первый план вышли три женщины: Мария Колесникова, представитель штаба Бабарико, Вероника Цепкало, жена Валерия Цепкало и сама Светлана Тихановская как центральная фигура.

То ли из-за гендерных стереотипов, или из-за привязанности к привычным схемам, режим не воспринял объединение «женских» штабов серьезно. Для политтехнологов Лукашенко женское «трио» должно было стать удобным объектом юмористических и иронических комментариев, с помощью которых можно было бы отвлечь внимание от ряда невралгических тем и разрядить накаленную предвыборную атмосферу.

На самой же деле объединенный женский штаб не только объединил протестный электорат, но и мобилизовал многих ранее аполитичных граждан. Тысячи человек на митингах в регионах и несколько десятков тысяч в столице – это беспрецедентный успех; ни одной оппозиционной силе не удалось собрать столько протестующих за последние 20 лет.

Властям снова пришлось адаптировать сценарий, и снова с множеством побочных эффектов. Усиление давления на местные избирательные комиссии побудило некоторых председателей комиссий организовать «генеральные репетиции» для подсчета бюллетеней и объявления «правильных» заранее подготовленных результатов голосования. Этот тип действий, в свою очередь, сопряжен с новыми рисками: подвергаясь разоблачению любознательных граждан, они начинают действовать как новый триггер¹⁴².

Примерно к декабрю 2020 года властям удалось вернуть контроль над ситуацией в обществе и номенклатуре и этот контроль удерживается на момент подготовки этого текста. Но это было осуществлено очень высокой ценой: жестокие репрессии, массовый уход чиновников (в том числе силовиков) из системы, делегитимация как внутри страны, так и на международной арене. В такой ситуации возрастает риск тризмановских «ошибок» из следующих категорий: «Много репрессий», «Плохая политика», «Обидел элиту» и «Международный конфликт».

Каковы риски и шансы для режима будут появляться в будущем, в немалой степени зависит от случайных, «лотерейных» факторов, создать или запланировать которые практически невозможно. Но то, что в силах сторонников перемен – это подготовиться и воспользоваться очередными возможностями в случае их появления.

¹⁴² Пар. Рудкоўскі, Пётр. «Кошт аўтарытарызму». *Беларускі інстытут стратэгічных даследаванняў (BISS)*, 10 жніўня 2020, <https://belinstitute.com/be/article/koszt-autarytaryzmu>

Синописис лотерейных факторов

Таблица 15.1. Лотерейные факторы, влияющие на (а) преодоление автократии, (б) переход к демократии

(НЕГ – влияние негативное; ПОЗ – влияние позитивное;
НЕЙТ – влияние нейтральное)

Факторы	...влияющие на:	
	- преодоление автократии	- переход к демократии
Шоки и кризисы	ПОЗ	НЕГ или НЕЙТ
Смерть автократа	НЕГ	НЕЙТ
Ошибки автократа	ПОЗ	ПОЗ (при наличии других предпосылок) или НЕЙТ

Таблица 15.2. Беларусь: конфигурация лотерейных факторов

(«+1» – фактор влияет позитивно; «-1» – фактор влияет негативно;
«0» – фактор нейтрален)

В Беларуси:		Значение для	
		- преодоления автократии	- перехода к демократии
Пандемия SARS-CoV-2		+1	0
Низкая вероятность смерти Лукашенко в течение ближайших 2-3 лет		0	0
Вероятность негативных последствий для режима («ошибки» Тризмана) в течение ближайших 2-3 лет в связи со следующим:	«Мало уступок»	+1	+1
	«Много репрессий»		
	«Плохая политика»		
	«Скользкие выборы/ референдум»		
	«Обидел элиту»		
«Обидел силовиков»			
	«Международный конфликт»		

Заключение

Электоральная легитимация в современном мире остается основной и почти единственной формой обоснования притязаний на высшую государственную власть. Одни получают электоральную легитимацию честным путем, другие – обманным, но принцип остается одним для всех: чтобы быть легитимным правителем, ты должен быть избран или хотя бы создать впечатление, что избран.

До тех пор, пока электоральные фальсификации незаметны для большинства населения, до тех пор электоральная легитимация может вполне успешно работать. И она работала более или менее успешно в Беларуси с конца 90-ых прошлого века до 2020 года. Неожиданная политическая активизация населения, с одной стороны, и слишком очевидные фальсификации, с другой, привели к разрушению остатков электоральной легитимации режима. Сужение аудитории государственных СМИ и падение доверия к ним усугубили проблему легитимации: власти уже не в состоянии убедить большинство (или хотя бы значительное меньшинство), что у инкумбента действительно есть народный мандат и что вся история о фальсификациях не имеет под собой никаких оснований. Непризнание результатов выборов большинством европейских стран, а также США, Канадой и Японией, введение международных санкций и дипломатическая изоляция режима будут еще долго удерживать проблему электоральной легитимации в центре внимания, как внутри страны, так и на международном уровне.

В Беларуси вырос и усилился средний класс; десятки тысяч предприимчивых людей успели в период относительной либерализации 2015–2019 почувствовать свою независимость от государства как в плане материального самообеспечения, так и в плане самореализации. Это сделало недееспособным социальный контракт между режимом и обществом, который был завязан на обеспечении со стороны государства стабильного дохода и предоставлении некоторых социальных гарантий. Экономическая стагнация последних лет и перспектива серьезных проблем в ближайшем будущем не позволят перезапустить приемлемый для большинства социальный контракт.

У режима остаются некоторые козыри в сфере идеологической легитимации. Правящая группа хорошо отдает отчет в том, что белорусское население скептически относится к ряду эмансипативных ценностей Запада (права LGBT+, феминизм, мультикультурализм) и активно использует эти настроения для позиционирования Лукашенко как защитника «традиционных ценностей» белорусского народа. Риторика защиты «традиций» находит отклик в Православной церкви, а также у части католиков и протестантов. На все это накладывается чувство культурно-языковой близости белорусов к россиянам и привязанность к советскому прошлому как маркеру самоидентификации. Эти три сферы – защита «традиционных ценностей», дружба с Россией и культивация советского наследия – по-прежнему монополизированы Лукашенко.

События 2020 года стали серьезным испытанием для сплоченности белорусских элит. В целом это испытание режиму удалось выдержать, хотя и не без существенных потерь. Построенная Лукашенко система представляет собой клиентелистскую

сеть с элементами внутрисобной борьбы, благодаря которой он может играть роль арбитра. По мере усиления доминанции силовиков в этой сети будет расти доля «обиженных», что может привести к разбалансировке системы. Санкционное давление и нарастание экономических проблем может иметь двойной эффект: он может способствовать сплочению элит и объединению усилий для сохранения системы, но вполне возможно, что обострит разногласия: одни начнут возлагать ответственность за проблемы на других.

Наше исследование выявило больше предпосылок для демократии, чем для преодоления автократии. Иначе говоря, в случае коллапса авторитаризма у белорусов есть хорошие шансы на построение функциональной демократии. Вот основные предпосылки для демократии: ослабление патерналистских настроений в пользу индивидуальной ответственности, рост веры в собственные силы, рост образованности населения, опыт самоорганизации и горизонтального взаимодействия, усиление среднего класса, отсутствие в обществе острых конфликтов (этнических, религиозных, региональных и т.д.), небольшое социальное неравенство, государственная устойчивость.

Большинство из названных предпосылок имеют позитивное значение как для преодоления автократии, так и демократизации. Но некоторые из них по-разному влияют на эти два процесса. Отсутствие острых конфликтов и небольшое социальное неравенство облегчают запуск демократических институтов, но не способствуют мобилизации общества против автократии. Высокая степень государственной устойчивости – это еще более амбивалентный фактор, так как на этапе автократии он усложняет смену режима, но если это произойдет, способствует построению функциональной демократии.

Есть в белорусском случае как минимум два фактора, которые негативно влияют как на шансы преодоления автократии, так и шансы построения демократии – слабая национальная идентичность, которая компенсируется привязанностью к советскому прошлому, русскому миру и этическому традиционализму, а также российская социализация белорусских чиновников.

Белорусская продемократическая мобилизация пришла на период замедления (или остановки) времени демократии. По данным *Freedom House*, 2020 год стал 15-м годом ухудшения мирового индекса демократии. Экономические успехи (авторитарного) Китая, противоречивая президентура Дональда Трампа, Brexit, рост так называемого правого популизма в странах Запада, восстановление власти талибов в Афганистане – все это создает негативный фон для демократических устремлений.

Белорусская автократия не в состоянии «перепрыгнуть» через некоторые цивилизационные барьеры. Видимость процедурной легитимации ей придется поддерживать в любом случае, проводя «выборы», «референдумы» или «публичные обсуждения». И это – одно из наиболее уязвимых мест режима. 26% послевоенных автократий было свергнуто в результате того, что (имитированный) избирательный процесс пошел не по сценарию.

Характерной чертой белорусской ситуации является низкий уровень проавторитарной мобилизации. Сторонники власти активизировались 2020 году, но эта активность все же не сравнима с проавторитарной мобилизацией в Турции в 2013 году или в

Польше в 1980-81 годах. Этот момент будет играть важную роль на следующих этапах. Неповоротливые и заурядные сторонники автократии на фоне энергичных и креативных сторонников перемен будут подтачивать имидж режима, как внутри страны, так и на международной арене. В среднесрочной перспективе власти будут вынуждены пойти на уступки, тем более, что в мире современных автократий появился немало-важный прецедент – в августе 2021 года режим Николаса Мадуро в Венесуэле объявил о решении пойти на переговоры с оппозицией.

Опыт консолидации протестного движения в 2020 году оказал (и продолжает оказывать) существенное влияние на сторонников режима. Для них поддержка режима перестает быть опцией «по умолчанию» и они начинают всерьез задумываться над выгодами и затратами от такой поддержки. Многие из них занимают выжидательную позицию и стараются не идентифицировать себя ни с той, ни с другой стороной.

Российское руководство продолжит тактику публичной поддержки режима Лукашенко в сочетании с продвижением конституционной реформы в течение 2022 года. Кремль рассчитывает на появление мощной пророссийской политической силы в Беларуси, которая либо будет осуществлять власть в новом авторитарном формате, либо, по крайней мере, будет конкурировать с другими в рамках полудемократического формата. Аннексия Беларуси вряд ли рассматривается как вариант решения белорусского вопроса.

Беларусь созрела к демократии, но процесс трансформации может затянуться на несколько лет. В этом плане она вряд ли станет исключением из правила: системные трансформации государств – это почти всегда длительный и болезненный процесс. И этот процесс, безусловно, не проходит автоматически – он зависит от активности/пассивности конкретных людей.

*Працэс інтэнсіўнага лячэння пачаўся.
І беларускі арганізм аказаўся надзіва моцным.
Гэта дае надзею.*

Андрэй Скурко, 18 жніўня 2020

Научная литература и аналитические отчеты

D. Acemoglu, J. Robinson (2012), *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*, Cambridge University Press.

E. Alemán, Y. Kim (2005), 'The democratizing effect of education', *Research & Politics*, 2 (4).

A. Anisin (2020), *Debunking the Myths Behind Nonviolent Civil Resistance*, *Critical Sociology*, April 29, 2020;

R. Astapenia (2021), Belarusians' views on the political crisis Results of a public opinion poll conducted between 20 and 30 April 2021, *Chatham House*, June 11, <https://www.chathamhouse.org/2021/06/belarusians-views-political-crisis>

R. Astapenia (2021), 'Why has the Belarusian revolution stalled?' *Chatham House*, February 9, <https://www.chathamhouse.org/2021/02/why-belarusian-revolution-has-stalled>

(2021) 'Belarusians on Poland, Russia and themselves. Analysis of a public opinion poll commissioned by the Centre for Eastern Studies', *OSW Commentary*, January 29 <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2021-01-29/belarusians-poland-russia-and-themselves>

L. Blaydes (2010), 'Elections and Elite Management,' In *Elections and Distributive Politics in Mubarak's Egypt* (pp. 48-63), Cambridge: Cambridge University Press.

K. Bornukova, G. Shymanovich, and A. Chubrik (2017), 'Fiscal Incidence in Belarus: A Commitment to Equity Analysis', *World Bank Policy Research Working Paper No. 8216*, October 12, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3052056

D. Brancati (2016), *Democracy Protests: Origins, Features and Significance*, Cambridge: Cambridge University Press.

R. Brooks (2013), 'Abandoned at the Palace: Why the Tunisian Military Defected from the Ben Ali Regime in January 2011', *Journal of Strategic Studies*, 36/2.

J. Brownlee (2007), *Authoritarianism in an Age of Democratization*, Cambridge University Press.

E. Chenoweth, M. J. Stephan (2011), *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*, New York, NY: Columbia University Press.

E. Chenoweth (2020), 'The Future of Nonviolent Resistance,' *Journal of Democracy*, July, vol. 31/3.

A. Croissant, D. Kuehn, and T. Eschenauer (2018), 'The «Dictator's Endgame»: Explaining Military Behavior in Nonviolent Antiincumbent Mass Protests,' *Democracy and Security*, Volume 14.

A. Croissant, O. Hellmann (eds) (2020), *Stateness and Democracy in East Asia*, Cambridge University Press.

J. I. Domínguez (1998), *Democratic Politics in Latin America and the Caribbean*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

D. Easton (1979), *A Systems Analysis of Political Life*, Chicago: Chicago University Press.

M. Frankel, 'Threaten but Participate: Why Election Boycotts Are a Bad Idea', *Brookings Policy Paper*, Nr 19, March 2010, https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/02_election_boycotts_frankel.pdf

E. Frantz, A. Kendall-Taylor (2016), 'Pathways to democratization in personalist

dictatorships', *Democratization*, 2016.

F. Fukuyama, *Stateness* (2005), 'Journal of Democracy', January.

J. Gandhi, A. Przeworski (2006), 'Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorship', *Economics and Politics*, 18.

B. Geddes (1999), 'What Do We Know About Democratization After Twenty Years?' *Annual Review of Political Science*, Vol. 2.

B. Geddes (2005), 'Why parties and elections in authoritarian regimes?' *Annual Meeting of the American Political Science Association*;

B. Geddes, J. Wright, E. Frantz (2014). 'Autocratic Breakdown and Regime Transitions: New Data,' *Perspectives on Politics*, Volume 12, Issue 2, <https://www.cambridge.org/core/journals/perspectives-on-politics/article/autocratic-breakdown-and-regime-transitions-a-new-data-set/EBDB9E5E64CF899AD50B9ACC630B593F>

B. Geddes, J. Wright, E. Frantz (2018), *How dictatorships work. Power, Personalization, and Collapse*, Cambridge University Press.

J. Gerschewski (2013), 'The Three Pillars of Stability', *Democratization*, Vol. 20, nr 1.

S. Glennan (2006), 'Explanation' in Sahotra Sarkar, Jessica Pfeifer (eds), *The Philosophy of Science. An Encyclopedia*, New York: Routledge.

S. Gunitsky (2018), 'Democratic Waves in Historical Perspective', *Perspectives on Politics*, 16(3).

C. G. Hempel (1965), *Aspects of Scientific Explanation*, New York: The Free Press.

G. C. Hufbauer, J. J. Schott, K. A. Elliott, and B. Oegg (2007), *Economic Sanctions Reconsidered*, 3rd edition, Columbia University Press.

S. Huntington (1991), *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, University of Oklahoma Press.

A. Kendall-Taylor, E. Frantz (2014). 'How Autocracies Fall.' In *Political Science Faculty Publications*. Paper 69, https://vc.bridgew.edu/polisci_fac/69

A. Kendall-Taylor and E. Frantz (2016), 'When Dictators Die', *Journal of Democracy*, Volume 27, Number 4, October.

B. Lebanidze (2020), *Russia, European Union, and the Post-Soviet Democratic Failure*, Springer VS.

B. Magaloni (2006), *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*, Cambridge University Press.

Cf. M.S.Manger, M.A. Pickup (2016), 'The Coevolution of Trade Agreement Networks and Democracy', *Journal of Conflict Resolution*.

B. Martin (2005), *Justice ignited: The dynamics of backfire*. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield.

C. Massaro (2018), *The Dictators' Dilemma: Repression or Concessions in the Face of Resistance. A master's thesis*, The City University of New York.

J.Møller & S.-E. Skaaning (2011), 'Stateness first?', *Democratization*, 18:1.

K.R. Popper (2020), *The Open Society and Its Enemies*, Princeton: Princeton University Press.

V. Silitski (2005), 'Preempting Democracy: The Case of Belarus', *Journal of Democracy*, Volume 16, Number 4, October.

E. F. Thomas, W. R. Louis (2013), 'When Will Collective Action Be Effective? Violent and Non-Violent Protests Differentially Influence Perceptions of Legitimacy and Efficacy Among Sympathizers', *Personality and Social Psychology Bulletin*, December.

D. Treisman (2020), 'Democracy by mistake: How the errors of autocrats trigger transitions to freer government', *American Political Science Review*, March.

L. Way (2005), 'Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness

in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine', *World Politics*, Volume 57, Number 2, January.

M. Weiner (1987), 'Empirical Democratic Theory' in M. Weiner and E. Özbudun (eds.) *Competitive Elections in Developing Countries*, Durham, NC: Duke University Press.

A. Wilk (2021), *Rosyjska armia białoruska. Praktyczne aspekty integracji wojskowej Białorusi i Rosji*, „Raporty OSW”, Marzec. <https://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/raport-osw/2021-03-03/rosyjska-armia-bialoruska>

A. Wilson (2021), *Belarus. The Last European Dictatorship*. New Edition, Yale University Press.

E.J.Wood (2000), *Forging Democracy from Below. Insurgent Transitions in South Africa and El Salvador*, Yale University.

А. Домбровский (2019), «Половина белорусов выступает не за союзнические, а за партнерские отношения с Россией», *Институт социологии Национальной Академии Наук*, 4 декабря, <https://socio.bas-net.by/polovina-belorusov-vystupaet-ne-za-soyuznicheskie-a-za-partnerskie-otnosheniya-s-rossiej/>

А. Илларионов (2020), «Мирно победить авторитарный режим? Каковы шансы у Беларуси и России?» *НВ*, 11 декабря 2020, <https://nv.ua/opinion/rossiya-belarus-kak-stranam-s-zhestkim-rezhimom-smenit-vlast-poslednie-novosti-50129715.html>

В. Сіліцкі (2015), *Доўгая дарога ад тыраніі*, Мінск.

Итоговый отчет о выборах президента Республики Беларусь (по данным платформ «Голос», «Зубр» и сообщества «Честные люди»), 20 августа 2020, https://drive.google.com/file/d/1kSprtBUUtS1vb-W_jc4QJkPkoZPJWxd/view

«Аналитический отчет по результатам наблюдения за выборами Президента Республики Беларусь», *Вясна, БХК*, 10 августа 2020, <http://elections2020.spring96.org/ru/news/98937>

Социологические опросы и международные индексы

"V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v11.1" Varieties of Democracy (V-Dem) Project. <https://doi.org/10.23696/vdemds21>.

EIU: <https://www.eiu.com/n/> (2006–2021)

BTI: <https://www.bti-project.org/en/home.html?&cb=00000>

NAVCO (List of Campaigns 1.3): <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND>

WVS: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

EVS: <https://europeanvaluesstudy.eu/>

United Nations Development Programme. Human Development Index (HDI): Education Index [URL: hdr.undp.org].

Fragile States Index powered by the Fund for Peace: <https://fundforpeace.org/2020/05/11/fragile-states-index-2020/>

Polity IV: <https://www.systemicpeace.org/polityproject.html>

World Bank Index: <https://data.worldbank.org/indicator>

Белстат: <https://www.belstat.gov.by/>

OSW: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2021-01-29/belarusians-poland-russia-and-themselves>

Опрос белорусской социологической компании Satio: 8-20 мая 2020 года (выборка: 1587, метод: CAWI).

Опрос Четэм Хаус: 20-30 апреля 2021 года (выборка: 937, метод: CAWI).

Опрос лаборатории «Новак»: 27.08–11.09.2009 (выборка: 1011; национальный опрос методом face-to-face).

biss
Belarusian Institute
for Strategic Studies

Белорусский институт стратегических исследований (BISS) – аналитический центр, основанный в 2007 году группой видных ученых и общественных деятелей. Его основная миссия – изучение социально-политических процессов с точки зрения их долгосрочного (стратегического) значения, а также продвижение этоса открытого общества в Беларуси. На данный момент, помимо факторов политической трансформации в поствыборный период, институт изучает ценностные трансформации, осуществляет экспертизу образовательной, научной и инновационной политики, организует дискуссии в Экспертно-аналитическом клубе, проводит тренинги по критическому мышлению и анализирует текущие политические события.

Сайт: <https://belinstitute.com/>
Контакт: biss@belinstitute.com